

К. Я. Кожурин

par
vus
libellus

КРУГ СТАРОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ: ОТ КУПЕЛИ ДО ПОГОСТА

е в р а з и я

К. Я. Кожурин

КРУГ
СТАРОВЕРЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ
От купели до погоста

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург

2025

УДК 281.93

ББК 86.29

K58

Кожурин, Кирилл Яковлевич.

К58 Круг староверческой жизни: от купели до погоста / К. Я. Кожурин. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 319 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0733-6

Церковный раскол середины XVII века стал водоразделом русской истории. Большинство ученых, наверное, до конца еще не осознали, какая непоправимая катастрофа произошла на Руси в далеком XVII столетии, как не поняли истинных масштабов и значения русского сопротивления — движения старообрядчества. В дальнейшем, в царствование Петра I, религиозный раскол был углублен за счет раскола культурного. Не желавшие изменять вере своих предков, сотни тысяч русских людей были названы невеждами, причислены к преступникам против церкви и государства и обречены на церковное и царское наказание. Спасаясь от преследований, староверы устремились в непроходимые леса, на окраины государства, за его рубежи, бежали во все концы необъятной Руси. Хранители «древлего благочестия» бросали все, кроме древних икон и старопечатных книг, и на новом месте, куда их кидала судьба, бережно, по крупицам, возрождали Древнюю Русь. О прошлом и настоящем «истинного православия», о повседневной жизни староверов XVIII—XIX веков и наступившего XXI столетия рассказывается в этой книге.

УДК 281.93

ББК 86.29

Электронное издание на основе печатного издания: Круг староверческой жизни: от купели до погоста / К. Я. Кожурин. — Санкт-Петербург : Евразия, 2020. — 320 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0488-5. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0733-6

© Кожурин К. Я., 2020

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2020

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2020

Глава 1

Старообрядческое храмостроительство

Церковная реформа патриарха Никона середины XVII века коснулась не только богослужебных книг, но и церковного искусства. Так, например, в архитектуре были запрещены национальные русские формы шатровых храмов, тесно связанных с народным зодчеством («церкви вверх», по образному определению летописцев). Ориентировавшийся на греческие образцы, патриарх Никон решил строить новые храмы только с византийским пятиглавием. Однако народ продолжал сохранять любимую им форму шатра, и вдалеке от Москвы, прежде всего на Севере, где наиболее сильны были позиции приверженцев старой веры, по-прежнему продолжали возводить шатровые храмы.

Известный знаток древнерусского искусства Игорь Грабарь писал: «Человек, ездивший по Северной Двине, Онеге, Мезени или по Олонецким озерам, на всю жизнь сохраняет воспоминание об этих сказочно-прекрасных церковках-грезах, поднимающихся

среди густого елового леса, таких же остроконечных, как ели, таких же, как они, седых. Много таких церквей уже рухнуло, многое сгорело, еще больше искалечено невежественными благодетелями, а иные более ста лет заброшены, потому что принадлежали сторонникам старой веры»¹.

О глубокой мировоззренческой основе шатровой храмовой архитектуры необыкновенно поэтично писал другой знаток древнерусского искусства Иван Никифорович Заволоко: «Шатровые храмы поразительны по красоте, где бы они ни стояли, — на далекой ли Кемь, почти у полярного круга, около Вологды, в Устюге или в костромских лесах. Шатровые храмы поднимаются ввысь от земли. Прямые, строгие и стройные. Нет ничего случайного, отвлекающего внимание на мелочи. Словно лишенные всякой связи с суетливым человеческим миром, стоят эти памятники старины, великанские своими бревнами, кольчугами лемехового шатра, с размахнувшимся крестом на лазури. Древнерусские храмы — это соборное творчество народа, его сила, воля, как бы мускулатура его, уверенные взмахи закаленной неослабевающей от работы руки. В древнерусском храме отразилось религиозное мироощущение русского народа, это свеча — небу, поставленная в образе стройного шатрового храма»².

Скит. Художник Е. Е. Волков

Выговская пустынь. Гравюра XVIII века

Традиции дораскольной архитектуры получили продолжение, в частности, в храмах Выговского и Лексинского общежитеств. Об этом красноречиво свидетельствуют старинные гравюры и рисованные лубки, а также редкие фотографии конца XIX — начала XX веков. Архитектурный облик Выговского общежитества сложился уже к началу XVIII века. В центре стояла соборная часовня Богоявления Господня (она была построена в 1710-е годы) — большая постройка, состоявшая из двусветной моленной, обширной трапезной и сеней. Трапезная и сени имели единую кровлю и по два окна, располагавшихся на одном уровне с нижними окнами моленной. Моленная («певческая») имела

окна в два уровня. Ее кровлю венчала главка с крестом, которая покоилась на небольшой «бочке» — традиционном элементе выговских храмов. Трапезная отделялась от часовни капитальной стеной. В стене была дверь и два проема, закрывавшихся ставнями. Высота моленной от пола до потолка составляла 4 сажени (8,5 м), ширина — почти 6 саженей (12,8 м). «Представители епархии в середине XIX века свидетельствовали, что часовня имела древнюю форму и по величине была больше православной церкви. Ее утварь в 1739 году состояла из четырехрядного тяблового иконостаса, 49 мелких образов, 2 паникадил, 11 медных лампад и 27 книг»³. Рядом с часовней стояла большая колокольная, сруб которой — восьмерик на четверике — завершался ярусом звона под высоким шатром. По периметру располагались больница, жилые кельи, хозяйственные службы. Все это было окружено высокой стеной, за которой располагалась гостиница для паломников. Через реку Выг был построен мост.

В женском Лексинском монастыре главная часовня во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста по своим размерам и оформлению значительно превосходила все прочие часовни первой половины XVIII века, в том числе и Богоявленскую на Выге. В 1728 году здесь была построена новая часовня вместо сгоревшей старой. К ча-

совне прирубили «велию трапезу», а к трапезной с двух сторон «приделы», «в одной стороне для говори псалтырей по усопшим», а в другой стороне для приезжих гостей. Приделы отделялись от трапезной плотной стеной «выше человека», которая завершалась под потолком решеткой, «дабы стоящим в приделах слышати с часовни пение». Оба придела соединялись с трапезной дверями. К трапезной примыкала «немалая» паперть. Часовня соединялась со столовой переходами с перилами. Параллельно со строительством часовни иконописцы из Выговского монастыря и Березовского скита писали для нее иконы. В Крестовоздвиженской часовне был пятиярусный иконостас. В местном ряду иконостаса стояло 10 больших икон (Богородицы Тихвинской в окладе, Распятие Господне с венцом, святого пророка Иоанна Предотечи с венцом, Пресвятой Троицы, святителя Николы Чудотворца, апостолов Петра и Павла, евангелиста Иоанна Богослова с венцом, Софии Премудрости Божией, преподобных Зосимы и Саватия^а Соловецких, святого пророка Илии). Кроме того, здесь же располагалось 49 мелких икон, 6 из которых были в окладах. Выше шел деисусный ряд с иконами всех двенадцати апостолов. Над ним располагался праздничный ряд с икона-

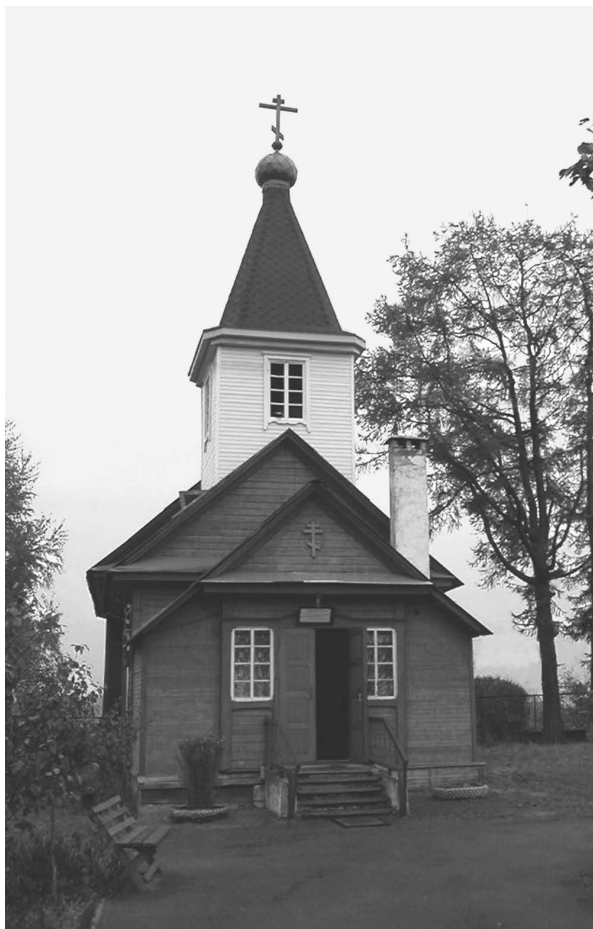
^а Здесь и далее написание имен собственных дается в старообрядческой традиции.

Остатки Выговской пустыни в начале XX века

ми двенадесятых праздников, а еще выше — пророческий и праотеческий ряды. Кроме иконостаса в певческой имелись одно медное паникадило, 10 жестяных лампад, 13 старопечатных книг. Убранство трапезной было более скромным и ограничивалось 13 иконами.

Вместе с тем, бережно сохраняя традиции древнерусского зодчества, староверы создали новые типы построек, такие как старообрядческий молитвенный дом, старообрядческая моленная. Именно здесь складываются особенности интерьера старообрядческих церквей, его насыщенность информацией, обилие икон. В условиях гонений сформировались и собственно старообрядческие типы построек: часовня-церковь и церковь без возможности служения литургии старообрядцев-беспоповцев»⁴. Характерной особенностью храмовой архитектуры выговских часовен (а впоследствии храмов всех беспоповских согласий) становится отсутствие апсидной части (то есть алтарного выступа) — из-за отсутствия алтарей. По сути, беспоповские храмы — это не церкви в строгом смысле слова, а часовни (иногда весьма внушительных размеров), хотя сами беспоповцы предпочитают другое название — «моленная». «Основной задачей старообрядческой моленной, помимо богослужебной, стала учительная и вероисповедная. Поэтому в интерьере моленной очень большую роль начинают играть текст,

Поморский храм в г. Борисове (Беларусь)

знак, информация. Отсюда — обилие в старообрядческих моленных икон, их небольшой масштаб и расположение, также на стенах моленных присутствовал и учительный лубок, в интерьер многих старообрядческих моленных добавились места для сидения»⁵. (Во время чтения поучений на достаточно продолжительной службе разрешалось сидеть.)

Архитектурные особенности старообрядческих храмов во многом связаны с отношением к старообрядчеству правительства. В течение долгого времени (с начала XVIII века и вплоть до 80-х годов XIX века) в различных частях Российской империи было разрешено возведение храмовых сооружений без «оказательства», то есть без внешних признаков храма — без купола, креста и колокольни. Часто такой храм представлял собой обычную бревенчатую избу, крытую соломой и разделенную на две части (в одной живет наставник, в другой — совершается богослужение), к которой после законодательных актов 1883 и 1905 годов пристраивалась главка с крестом и колокольня.

Во второй половине XVIII века, в течение непродолжительного периода религиозной терпимости, в некоторых городах были возведены первые каменные старообрядческие храмы. Прежде всего, это архитектурные комплексы Преображенского и Рогожского кладбищ в Москве.

Комплекс Преображенского кладбища (Преображенского богаделенного дома), основанного в 1771 году староверами-федосеевцами, является уникальным памятником архитектуры и культуры старообрядчества. Основателю кладбища И. А. Кавылину удалось привлечь для строительства таких известных русских архитекторов, как В. И. Баженов и Ф. К. Соколов. Сохранившийся до наших дней комплекс зданий «Преображенского кремля» в основном был выстроен в 1784–1811 годах по проекту Ф. К. Соколова. В 1811 году было закончено строительство Крестовоздвиженской часовни на женской половине. Палаты были обнесены белыми кирпичными стенами с зубчатыми башнями по углам, напоминавшими стены главной русской святыни — Московского Кремля.

Архитектурная стилистика Преображенского богаделенного дома представляет собой весьма самобытное явление: Успенский храм и кладбищенская часовня выполнены в стиле неоготики екатерининской эпохи; стилистика пятиглавой надвратной часовни на мужской половине ближе к русскому зодчеству XVII века, а Крестовоздвиженская соборная моленная — типичный образец московского барокко XIX века. Особенностью архитектуры комплекса является различие в подходе к стилистике бытовых и са-
кральных строений. «В бытовых строениях

Крестовоздвиженская часовня
на Преображенском кладбище в Москве

характерно подчеркивание существования во всех каменных палатах моленных, не только декором, но и планировочно. Для сакральных — подчеркнутая преемственность с древнерусской архитектурой, выраженная зачастую декоративными средствами без соотнесения со структурой здания»⁶. В декоре построек мужской половины и Крестовоздвиженской моленной можно проследить общие черты. Это стилизованная форма шатра, а также форма кокошника. Шатер и кокошник в том или ином виде (обрамление окон, декоративное продолжение карниза и т. д.) встречаются в декоративном убранстве всех сакральных построек. По всей вероятности, изображение шатра должно было напоминать о запрещенных Никоном шатровых завершениях древнерусских храмов.

В храмах Преображенского кладбища стараниями Ковылина была собрана огромная коллекция редчайших древних икон, которые до сего дня не перестают удивлять знатоков и искусствоведов. Как уже говорилось, в 1802 году через Министерство внутренних дел Ковылину удалось приобрести идущий на слом храм Сретения в Кремле (XVI век) вместе со всеми старинными иконами и убранством. В 1806 году, когда началась перестройка Потешного дворца царя Алексея Михайловича в Кремле, Ковылин купил парадные резные ворота дворца, украшенные

Иконостас Крестовоздвиженской часовни
Преображенского кладбища в Москве

белокаменными изображениями львов. Эти ворота были перевезены на Преображенку и установлены при входе в женскую обитель. После революции 1917 года ворота были разобраны и перевезены в Коломенское.

Стены внутри соборной часовни, лишенные каких-либо росписей, сначала были украшены старинными иконами в драгоценных окладах, пожертвованными членами общины. Но и такого благолепия показалось недостаточно. Староверам хотелось, чтобы их моленная напоминала настоящий дораскольный православный храм с высоким древнерусским иконостасом в несколько рядов, что со временем и было сделано.

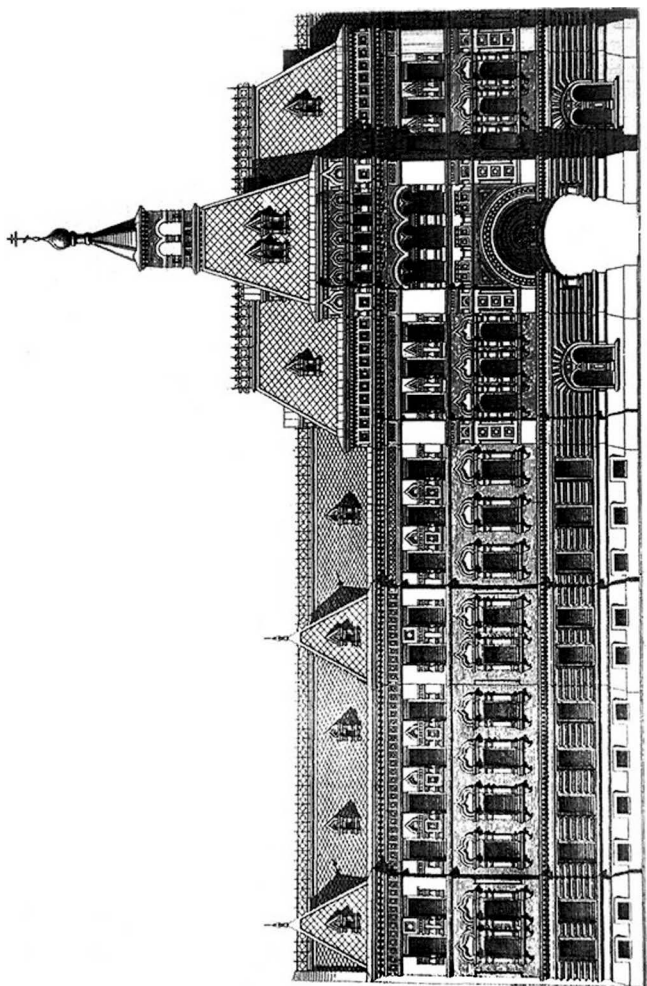
Постепенно складывался храмовый комплекс на Рогожском кладбище — духовном центре московских старообрядцев-беглопоповцев. Построенная ими в 1771 году первая деревянная часовня во имя Чудотворца Николы уже в 1776 году была перестроена в пятиглавый каменный храм. В 1790 году началось возведение огромной летней церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Проект первоначально был заказан архитектору М. Ф. Казакову, однако впоследствии старообрядцы решили воспользоваться планом, снятым ими с церкви Рождества Богородицы в Бутырской слободе. По обширности ему не было равного в Москве, однако петербургский митрополит Гавриил донес императрице

Покровский собор
Рогожского кладбища в Москве

Екатерине II о постройке храма, утверждая, что старообрядцы — народ опасный и что они своей постройкой большого храма «унижают господствующую церковь». В результате началось расследование, и храм разрешили достроить только в урезанном виде. Вместо пяти глав оставили только одну маленькую, алтарные выступы сломали, из-за чего уменьшилось внутреннее пространство храма (алтарную часть вынуждены были перенести внутрь), а само здание понизили. С внешней стороны храм стал выглядеть как огромный простой дом. Зато внутри он поражал великолепием настенной росписи и редкостными по древности иконами. Несмотря ни на что, Покровский собор, строительство которого было закончено в 1793 году, до сих пор остается одним из самых обширных храмов в Москве. В 1804 году по проекту архитектора И. Д. Жукова был построен обширный зимний храм во имя Рождества Христова, выполненный в неоготическом стиле. В первой четверти XIX века между Никольским и Покровским храмами была также возведена небольшая звонница.

В Петербурге во второй половине XVIII века появляются часовни Малоохтинского и Волковского кладбищ, а впоследствии — подворье Выговского общежития («Долговская моленная») на Моховой улице. В архитектуре старообрядческих храмов этого периода умело сочетаются традиции и нова-

Волковская старообрядческая богадельня в Петербурге

ции. На Малоохтенском кладбище в 1792 году на деньги купца М. И. Ундозерова была построена каменная поморская моленная во имя Св. Илии Пророка «с высоким куполом и колокольной», в 1802 и 1809 годах прирезаны дополнительные участки, появилась богадельня, а позже и больница.

В 1784 году попечитель петербургской федосеевской общины купец Ф. Ф. Косцов выстроил на Волковском кладбище мужскую каменную богадельню, которую в 1807 году дополнила женская, состоявшая из нескольких двухэтажных зданий. В одном из них находилась моленная для мужчин, в другом — для женщин. Мужская богадельня вместе с моленной перешла в 1847 году к синодальной церкви, а женская осталась у федосеевцев. Федосеевское отделение Волковской богадельни стало главным духовным центром этого старообрядческого согласия в Северо-Западном крае. В 1871–1872 годах богадельня была перестроена по проекту архитектора И. А. Варнека и получила небольшую главку с восьмиконечным крестом. Сама моленная, именовавшаяся «собором», размещалась на первом этаже и имела четырехъярусный иконостас из красного дерева с образами в богатых серебряных ризах. В 1884 году федосеевцы начали возводить на берегу Волковки по плану Ф. И. Габерцеттеля и А. О. Томишко новое трехэтажное зда-

ние в «русском стиле» в память Александра II («Александровское отделение»). Поскольку расположенная в центре здания моленная была увенчана куполом, ее долго не разрешали открыть, хотя богадельни уже действовали. Это здание (правда, без купола) сохранилось до наших дней.

Настоящий расцвет храмового строительства в старообрядчестве пришелся на его «золотой век». После выхода законодательного акта 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости», а в особенности — Высочайшего Указа правительствующему Сенату «О порядке образования и действия старообрядческих общин» 17 октября 1906 года старообрядцы получают возможность не просто строить новые храмы, но строить их в соответствии с церковными канонами и со своими эстетическими идеалами. Как отмечал известный искусствовед П. П. Муратов, теперь «старообрядчество получило возможность открытого существования. Ему было разрешено строить церкви, и постройка старообрядческих храмов, благодаря обильно притекавшим пожертвованиям, сразу же началась во многих городах. Там, где к постройке храма имел отношение старообрядец, любивший и ценивший древнюю икону, явилась возможность церковного украшения в ином духе, чем тот, который был привычен для русского общества, посещавшего наши бесчисленные

елизаветинские, екатерининские и александровские церкви...» Уже к началу 1910 года в Российской империи было образовано и официально зарегистрировано 1300 старообрядческих общин. За непродолжительный период (фактически от выхода указа 1906 года об общинах до революции 1917 года) старообрядцами по всей России было построено около 1000 храмов, устроено несколько новых монастырей. При этом в старообрядческом храмовом зодчестве специалисты выделяют несколько устойчивых линий использования типов церквей, которые проявлялись как своего рода архитектурные «темы». Это тема надвратной церкви, тема домовой церкви, тема трапезной церкви, тема соборной церкви, тема ярусной церкви, церкви-башни⁷.

Любопытно, что, получив возможность строить новые храмы, старообрядцы (особенно в Петербурге и Москве) зачастую выбирали только входивший тогда в моду и вызывавший далеко неоднозначную оценку у людей искусства «неорусский стиль». «Под неорусским стилем понимается направление в архитектуре и искусстве конца XIX — начала XX вв., возникшее на стыке русских стилей XIX в. и эстетики модерна. От русских стилей был унаследован интерес к отечественной культуре прошлых эпох, стремление глубоко изучить и понять ее закономерности и возродить в современном искусстве

Поморский храм Знамения на Тверской ул. в Петербурге, 1912 год

ее дух, стилистику, традиции. Технические новшества и эстетика эпохи модерна позволили при этом отойти от буквального копирования исторических прототипов, от “археологизма” в воспроизведении деталей, дали возможность свободного оперирования исходными формами и мотивами, их стилизации, что привело к появлению совершенно оригинальных произведений, в которых стремились воплотить не букву, но дух, идею, идеал древнего искусства»⁸.

Одними из первых, кто воспользовался преимуществами, дарованными указом 1905 года о веротерпимости, стали петербургские староверы-поморцы. Они принялись за построение своего нового центрального храма на Тверской улице на участке, пожертвованном Верой Ивановной Кокоревой, вдовой попечителя поморской общины, крупного финансиста, общественного деятеля и публициста Василия Александровича Кокорева. Проект церковного здания был разработан известным зодчим, городским архитектором Дмитрием Андреевичем Крыжановским (1871–1942). Закладка нового храма состоялась 6 августа 1906 года в праздник Преображения Господня, а 22 декабря 1907 года построенный храм был уже освящен во имя Знамения Пресвятой Богородицы. Храм на Тверской улице стал самым крупным поморским храмом в Российской империи.

Центральный иконостас храма Знамени
на Тверской ул. в Петербурге

Храм был построен в стиле северных новгородских и псковских церквей. Весь архитектурный комплекс состоял из храма, соединенной с ним особой галереей пристройки, ризницы и надворных построек. Застроенный участок был отгорожен от улицы массивным, довольно низким каменным забором с небольшими просветами. Тем самым храм был несколько отодвинут от линии тротуара, что как нельзя лучше отвечало впечатлению, которое и должна была производить постройка поморской общины — не столько приходского, сколько, скорее, монастырского характера.

Образцом для оформления интерьеров храма Знамения на Тверской стали моленные и собор Преображенского богаделенного дома в Москве. Четверо членов Совета общины специально делегировались для их осмотра. В результате осмотра и в соответствии с пожеланиями членов общины и учредительницы В. И. Кокоревой было принято решение, что большинство икон в храме должны быть старинными, написанными не позднее второй половины XVII века, и только в необходимых случаях новыми, написанными в стиле древнего письма. Значительная часть икон была перенесена из старой моленной на Лиговской улице. С целью подбора и приобретения икон для храма были осмотрены хранилища торговцев древними иконами на Нижегородской ярмарке и в Мо-

скве, известных торговцев Большакова, Силина и других, а также собрания известных коллекционеров, в частности А. И. Егорова, наследников Е. С. Егорова, наследников И. М. Ивакина, о. Исаакия Носова. Часть икон, в частности зааналойный крест, были возвращены властями из тех, что были прежде конфискованы у старообрядцев. Приобретались также иконы старообрядческой поморской иконописной школы XVIII–XIX веков.

Изнутри храм был выполнен строго, в традициях поморцев: стены моленной, лишенные росписей и иных украшений, гладко оштукатурены и окрашены белой клеевой краской. Глаз отдыхал на этом широком, полном воздуха и света пространстве. Тем рельефнее выделялись три резных иконостаса из серого дуба в древнерусском стиле (работа мастерской Д. В. Дудакова по рисунку архитектора), устроенных на капитальных стенах и уставленных в пять ярусов иконами старинного письма. Общая площадь иконостасов и киотов — около 400 кв. аршин (196 кв. м). Общая вместимость — 427 икон. Почти все иконы местного ряда среднего иконостаса представляли собой весьма редкие экземпляры древнего новгородского и псковского письма. Среди прочих ярусов и на клиросах имелись образцы письма московского и курсунского. Между древними образами размещались (преимущественно в верхних ярусах) иконы

с изображениями апостолов, пророков и праотцев, написанные уже в начале XX века, но с соблюдением неперменного условия: чтобы стиль письма был сохранен древний и чтобы иконописцами были исключительно староверы. Новые иконы были написаны старообрядцами поморского согласия иконописцами братьями Сусловыми.

Кроме иконостасов, в тех же серых тонах из резного дуба были выполнены клиросы, киоты и пристенные скамьи. Хоругви и бронзовые, под старое серебро, паникадила изготовила московская фабрика Оловянишникова в духе древнерусских образцов по рисункам архитектора и художника С. И. Вашкова. Согласно требованиям общины, освещение, производимое лишь с помощью восковых свечей, менялось среди служб, весьма продолжительных. Во избежание необходимости пользоваться зажигательными шнурами, лестницами и прочим, паникадила были снабжены противовесами, помещавшимися в центральной главке, и могли опускаться и подниматься одним человеком без особых усилий.

В церковь вели два входа с двумя совершенно изолированными друг от друга вестибюлями для мужчин и женщин. Между вестибюлями располагался притвор для лиц, временно лишенных молитвенного общения с прочими членами согласия. От храма он отделялся стеклянной створчатой дверью,

которая в случае надобности могла раскрываться во всю ширину арки, соединявшей притвор с церковью. Для лиц же, принадлежавших к другим конфессиям, были устроены хоры, как бы в виде отдельного теремка. Помещаясь в самом храме, они совершенно были от него изолированы особым потолком и стеклянными створами в лицевой стенке.

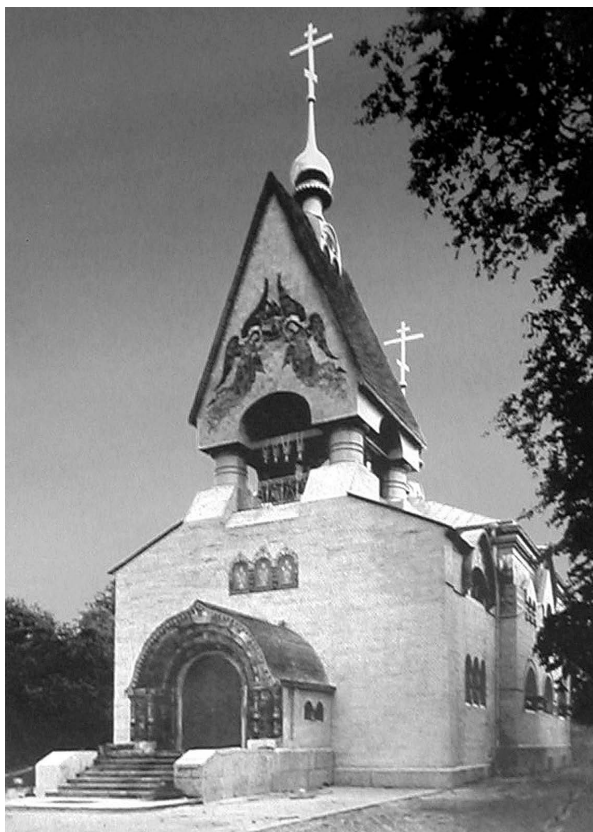
Пол храма был паркетный, оконные переплеты — металлические, двери — из дуба с грубым кованым прибором из железа. Одна из таких дверей (с северной внутренней стороны храма) была обита красной медью древнего рисунка со врезанными в нее образами в серебряных ризах.

Звонница помещалась над галереей, соединявшей храм с пристройкой, на высокой стенке, параллельной улице. Она была увенчана тремя арками на 6 колонках, в прорезях между которыми и помещались колокола. С северной стороны храма была пристроена отдельная часовня для отпевания покойников, а в прилегающих флигелях располагались училище, детский приют, богадельня, кухня, общая трапезная, свечная мастерская и квартиры семейных клирошан. В 2004 году храм Знамения на Тверской, превращенный в советское время в автопредприятие, был возвращен поморской общине и восстановлен к своему 100-летнему юбилею. Сейчас в стенах этого храма, который по праву счи-

тается одним из красивейших в северной столице, каждый день проводятся богослужения.

Вслед за столичными поморцами в 1908 году строительство своего нового храма во имя Воскресения Христова и Покрова Богородицы завершили поморцы Первопрестольной. По решению Совета Второй Московской поморской общины был приобретен участок земли в Токмаковом переулке и приглашен молодой архитектор Илья Евграфович Бондаренко (1870–1947), знаток русской старины, который целиком посвятил себя проектированию храмов, стилизованных в новгородско-псковском стиле, но при этом отличающихся неповторимым своеобразием. Северные формы трактовались зодчим весьма вольно, здесь присутствовала особая пластичность форм, экспрессия... Бондаренко ввел в употребление прием, который искусствоведы определяют как «двойную стилизацию»: на реальном «теле» храма «рисует» еще один, на стене колокольни обрамление надвратного образа также напоминает храм, из-за чего строение приобретает особенную многомерность и загадочность, дополнительный архитектурный ритм. Специалисты иногда сравнивают работы И. Е. Бондаренко с произведениями двух других мастеров модерна — А. Гауди и Ф. О. Шехтеля.

Построенный за один год, храм удался на славу. Сравнительно небольшой, но необыкновенно оригинальный, непохожий на

Храм Воскресения и Покрова
в Токмаковом переулке в Москве

прочие московские храмы, он был выполнен в стиле северного модерна, с элементами псковско-новгородских церквей, и облицован кирпичом бледно-палевого цвета. Над западным входом была устроена оригинального рисунка звонница под двускатной крышей из разноцветной черепицы, увенчанная главою с вызолоченным куполом и крестом. На переднем фасаде звонницы над колоколами изображены из разноцветной майолики два ангела, держащих на руках икону Спасителя. Эта икона представляла собой копию с чудотворного образа, находившегося в часовне Спасских ворот в Кремле, уничтоженной в 30-е годы XX века. На звоннице было семь колоколов, из которых большой весил 70, а остальные — 50 пудов.

Вход в храм — высокий, арочный, просторный. Тамбур при входе был облицован разноцветной майоликой и украшен колоннами в древнерусском стиле. Крыша на тамбуре сделана в два ската из разноцветной черепицы. Массивные дубовые двери вели в притвор храма, по сторонам которого были устроены небольшие помещения для хранения верхней одежды, богослужебных кафтанов и сарафанов, стоял свечной ящик. Широкая лестница с красивой металлической оградой в стиле модерн вела на хоры, другая — на цокольный (подвальный) этаж, где размещались большая раздевальня, камера

для центрального отопления, комнаты для отдыха и т. д. От притвора моленную отделяла широкая арка, украшенная ажурной металлической решеткой, закрывавшейся раз в году — на Светлой заутрени.

Изнутри стены моленной были выкрашены в серовато-голубой оттенок, напоминающий низкое северное небо. Свет проникал через полукруглые широкие окна в древнерусском стиле. В оконные рамы были вставлены разноцветные стекла с изображениями различных фигур. Пол в храме — паркетный. В западной части храма — хоры для молящихся. Посреди храма укреплено массивное металлическое паникадило в один ярус в древнерусском стиле из темной меди с разноцветными стеклами. Храм позволял вместить до 800 богомольцев.

Переднюю стену храма во всю высоту занимал четырехъярусный иконостас из мореного дуба, выполненный в традициях древнерусских высоких иконостасов, увенчанный пятью главками с крестами. В середине нижнего яруса («местного ряда») находилось подобие царских врат с изображениями евангелистов и сенью. Все иконы в иконостасе — без окладов, написаны в традициях древнерусской иконописи. Перед каждой из икон местного ряда поставлены массивные металлические подсвечники, а перед остальными — новые «поставцы» для восковых

свечей и лампы в древнем стиле. Перед иконостасом посреди солеи располагался престол, облаченный в дорогую одежду из золотой парчи. На престоле помещались старинные храмовые иконы Воскресения Христова и Покрова Пресвятой Богородицы, Евангелие, а за престолом — большой древний запрестольный крест, обложенный по сторонам вызолоченным серебром. У краев солеи — большие клиросы из мореного дуба, возле которых помещены сделанные по древним образцам хоругви с подзорами из голубоватой шелковой материи, шитой золотом и шелками. На хоругвях — храмовые иконы. За клиросами в особых иконостасах — драгоценные древние иконы, пожертвованные знаменитыми промышленниками Морозовыми из своих моленных. Из них особенно замечательны были 16 малых икон господских праздников превосходного письма в серебряных окладах, больших размеров икона св. Николы Чудотворца в старинной ризе, Деисус, икона Похвалы Богородицы, пророка Илии... За левым клиросом находилась древнейшая икона Тихвинской Богородицы, украшенная унизанной жемчугом драгоценной ризой с бриллиантовыми звездами, а рядом с ней — иконы трех святителей и Вознесения. Рядом с клиросами в особых киотах — по четыре больших иконы XVI века с изображениями апостолов.

На северной и южной стенах храма в изящных киотах находились четыре большие иконы древнего письма с изображениями св. Николы Чудотворца, св. Леонтия, архиепископа ростовского, св. Ионы, митрополита московского, и св. Григория Богослова. На западной стене размещалась больших размеров икона Страшного суда (XVI век). Справа и слева — аналои для праздничных икон и для богослужебных книг. Вдоль стены стояли дубовые скамьи.

Массивное паникадило было укреплено на специальной конструкции, выведенной наверх, под самую черепичную крышу храма. Над моленной располагались просторные хоры, сюда в день Светлой Христовой Пасхи выносили столы, на которых расставляли куличи для освящения, здесь же в особенно людные богослужения размещались прихожане.

В цокольном этаже находилась еще одна моленная, с иконостасом и небольшими клиросами, столярная мастерская и комнаты для обучения знаменному пению. Для освещения цокольного этажа был придуман оригинальный способ: в горизонтальных решетках прямиков были установлены во множестве стеклянные призмы, которые преломляли вертикальный свет, направляя его горизонтально в окна полуподвального помещения и таким образом освещая его. Как видим, отвергая новшества в богослужении и в духов-

ной жизни, старообрядцы в других областях всегда шли в ногу со временем.

В том же году по проекту архитектора И. Е. Бондаренко был построен каменный храм во имя Рождества Христова, Успения Пресвятой Богородицы и Святителя Николы Первой Московской поморской общины (Большой Переведеновский переулочок в Лефортово). Новый двухэтажный храм напоминал по своему внешнему виду фасад теремного дворца бояр Романовых на Варварке (XVI–XVII века). На первом этаже размещались раздевалка и помещение для заседаний Совета общины. Весь второй этаж занимало храмовое помещение в виде большой длинной залы без колонн и перегородок высотой 7 аршин. Трехъярусный иконостас с дорогими старинными иконами в художественных серебряных ризах состоял из икон, перенесенных из старой Любушкинской моленной. На восточной стороне располагались большая солея с престолом для Евангелия, аналои для чтецов и клироса. При храме было большое собрание древних икон и святоотеческих книг. Снаружи храм был украшен одной главой с крестом. В храм вели два входа: один со двора для приходящих богомольцев, другой (теплый) соединял храм с домом-богадельней для престарелых женщин и сирот, содержавшимся на добровольные пожертвования прихожан. Храм и все

жилые помещения отличались обилием света и воздуха. К сожалению, здание этого замечательного храма не сохранилось (было уничтожено в 1970-е годы).

Вообще нужно сказать, что тон в старообрядческом храмостроительстве задавала Первопрестольная. В Москве с 1908 по 1915 год было освящено 15 новых храмовых зданий! «Москвичи с изумлением наблюдали, как в течение десятилетия вместо неприметных молелен появились светлые просторные староверческие храмы, сооруженные в древнерусском стиле... Внешний старинный облик новопостроенных церквей московских старообрядцев органично дополнялся благоукрашенным внутренним состоянием. В эти храмы верующие переносили бережно сохраняемые в течение сотен лет древние драгоценные святыни: иконы, книги, утварь. По старинным образцам и канонам изготавливались иконостасы, паникадила, подсвечники, лампы и проч. Город украсился храмами, живо напоминавшими старинные памятники Великого Новгорода, Пскова, средневековой Москвы. Старообрядческие церкви внешним и внутренним видом являли собой настоящие музеи древнерусской культуры с живой приходской жизнью»⁹.

Почти все московские старообрядческие храмы были сооружены по проектам известных архитекторов Н. Д. Поликарпова,

Покровский старообрядческий собор
на Новокузнецкой ул. в Москве, 1910 год

Ф. Ф. Горностаева, И. Е. Бондаренко, В. Д. Адамовича, В. М. Маята, Н. Г. Мартьянова и других и часто представляли собой стилизации знаменитых памятников древнерусской архитектуры. Например, храм Успения на Апухтинке повторял формы Успенского собора в Кремле, церкви Покрова на Остоженке и Св. Николы у Тверской заставы — Спаса на Нередице в Новгороде, колокольня на Рогожском кладбище напоминала колокольню Ивана Великого. Тем самым старообрядцы подчеркивали свою духовную причастность к древним святыням, монополизированной господствующей церковью, и предъявляли свои права на историческое наследие Древней Руси.

Среди старообрядческих храмов, построенных в Москве в начале XX века поповцами белокриницкой иерархии, особо выделялся собор Успения Пресвятой Богородицы на Апухтинке. Его строительство началось в 1906 году. Новое здание по проекту архитектора Н. Д. Поликарпова строилось по образцу Большого Успенского собора в Кремле и, по мысли его устроителей, должно было стать символом возрожденного старообрядчества. Летом 1908 года двухэтажный пятиглавый храм был вчерне построен. 9 ноября 1908 года состоялось освящение верхней Успенской церкви, а в январе 1909 года — нижней Сергиевской церкви.

Храм на Апухтинке поражал величием и монументальностью своих архитектурных форм. С западной стороны к собору была пристроена небольшая массивная звонница, на которой висел звон из двенадцати колоколов (самый большой из них весил 350 пудов). С этой же стороны к храму была пристроена паперть с широкой аркой в древнем стиле. На западной стороне собора помещалось большое изображение Успения Божией Матери с предстоящими, исполненное известными иконописцами — братьями Чириковыми. Но особенно поражало присутствующих величие и благолепие внутреннего убранства собора. Многие в его украшении напоминали известные святыни православной Руси. Пятиярусный иконостас, обложенный серебряной вызолоченной басмой, был сделан по образцу высоких иконостасов московского Успенского собора и Рождественского собора в Савино-Сторожевском монастыре. Замечательные старинные иконы XV–XVII веков были собраны для нового храма из московских молелен и со всей России. Из икон особо выделялись образа Спасителя со страстями, Смоленской Божией Матери, преподобного Сергия Радонежского с житием, св. Николы Чудотворца, Преполовления (все XV–XVI веков). В особых киотах находились иконы «Минеи месячные» строгановского письма. Над царскими воротами была поме-

щена сень XVI века с иконами новгородских писем. Своеобразием отличалось устройство и украшение алтаря: престол был высечен по образцу древних из цельного камня, а за ним в виде старинного храма устроена «Голгофа». В алтаре находились древние иконы корсунских писем XV века с изображением Спасителя, Умиления Божией Матери, Знамения Божией Матери и св. Николы. По древним образцам была устроена и церковная утварь — паникадило, лампы, подсвечники, хоругви. У стен поместили металлические гробницы, исполненные в древнем стиле. В одну из них положили старинную шитую золотом и серебром плащаницу XVI века, в другую — серебряный ковчег с животворящим крестом и частицами мощей святых. 19 мая 1917 года в соборе был освящен небольшой придел во имя Святой Троицы, украшенный царскими вратами XVII века и иконами XVI века.

Послереволюционная судьба Успенского храма на Апухтинке была печальной. Закрытый в 1935 году по распоряжению московских властей, он был впоследствии перестроен до неузнаваемости и превращен в четырехэтажный дом-общежитие. Наиболее ценные и древние иконы поступили в Третьяковскую галерею.

20 апреля 1908 года на Рогожском кладбище состоялась закладка величественного храма-колокольни во имя Воскресения Христова,

Храм-колокольня Воскресения Христова
на Рогожском кладбище в Москве

а через полгода на колокольню были подняты колокола (весом 1000, 360 и 250 пудов). Храм был сооружен в память распечатания алтарей храмов Рогожского кладбища на средства известной старообрядческой благотворительницы Ф. Е. Морозовой и члена совета общины И. П. Трегубова по проекту архитектора Ф. И. Горностаева. Внутри храм был расписан в новгородском стиле XVI века известными иконописцами М. И. Дикаревым и Н. Я. Тюлиным. В иконостасе находились иконы XIV–XVII веков, пожертвованные М. С. Кузнецовым, А. Трегубовым, Рахмановыми. Фасады храма украшены рельефными изображениями райских птиц: Сирина, Алконоста и Неясыти (пеликана, который, по преданию, питает детей своей кровью, и тем самым символизирует Христа). По легенде, старообрядцы выхлопотали разрешение выстроить храм всего на метр ниже кремлевского Ивана Великого. В 1912 году в одном из помещений колокольни разместили библиотеку, в которой хранились и древние рукописи.

Однако активное храмостроительство шло не только в столицах. Немало замечательных по красоте и внутреннему убранству старообрядческих храмов было построено в провинциальных городах: во Владимире, Самаре, Саратове, Казани, Двинске (Даугавпилсе), Ковно (Каунасе), Иркутске, Пскове,

Ржеве, Вольске, Егорьевске, Богородске, Рыбинске, Клинцах, Сергиевом Посаде, Городце, Хвалынске, Семенове, Новочеркасске, Иваново-Вознесенске, Боровске, Рязани, Серпухове, Барнауле, Одессе; немало великолепных храмов было построено и в старообрядческих селах и деревнях. К сожалению, далеко не все из них сохранились до наших дней, а многие были изуродованы до неузнаваемости в годы воинствующего атеизма.

Глава 2

Старообрядческая иконопись

В начале XX века русскому «культурному» обществу, наряду с великими научными открытиями и достижениями, перевернувшими его жизнь, вновь было суждено открыть для себя древнюю икону. Гонимая, уничтожавшаяся и искажавшаяся официальной церковью, она бережно сохранялась старообрядцами в глухих скитах и потаенных моленных. Русский философ князь Е. Н. Трубецкой назвал древнерусскую иконопись «умозрением в красках». И может быть, именно в иконе мировоззрение старообрядчества выразилось наиболее ярко и глубоко.

«Старинная икона — наиболее характерный внешний признак старообрядчества; последнее любит свою старинную икону; оно прожило неразлучно с ней всю свою многострадальную историю, живет и поныне, видя в ней утешение своих горестей и ответ на многие вопросы. Древняя икона позволяет заглянуть в самое святое святых старообрядчества, узнать, к чему последнее стремится,

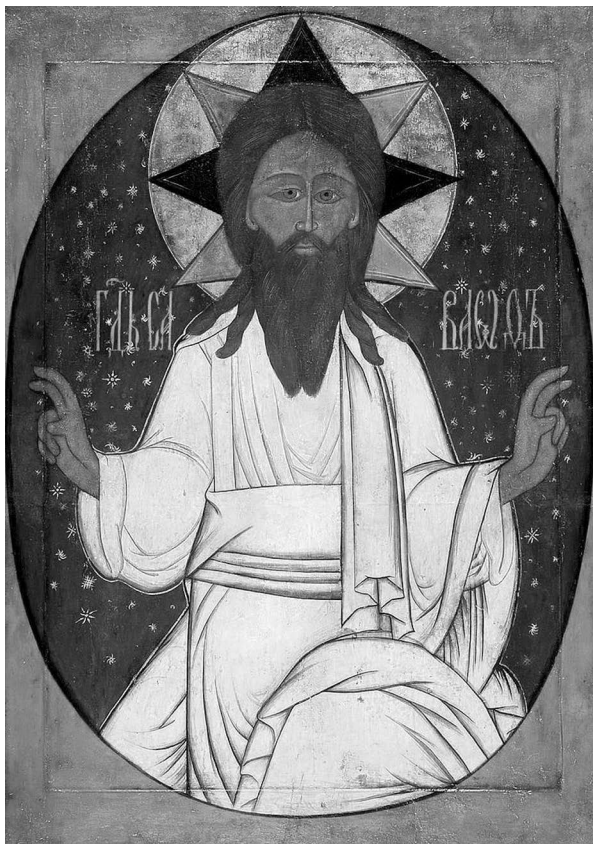
что видит в протекающей жизни, как смотрит на грядущие судьбы человечества. Свидетельство древней иконы — бесспорное и неизменное; оно красноречиво говорит о характере старообрядческого мировоззрения. Совершенно неверно мнение, полагающее, что старообрядцы собирают древние иконы из археологического интереса... Древняя икона для старообрядца не музейная вещь, которую он поставит в витрину в своем домашнем музее, а живой вестник из иного мира, из иного плана бытия; он будет не любоваться на икону, как эстет, а *молиться* перед ней»¹⁰.

Та «псевдоморфоза православия» (то есть облечение православия в несвойственные ему богословские формы мышления и выражения), которая, по словам богослова Г. В. Флоровского, произошла в новообрядческой церкви после никоно-алексеевской церковной реформации, прежде всего дала знать о себе в иконописи и богослужебном пении. С самого начала «реформы» «упорно насаждается мнение, что раньше у нас не умели ни богословствовать, ни петь, ни рисовать. Переориентировка на католическое понимание образа, понимание прогресса соответственно мирскому мироощущению влекут за собой отношение к традиционному православному искусству как к исторически пройденному этапу. Русская иконопись и русское пение, знаменный распев, объявляются вар-

варским искусством, искусством для холопов и спешно заменяются западными. Эту замену стало делать легче особенно после того, как на все старое, традиционное русское православное искусство было поставлено клеймо “старообрядчества”»¹¹.

После раскола был принят ряд законодательных мер, специально направленных против иконописцев-староверов: в 1668 году было введено правило, согласно которому запрещалось писать иконы без особого разрешения; при Петре I иконописцев впервые обязали ставить на иконе свою подпись, а при Николае I староверам вообще было запрещено вступать в цеха иконописцев. «Мастера, писавшие иконы со старообрядческой символикой, и торговцы, распространявшие их, преследовались и подвергались различным наказаниям, а “неистинные” иконы, “противные учению православной церкви”, изымались и переписывались или уничтожались. При этом заключения так называемых “экспертов” от господствующей церкви были предельно предвзятыми и зачастую дилетантскими»¹².

Как «раскольничье мудрование» был запрещен ряд древних изображений: «Отечество» (Троица Новозаветная), Господь Саваоф «в образе ветхолетнего мужа», Спас «Благое молчание», «Благоразумный разбойник», «образ Богородицы болящей (лежащей) при

Господь Саваоф. XVIII век

Св. мученик Христофор. XVIII век

Рожестве Сына Божия и бабы при Ней» (в иконе Рождества Христова), Богоматерь Троеручица, образ Неопалимой Купины, образ Софии Премудрости Божьей, св. мученика Христофора-песиглавца и многие другие любимые в народе изображения. Вместе с тем, нередко были случаи, когда реформаторы не гнушались прямой фальсификацией и порчей древних икон, переписывая изображения или надписи на них, а затем указывая на «поновленные» образа как на свидетельство своей правоты.

Постепенно древнее иконописание было сплошь вытеснено салонной религиозной живописью, раболепно и неискусно подражавшей западным образцам и носившей громкое наименование «икон итальянского стиля» или «в итальянском вкусе», о которой Андрей Дионисьевич так отзывался в «Поморских ответах»: «Нынешние же живописцы, тое (то есть апостольское. — К. К.) священное предание изменивше, пишут иконы не от древних подобий святых чудотворных икон греческих и российских, но от своеобразительного смышления: вид плоти одебелевают (утолщают. — К. К.), и в прочих начертаниях не подобно древним святым иконам имеющие, но подобно латинским и прочим, иже в Библиях напечатаны и на полотнах малиованы. Сия живописательная новоиздания раждают нам сомнения...»¹³

По словам П. П. Муратова, «в несколько десятилетий рассеялось все, что накапливалось веками. Иконостасы барокко и классицизма сменяли, где только возможно, древние новгородские и московские иконостасы. Старинные иконы сваливались в церковных подвалах или на колокольнях. Переписанными или искаженными они сохранились лишь в забытых церквях глухих городов или в Олонецких или Вологодских деревянных церквях, не знавших ни соседства, ни попечения помещика»¹⁴. «Веку Просвещения» не нужны были «черные доски». Так, по распоряжению Екатерины II из Успенского собора во Владимире был выброшен иконостас кисти Андрея Рублева и заменен иконостасом барокко с ее собственным изображением в виде святой Екатерины.

В отличие от представителей официальной церкви, староверы не только сохранили древнерусскую икону, но порою шли на всевозможные ухищрения, чтобы получить для своих моленных древние образа. Целые иконостасы, вывезенные из синодальных церквей, находились в моленных на Преображенском кладбище в Москве и в Судиславском федосеевском скиту под Костромой. Для последнего купцом-федосеевцем Н. А. Папулиным было закуплено около 1350 икон из Строгановского Благовещенского собора в Сольвычегодске. Как писал П. П. Муратов,

«если древняя икона воскресла в начале нынешнего века, этим мы обязаны прежде всего и больше всего русскому старообрядчеству... Старообрядцы не только собирали и берегли памятники старины, но они желали видеть эти памятники такими, какими были они впервые созданы. Они хотели любоваться и молиться на подлинное письмо великих древних художников. Они сделали нечто большее, чем сбережение старых темных досок: они сберегли тот удивительный цех иконных мастеров, который умеет один открывать на этих старых досках, под копотью и чернотой, под слоями позднейших прописей настоящие живописные шедевры».

Однако, собирая и искусно реставрируя древние образа, старообрядцы достаточно рано озаботились проблемой создания собственных икон. Далеко не всякий старообрядец мог иметь у себя древний образ, а потребность в правильных, неискаженных образах была велика. Уже в конце XVII — начале XVIII века иконописцы из разных концов России начинают съезжаться в Выговское старообрядческое общежительство. Со временем иконописные мастерские появились практически во всех крупных старообрядческих духовных центрах (Ветка, Гуслицы, Преображенское и Рогожское кладбища в Москве, Поволжье, Урал). И это неудивительно — писанные и меднолитые

иконы, рисованные лубки, лицевые книги пользовались неизменным спросом среди старообрядцев, выполняя роль своего рода «катехизиса в красках», зримым образом свидетельствуя о гонимой истине.

Если говорить об отличительных особенностях старообрядческой иконы в целом, то здесь можно выделить ряд общих черт, свойственных всем старообрядческим школам иконописи. Это традиционное написание имени Христа как «Ісусъ», в отличие от принятого при патриархе Никоне «Іисусъ»; двуперстное крестное знамение благословляющей десницы; трисоставный «осьмиконечный» крест с соответствующими сопроводительными надписями («Царь Славы» у беспоповцев или «ІНЦІ» «І(сус) Н(азарянин) Ц(арь) І(удейский)» у поповцев); дораскольные святительские и иноческие облачения; надписи в дораскольной орфографии (на свитках или в Евангелии) и т. д. На принадлежность иконы старообрядцам часто указывает сам ее сюжет. Для старообрядческих икон были характерны дидактическая направленность, назидательность, а также ярко выраженный эсхатологический характер (например, такие иконы, как «Страшный суд», «Канон на исход души», «Лествица, юже виде Иоанн, игумен Синайския горы», «Бренность жизни», «Семь отроков во Ефесе», «Единородный Сын», «Притча о богатом и Лазаре»,

«Распятие страстей»). Особой популярностью среди староверов-поморцев пользовался «Образ Всех Российских чудотворцев», на котором было изображено более 100 русских святых, канонизированных или местно чтимых до никоновской реформы. Этот образ служил зримым выражением неразрывной связи Поморской Церкви с Церковью дораскольской.

Вместе с тем, можно говорить и о ряде материальных признаков, характеризующих старообрядческую икону. Так, например, иконы беспоповцев поморского корня, как правило, имели ковчег (то есть углубленное среднее поле иконной доски). Доски составлялись из нескольких частей. Небольшие иконы всегда скреплялись торцевыми шпонками, более крупные — врезными встречными шпонками. По краям доски на выговских иконах делалась опушь тремя (иногда двумя) линиями: красной вдоль наружного края, голубой посередине и белой к центру иконы.

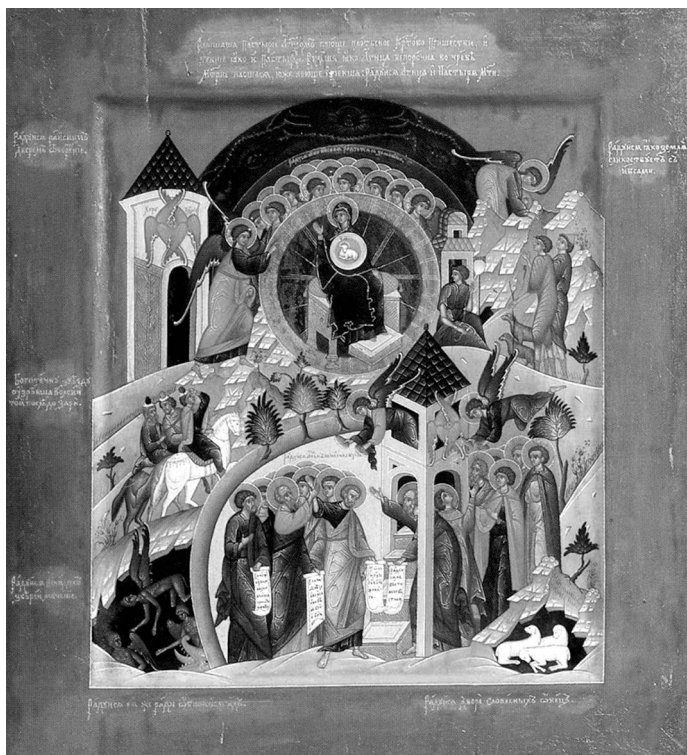
Но самое главное — это следование духу древней иконы, следование церковным канонам, «иконописным подлинникам». Создавая новые иконы, старообрядцы стремились строго придерживаться древних образцов. Однако, поступая так, старообрядческие мастера-иконописцы не просто слепо копировали древние образцы, но творчески продолжали развивать древнерусские и визан-

Богородица Корсунская. XVIII век

тийские традиции в своей иконописи. Это могло проявляться по-разному. Например, со временем, когда появились благоприятные возможности, старообрядцы стали возрождать те традиции, которые по тем или иным причинам были утрачены за десятилетия гонений. Это, в частности, относится к некоторым редким иконографическим сюжетам XVI–XVII веков, вновь появляющимся в старообрядческой иконописи второй половины XVIII–XIX веков (образ Богородицы Корсунской, «Николы отвратного»). Вместе с тем, в ряде случаев имела место творческая переработка в «старообрядческом ключе» иконографических сюжетов, заимствованных как из древних, так и из нетрадиционных источников (новообрядческой или даже западной иконографии): например, появление двуперстия на иконе Богородицы «Утоли моя печали» или старообрядческая версия иконы Богородицы «Взыскание погибших», прославленной в синодальной церкви лишь в XVIII веке. Другим видом новаций в старообрядческой иконописи была модификация старой традиции, в результате которой появлялись новые иконографические сюжеты, более усложненные и насыщенные деталями («Притча о блудном сыне», «Угль Исаии», «Всевидящее око»).

Старообрядцы стремились возродить не только отдельные иконографические сюже-

«Акафист Богородице».
Мастерская А. Т. Михайлова. Москва, 1901 год

ты, но и целые иконописные школы. Так, во второй половине XVIII века у староверов становится популярной стилизация под строгановскую школу. Одним из первых, кто начал писать в подобной манере, был московский иконописец Гурий Иванов — прихожанин Монинской поморской моленной. Другими представителями этого направления были федосеевские иконописцы А. Т. Михайлов и Н. М. Силачев.

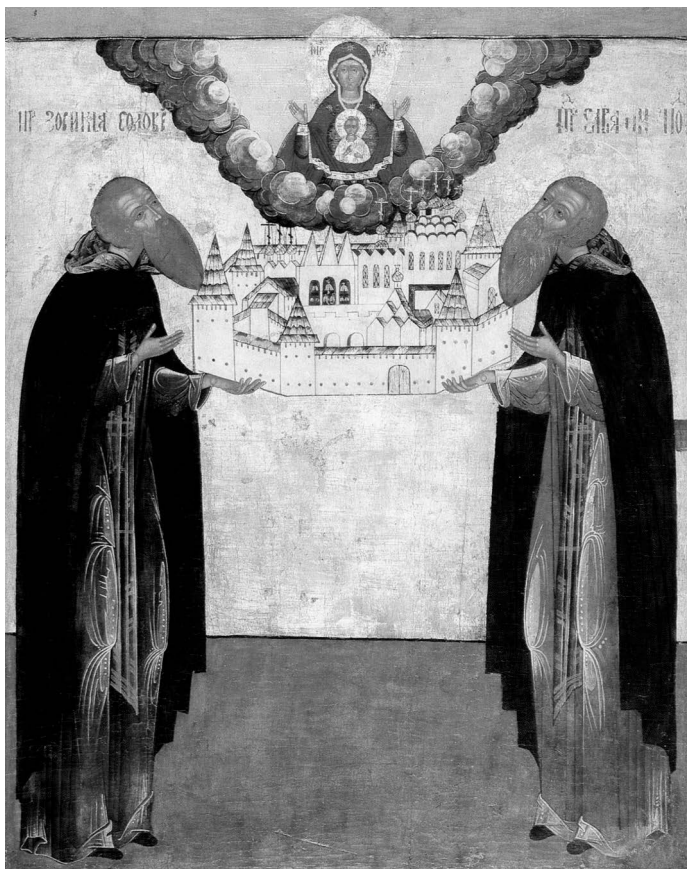
Несмотря на общую приверженность древним традициям, в ряде старообрядческих центров со временем появились свои специфические особенности, позволяющие отличить иконы одной старообрядческой школы иконописи от другой. Самым известным и крупным центром старообрядческого иконописания было **Выговское поморское общежительство**. Сюда в начале XVIII века пришли Даниил и Иван Матвеевы из Каргополя, Алексей Гаврилов из Вязников, «имеяше художество иконы писати и вельми хитр бе в том художестве»¹⁵, который стал впоследствии главным мастером, его дядя Василий Ларионов, а также выходец из Архангельска Афанасий Леонтьев. В мужской киновии была построена иконническая келья. На иконописании специализировался Березовский скит, где жили преимущественно иконописцы. Ко второму поколению выговских изографов относятся Поликарп Яковлев, Иродион, ученик

Спас Благое Молчание. Выг, начало XIX века

Алексея Гаврилова, Михаил Васильев, Семен Петров, Козма Иванов, Стефан Григорьев, Григорий Яковлев. «Судя по объему выполнявшихся иконописных работ, иконописцев на Выгу было значительно больше, нежели известно в настоящее время по упоминаниям в “Истории Выговской пустыни” Ивана Филиппова и “Извещении праведном о расколе беспоповщины” Григория Яковлева. Обращает на себя внимание тот факт, что первые выговские иконописцы были выходцами из разных мест и представляли различные иконописные традиции, поэтому проблема истоков и своеобразия выговской школы приобретает особый интерес»¹⁶.

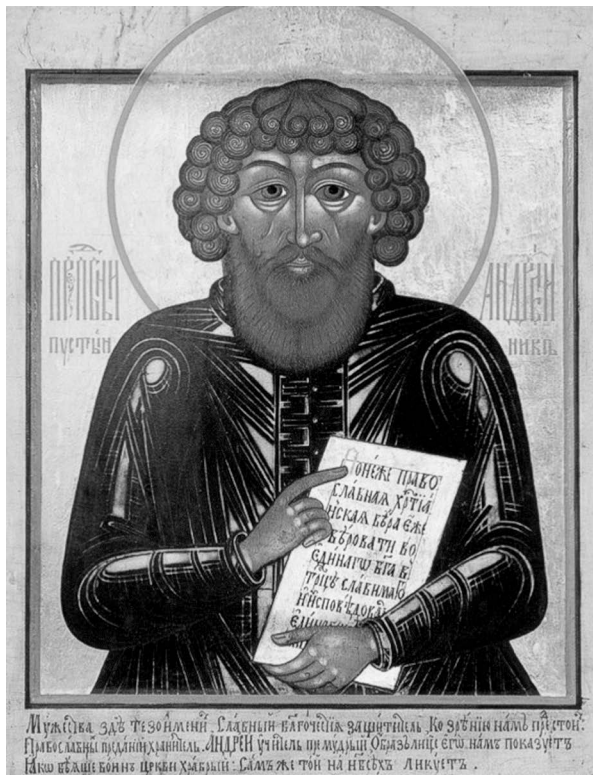
Со временем на Выгу сложился свой неповторимый тип письма («поморский пошиб»). В. Г. Дружинин в начале XX века сделал некоторые наблюдения над стилистикой выговских икон, по которым и сегодня, хотя и не всегда однозначно, можно атрибутировать произведения выговских иконников. Он отмечал, что на начальном этапе формирования даниловской школы мастера «подражали иконам Соловецкого письма, а потом Строгановского». На иконах второй четверти XVIII века лики белые, середины и второй половины XVIII века — желтые, конца XVIII века — красно-коричневые. Мотивы палатного письма заимствованы из произведений царских изографов конца XVII века.

Преподобные Зосима и Саватий
с изображением Соловецкого монастыря.
Выг, XVIII век

Мастера стали сильно оживлять золотом пробелку облачений, использовать золотые фоны. С конца XVIII века в изображения ландшафта на иконах (горок, земли и деревьев) начинают вводиться характерные элементы северной природы — появляется тип позема, напоминающий тундру, покрытую мхом, с растущими на ней низкими елками. В XIX веке исследователь отмечает появление «охристого оттенка» ликов, сильно вытянутые пропорции фигур и украшение одежд золотом и узорочьем.

Среди икон, создававшихся в Выговском поморском общежитии, преобладала традиционная иконография. При этом наиболее многочисленными были богородичные иконы (прежде всего, образ Богородицы Тихвинской, особенно почитавшейся в Новгородских пределах). Широкое распространение получила эсхатологическая тематика — композиция «Страшного суда», икона автора Апокалипсиса — «Святой Иоанн Богослов в молчании». Из русских святых чаще всего изображали московских святителей Петра, Алексия, Иону и Филиппа, основателей русского монашества — преподобных Антония и Феодосия Печерских, Зосиму и Саватия Соловецких, Александра Свирского, Варлаама Хутынского, Александра Ошевенского, Кирилла Белозерского, Сергия Радонежского, реже — Никиту Новгородского,

Иконное изображение выговского киновиарха
Андрея Дионисьевича

Леонтия и Авраамия Ростовских, Макария Желтоводского, Феодосия Тотемского, князя Феодора Ярославского.

Однако в иконографии выговских икон были и свои особенности. «Одна из характерных примет выговского иконописания — изображение особо почитаемых у поморцев наставников и тезоименитых наставникам святых. Известны иконы и настенные листы с образами выговских киновиархов: Даниила Викулина, Андрея и Симеона Дионисьевичей, Петра Прокопьева и образы их святых соименников: Даниила-пророка, Андрея Стратилата, Симеона Столпника, апостола Петра. Однако традиция почитания тезоименитых святых распространялась не только на соименников наставников. Изображения соименных святых получили исключительно широкое распространение на заказных иконах поморцев. Это могли быть и самостоятельные образы, и изображения в виде приписей на полях икон, сопровождавшие разнообразные композиции в среднике. Нередко святые соименники изображались вместе с Ангелом Хранителем как всеобщим заступником, молитвенное обращение к которому сопровождало повседневную жизнь “ревнителя древлего благочестия”...»¹⁷

Одним из центров поморского иконописания в первой половине XIX века был Шелтопорожский скит близ Данилова, в котором

жили мастера-иконники Семен Кургин (род. 1821), Андрей Куйкин и Андрей Питерцов. На иконе «Собор архиереев», созданной в Шелтопороге, имелась характерная надпись: «Не стони, аде, ты наполнишься архиереями, попами, дьяками и неправедными судьями».

Издавна кустарный иконописный промысел существовал во Владимиро-Суздальских землях, где он достиг своего расцвета в XVI–XVII веках. В течение XVIII столетия иконописное ремесло сокращается и сосредотачивается в трех больших селах Вязниковского уезда Владимирской губернии: Палехе, Мстёре и Холуе. В этих селах иконописание стало фактически основным занятием мужского населения, значительную часть которого составляли староверы.

Село **Холуй** прославилось, прежде всего, как центр производства «расхожей» иконы. О холуйских мастерах иконописи впервые упоминается в документах 1613 года. Исследователи иконописных художественных промыслов Палеха, Мстёры и Холуя указывают, что раньше всего иконописание возникло именно в Холуе. В XVII веке Холуйская слобода была признанным центром иконописи. На начало XIX века здесь насчитывалось до семисот иконописцев, в 1899 году из 3500 жителей села иконописным промыслом было занято 452 человека. Наиболее известными в XIX веке были мастерские А. П. Шахо-

ва, И. Е. Мумрикова. Производство икон в Холуе в середине XIX века достигало от 1,5 до 2 миллионов в год! В огромных количествах изготавливали так называемые фольговые иконы, которые были дешевы и пользовались большим спросом у простого народа. Здесь было сильно развито разделение труда: одни мастера только подготавливали доски («грунтовщики»), другие — писали лики святых («личники»), третьи — прорисовывали одеяние, четвертые «убирали» иконы украшениями из фольги. «На подобных “фабриках” одновременно писали по 100–500 икон одного типа. Каждый образ проходил через 5–10 рук и более. На некоторых “фабриках” писали только иконы “долично” (все изображение кроме ликов) по 600 штук в неделю; в других мастерских писали лики. Была отработана система доставки досок для написания образов: кипарисовые доски завозились из Греции, иногда с Афона, ольховые и осиновые доски доставлялись из Гороховского уезда Владимирской губернии, а липовые — из Вятской губернии. Доски для фольговых икон делали в Нижегородской губернии»¹⁸.

Благодаря относительной дешевизне и посредству очень миллионы икон расходились по всей России. Однако высший уровень холуйского мастерства соответствовал приблизительно среднему уровню в соседнем Палехе. Характерной особенностью холуй-

ского письма было усиление многоцветности, а в поздний период — появление реалистических тенденций.

Во владимирском селе **Мстёра** уже в XVIII веке складывается один из крупнейших центров старообрядческого иконописания. К середине XIX века староверы составляли здесь половину населения. К концу XIX в. иконы в Мстёре писали около 1300 человек. Н. П. Кондаков отмечал, что «только старообрядчество удержало древние стили, иначе они давно исчезли бы в иконописи»¹⁹. Именно эта приверженность древним установлениям русского православия, верность старине и дедовским обычаям, передававшимся в каждой семье из поколения в поколение, обусловили особый характер мстёрского художества, которое выделялось на фоне других центров позднего иконописания строгим соблюдением традиций в иконном мастерстве.

Мстёрские иконописцы-«старинщики» и «починщики» занимались как «подновлением» (реставрацией) старых икон, так и написанием новых под старый стиль. Местные иконы отличались живописностью, тонко чувствовался колорит. Мстёрский стиль отличается также такими характерными чертами, как плоскостность, узорочность и ковровость. «В мстёрских мастерских писали дорогие иконы, выполненные в старых традициях

Преподобный Максим Грек. Мстёра, XIX век

Преполовление. Господь учит
в Иерусалимском храме. Мстёра, 1800 год

иконописного дела, пядничные (“пядь” — рука), иконы с изображением русских святых. В конце XIX — начале XX века здесь работали мастера В. О. Шитов, И. А. и А. И. Панкрышевы, В. И. Захаров. На протяжении почти двух столетий мстёрское старообрядческое иконное дело оказывало значительное влияние на русскую народную икону в целом»²⁰.

В селе **Палех** жило не так много старообрядцев, как в Мстёре, но палехские иконописцы, среди которых было немало мастеров «подстаринного письма», широко работали по заказам старообрядцев. В 1894 году в Палехе из 1431 жителя писанием икон занимались 250 мужчин и 120 подростков. Наиболее известными в Палехе были мастерские Долотовых, братьев Белоусовых, Кориных. Среди палехских мастеров процветали целые артели, выполнявшие заказы по росписи церквей в разных местах. Ежегодно в конце XIX века здесь изготавливалось до 10 000 икон, ценою от одного рубля до 100 и дороже. Палехский стиль отличался сдержанностью и объединенностью колорита общим тоном, характерною удлинённостью фигур, сложной обработкой плащами лиц, особой «разделкой колерами» одежд, наконец, сложностью композиции. «Иконописцы-“мелочники” — создатели тонких миниатюр в духе ярославской иконописи XVII столетия, авторы знаменитых палехских “Шестодневов” и “Символов веры”,

Сретение. Палех

“полниц” и месячных миней, писанных на одной небольшой иконной “дске”, были широко известны в старообрядческой среде и умели все исполнить согласно требованиям самых больших знатоков древних традиций. Нередко и палешане участвовали в реставрации иконописи и фресковых росписей старинных храмов. Они реставрировали фрески в соборах Московского Кремля, Троице-Сергиевой лавры, новгородском Софийском соборе и во Владимире, но также проводили реставрацию стенных росписей в храме на Рогожском кладбище. Огромные палехские собрания иконных прорисей с середины XIX века привлекали внимание русских ученых, сразу же увидевших в этих коллекциях, состоявших из сотен и даже тысяч листов-образцов, ценнейший источник сведений по истории иконописи и христианской иконографии»²¹.

Во второй половине XIX века русское «образованное» общество, устав от бесчисленных картин на религиозную тему, писанных в итальянской манере, наконец-то начинает проявлять интерес к русской иконе. Тогда-то появляется спрос на иконы «под старину», которые в большом количестве пишут мстёрские и палехские мастера. В этот период работают мастерские М. Н. Дикарева, М. Н. и И. Е. Мумриковых, М. И. Цепкова, в которых изготавливают иконы преимущественно под московскую и строгановскую школы (Про-

копия Чирина, Симеона Бороздина, Истома Савина). Выходцы из Палеха и Мстёры во второй половине XIX — начале XX века основали свои иконописные мастерские в обеих столицах. В Петербурге наиболее известна была мастерская Макара Самсоновича Пешехонова (1780–1852), происходившего из тверских старообрядцев. В его мастерской работало много палешан. Пешехонов пользовался таким авторитетом, что ему даже доверили расчистку и поновление древних фресок в Софийском соборе Киева. Однако киевский митрополит Филарет (Амфитеатров) отстранил Пешехонова от работ, узнав, что тот восстанавливал двоеперстное перстосложение на иконах древних святых. В Москве самыми знаменитыми были мастерские В. П. Гурьянова и Г. И. Чирикова. В этих мастерских писали дорогие иконы не только для именитых купцов-старообрядцев, но и выполняли заказы для царского двора (например, было написано 140 икон для молельни царя Николая II) и для домашних молелен великих князей (наиболее известно собрание минейных икон из домашней молельни великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце в Петербурге).

Октябрьская революция 1917 года явилась серьезным испытанием для иконописцев Мстёры. Иконописцы подвергались репрессиям и гонениям. К началу 1930-х годов

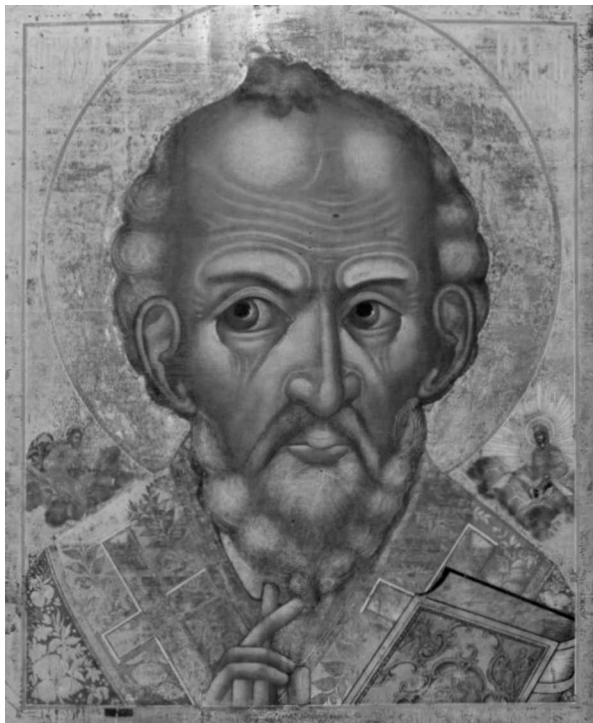
бывшим художникам-иконописцам пришлось освоить технологию изготовления изделий из папье-маше, украшенных миниатюрной живописью. При этом им во многом удалось сохранить стилистику древнерусской иконописи, только сюжеты теперь брались из повседневной жизни или из сказок и литературных произведений. В 1931 году в Мстёре была основана артель «Пролетарское искусство» (с 1960 года — фабрика). Аналогичные процессы происходили в Палехе и Холуе, также ставших в советское время всемирно известными центрами по производству лаковой миниатюры.

Своеобразно творчество иконописцев **Ветки** — традиционного духовного и культурного центра старообрядчества, располагавшегося на западной окраине Российской империи, под Гомелем. Здесь в основном проживали старообрядцы-поповцы. Для ветковской иконы характерно одновременное применение различных техник, широко бытовавших на Руси с XVII века (царские мастера Оружейной палаты, строгановские мастера, «Романовские письма», ярославские и костромские мастера).

Вместе с тем ветковская иконопись испытала на себе заметное влияние западноевропейского искусства, прежде всего гравюры. Влияние европейского барокко особенно бросается в глаза в архитектурных «фонах»

Богородица Знамение. Ветка, XVIII век

Св. Никола Отвратный. Ветка, XVIII век

ветковских икон XVIII–XX веков. Однако, как отмечает исследовательница, «в отличие от возрожденческого “миросозерцания без Богосозерцания”, здесь Богосозерцание не утрачено. У старообрядцев никогда не было перерождения иконы в религиозную картину, то есть в отрицание образа, как это часто было в господствующей Церкви Синодального периода»²².

В результате векового проживания на входивших в состав Речи Посполитой землях Малороссии и Белоруссии ветковские старообрядцы, сохраняя многие черты культуры допетровской Руси, усвоили отдельные элементы духовной и материальной культуры поляков, малороссов и белорусов. «Повышенная декоративность икон сказалась и в цветовой палитре, и в рисунке одежд, и в рисунке “света”. Колорит народной росписи и вышивки в землях Киевщины и Черниговщины повлиял на вкусы пришельцев-старообрядцев, в сознании которых местное многоцветие воспринималось как образ сада Эдемского, что оказалось им понятным и близким. Они восприняли и переработали это многокрасочное разнообразие барочных букетов, гирлянд, картушей в своем искусстве и закрепили в традиции»²³. Общей чертой всех ветковских икон была любовь к узорочью, особенно одежд. Среди основных мотивов: цветы и ветви с листья-

ми яблонь, розы и розовые букеты, гирлянды, имитация листьев аканта, раковин, виноградная лоза, нарциссы, точечный орнамент, штрихи, нанесенные в технике «цировки», рог изобилия. Драпировки украшались золотыми цветами и букетами.

Ветковские мастера, как правило, писали свои иконы на досках без ковчега, скрепляя небольшие образа мелкими торцевыми шпонками. Фоны средника и полей обычно покрывались золотом, причем многочастные композиции, столь характерные для ветковской школы, имели самостоятельные обрамления в виде тонких белильных обводок и общую киноварную рамку, сдублированную белой линией. Опушь доски, как символическая граница, отделяющая земную твердь от небесной, выполнялась в три цвета (красной, голубой и белой красками) или в два (красно-коричневой и сине-зеленой). Для украшения полей нередко использовали цировку по золоту, разбивая орнаментальные рапорты картушами с сопроводительными надписями.

В плане сюжетном можно отметить появление на Ветке новых иконографий («Никола Отвратный», «Триипостасное Божество», «Виленская Богоматерь», «Союзом любви» и др.), а также возрождение древней забытой иконографии («Богоматерь Огневидная»), которая не встречается у беспоповцев и в го-

Богоматерь Огневидная. Ветка, XVIII век.
Особенностью старообрядческой иконографии
данного образа был ярко-алый лик и одеяние
насыщенного красного цвета

сподствующей церкви. Впоследствии традиции ветковских мастеров оказали заметное влияние на липованскую (Румыния и Молдавия) и невянскую (Урал) школы иконописи.

Еще одним духовным и художественным центром были подмосковные **Гуслицы**, о которых уже говорилось выше в связи с традициями книгописания. Наряду с занятием другими традиционными старообрядческими промыслами, гуслики создали самобытную иконописную школу. По мнению Т. Нечаевой и М. Чернова, к гуслицкой иконе относится все многообразие памятников, созданных в этом регионе, который охватывает собственно Гуслицы и такие соседние старообрядческие районы, как Вохна, Загарье, Егорьевск и Патриаршина. Расцвет гуслицкой иконописи относится ко второй половине XIX — началу XX века. Наиболее крупные мастерские находились в деревнях Яковлевская и Анцыферово. В 1908 году здесь проживало 139 иконописцев, многие из которых не только работали в Гуслицах, но и уходили на заработки в другие регионы Российской империи. Так, например, еще в 40-х — начале 50-х годов XIX века на Среднем Урале властями было выявлено свыше двух десятков гусяков, по многу лет занимавшихся писанием икон в Екатеринбурге, в Нижне-Тагильском, Невьянском, Верхне-Тагильском и других заводах.

Лествица Иоанна Лествичника. Гуслицы, XIX век

Несмотря на непосредственную близость к Гуслицам владимирских иконописных сел и их несомненное влияние на формирование стиля гуслицких иконописцев (прежде всего влияние Палеха), можно говорить о художественном и стилистическом своеобразии «гуслицких писем» середины — второй половины XIX века. Гуслицкие иконы этого периода уже явно отличаются от иконописи старообрядческих мастерских центрального региона России, в первую очередь Владимирских сел, а также Поволжья.

Особенностью исполнения гуслицких икон является насыщенность и напряженность их цветового строя, находящего параллели в миниатюрах и орнаментации рукописных книг, сдержанный сумрачный колорит, выдержанный в зеленовато-коричневой гамме. Иконописцы использовали определенный набор красочных пигментов, среди которых преобладают разные оттенки коричневого и оливкового цветов, сочетающиеся с ярко-красным, светлой охрой, изумрудно-зеленым и пурпурным. Для написания фона чаще всего использовали охристые цвета, широкие поля покрывали темным коричневым или оливковым тоном, на котором контрастно выделялись красные дробницы.

Мастера использовали прием ровного наложения красочного слоя сплошной заливкой без контрастных сопоставлений слоев

Протопоп Аввакум. Гуслицы, начало XX века

живописи и без подчеркнутого выявления объемного строения лика. Лики святых отличаются особым строением глаз, имеющих миндалевидную форму, с резко очерченными подглазьями, в некоторых случаях подчеркнутыми белилами, нижнюю часть лика завершает плавная округлая линия, создающая впечатление тяжелого массивного подбородка.

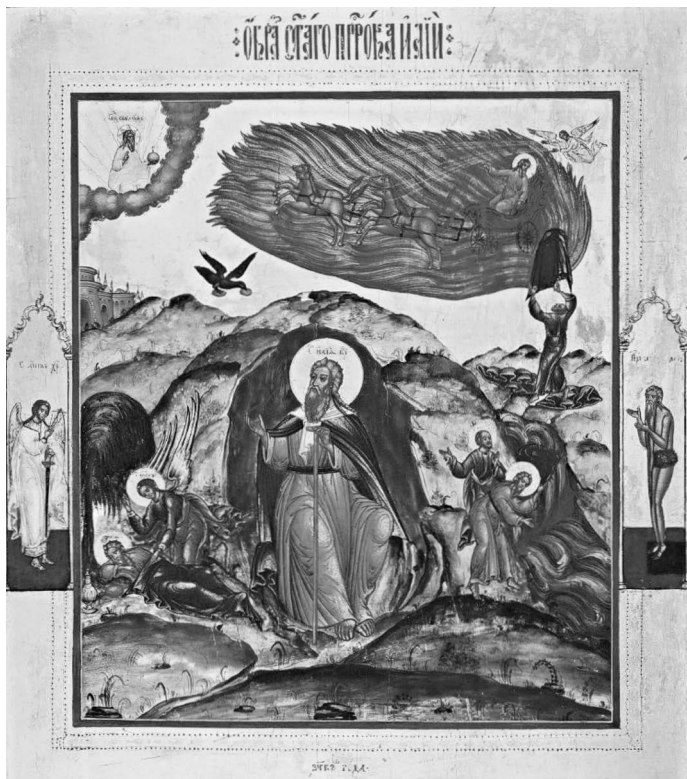
Поскольку для старообрядцев всегда большое значение имело печатное и рукописное слово, исключительно важная роль отводилась на иконах надписям. На созданных гуслицкими старообрядцами иконах часто встречаются изображения раскрытых книг и развернутых свитков с тщательно выполненными подробными текстами, с выделенными заглавными буквицами. Страницы фолиантов художники украшали крупными орнаментальными заставками, которые тоже можно увидеть в гуслицких рукописях. Как и в рукописях, первая буква текста (инициал) обычно писалась киноварью, что было характерно и для гуслицких настенных листов.

Местные мастера нередко обращались к многочастным композициям, позволяющим на одной иконной плоскости поместить изображения разных сюжетов и образов святых, наиболее почитаемых старообрядцами. Одна такая икона представляла собою, по сути, целый иконостас. Среди поповцев широкое

распространение получил такой иконографический сюжет, как «Церковь», на котором представлено миниатюрное изображение древнерусского высокого иконостаса. Характерной чертой гуслицкого иконописания была также его острая дидактическая направленность (иконы на сюжеты «Притчи о богатом и Лазаре», «Распятие страстей» и др.).

Старообрядческое иконописание развивалось и на Урале. Художественная культура Уральского региона сложилась на почве соединения традиционного бытового уклада и нового характера труда на металлургических предприятиях, крепостного права и рыночных отношений. На знаменитых демидовских заводах, где работали бежавшие от преследований староверы, специально строились старообрядческие храмы. Для этих храмов заказывали целые иконостасы, написанные в соответствии с древними канонами. Одним из крупнейших центров уральского иконописания была первая горная «столица» Демидовых — город **Невьянск**. От Невьянского завода получила свое название и иконописная «невьянская школа». Термин этот во многом условен, поскольку иконописцы, писавшие в «невьянской» манере, работали во многих других заводах и городах, а не только в Невьянске.

Иконописцы приезжали на Урал из разных губерний Российской империи, поэтому

Огненное восхождение Или-пророка. Невьянск

Всеви́дѣющее око́ Божіе. Невьянск, XIX век

местный иконописный стиль вобрал в себя традиции различных художественных центров. В период становления невянской школы наибольшее влияние на нее оказала школа Оружейной палаты конца XVII — начала XVIII века, живопись Поволжья (Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода). Зародившись в лоне старообрядчества поморского согласия, уральская иконопись впоследствии претерпела заметную трансформацию в среде старообрядцев-беглопоповцев и часовенных. Первые невянские иконы (начало — середина XVIII века) по своей стилистике ближе к иконам «поморского пошиба». Когда после первой «выгонки» Ветки в 1735 году на уральских демидовских заводах появились небольшие, но деятельные группы «поляков», невянская школа испытала на себе воздействие зарубежных староверческих центров. Влияние ветковского стиля явно прослеживается в невянских иконах конца XVIII — XIX веков.

Оставаясь ревностной хранительницей древнерусских традиций, невянская иконописная школа была одновременно и развивающимся творчеством, чутким к контексту Нового времени. Для невянской школы в целом характерны удлиненные пропорции фигур, изысканность поз, тонкость письма. Ее новизна состояла в использовании особых приемов светотеневой моделировки,

элементов реалистического пейзажа (вместо условных горок-лещадок старых русских икон — картинно-пейзажные виды Урала), способах постановки архитектурных кулис, позволяющих углубить пространство и создать определенную «картинность» и «театральность» действия. Так же как и в ветковской, в невянской иконе нашли отражение черты барокко (вычурные золотые троны, роскошные парчовые балдахины с прихотливыми складками, взвихривающиеся драпировки, золотые картуши для надписей). Вместе с тем в ряде икон прослеживается и влияние архитектуры классицизма (композиции с портиками или интерьерами с четко организованной ордерной структурой). Однако все эти реалистические тенденции не превратили невянскую икону в картину, не лишили ее сакрального смысла.

Существовали целые династии невянских иконописцев (Богатыревых, Чернобровиных, Романовых), в которых иконописное мастерство передавалось из поколения в поколение. Невьянские изографы выполняли различные заказы — от небольших домашних икон до монументальных многоярусных иконостасов, причем нередко работали и для единоверческой церкви, а порой и для официальной. Со временем произведения и стилистика невянской школы распространились по всей Западной Сибири, вплоть до Томской

Казанская Богородица. Невьянск

губернии. Она оказала заметное влияние на народную икону, на местную книжную миниатюру, на роспись по дереву и металлу, на всю художественную культуру Урала.

Своими особенностями обладало старообрядческое иконописание в Поволжье. Крупнейшими центрами здесь были Ярославль, Кострома, Романов-Борисоглебск, Павлово на Оке. В XVIII — начале XX века большую известность не только в Поволжье, но и по всей России приобрели произведения иконописцев из города **Сызрани**, принадлежавших к поморскому согласию. Однако сызранские иконы отличаются от традиционного поморского письма.

В среде старообрядцев Поволжья сызранский стиль получил название «греческого». Для этого стиля характерен сдержанный колорит, лаконичность композиции, удлинённые пропорции фигур, изысканная симметрия архитектурных кулис, изящный рисунок, тончайшая, каллиграфическая разработка одежд. «При рассмотрении икон сызранских мастеров создается впечатление, что нет ни одного художественного приема или техники, которыми бы они не владели в совершенстве»²⁴.

Многие сызранские иконописцы ставили свои личные клейма на иконы с тыльной стороны. Благодаря этому на сегодняшний день известны более десятка имен иконописцев,

95

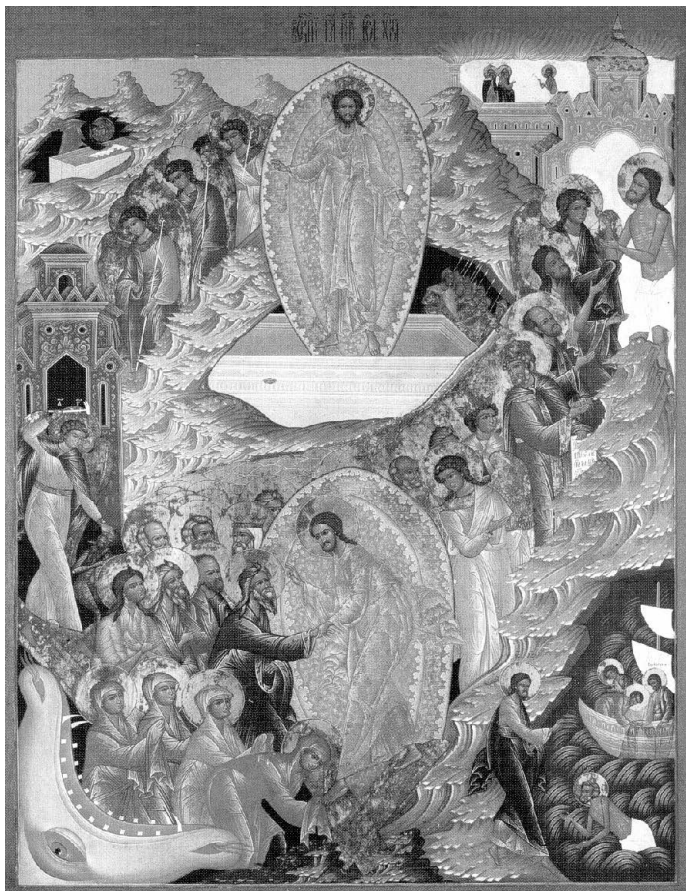

София Премудрость Божия. Сызрань, XIX век

чье мастерство сформировалось в рамках распространения сызранского иконописного промысла. Среди них можно назвать Ивана Порфирьевича и Давыда Васильевича Поповых, Константина Ивановича Дьяконова, Павла Семёновича и Александра Павловича Качаевых, а также представителей династии Бочкарёвых. Наиболее выдающимся представителем этой династии, работавшим в Сызрани вплоть до 30-х годов XX века, был Александр Архипович Бочкарёв (1866–1934). Бочкарев был головщиком (руководителем церковного хора) в поморской моленной. Большая часть икон для иконостаса этой моленной была написана им самим. Как и многие иконописцы своего времени, он принимал участие в Нижегородской выставке 1896 года и был удостоен Похвальной грамоты.

В основном сызранские иконы изготавливались на заказ для староверов из городов Самары, Хвалынска, Саратова, Кузнецка, Нижнего Новгорода и Оренбурга. Одним из свидетельств высокого мастерства сызранских иконописцев является отличная сохранность их произведений.

В конце XIX века возникла своя уникальная иконописная школа в **Причудье** (сейчас — территория Эстонии). Она была создана знаменитым иконописцем и федосеевским наставником Гавриилом Евфимовичем Фроловым (1854–1930). Выходец из Стародубья,

«Воскресение Христово» Г. Е. Фролова.
Причудье

Фролов с детства обучался иконописи у своего отца, а после его смерти в 1875 году устроил вместе с братом Титом иконописную мастерскую при Московской Преображенской общине. В 1879 году братья обосновались в Режице (ныне Резекне, Латвия), откуда их в конце 1880-х годов пригласили перебраться в Причудье, поскольку местные староверы испытывали острую нужду в опытных иконописцах. С тех пор деревня Рая (Раяуши), выбранная Фроловым для своего местопребывания, стала духовным центром старообрядцев Эстонии. До конца своей жизни Фролов фактически руководил жизнью общины, был ее наставником, защищал ее интересы перед властями.

Первая в Причудье иконописная мастерская стала школой для многих выдающихся старообрядческих иконописцев XX века. Среди учеников Г. Е. Фролова — П. М. Софронов, М. Г. Солнцев, Ф. А. Мызников, Д. Н. Поляков, Н. Глухов. Фролов передавал своим ученикам не только секреты древлеправославного искусства иконописи, но обучал их церковному знаменному пению и на личном примере истинному благочестию вкупе с ежедневными молитвами.

Отношение к иконописанию как к «святому делу» обосновывалось в работе Фролова «Святые отцы об иконописании». Были изданы и другие его сочинения, в том числе

богословско-этический труд «Путь к прощению грехов», брошюры «О Каиновой жертве», «Какая жизнь, такие и догматы». На страницах журнала «Родная старина» были опубликованы его статьи «О покаянии», «О мировом страдании» и т. д.

В своем творчестве Фролов развивал лучшие традиции древнерусского и старообрядческого иконописания. За свою долгую жизнь он написал множество икон, разошедшихся по всему миру. До сих пор практически во всех моленных и во многих домах староверов в Эстонии можно встретить работы Г. Е. Фролова. Однако вершиной его творчества стал старообрядческий храм в Рая, построенный, в основном, на его собственные средства и расписанный им совместно с учениками. Многоярусный иконостас в древнерусском стиле с изображением около двухсот святых и сцен из Ветхого Завета кисти Г. Е. Фролова и его учеников органично дополняли 15 старинных икон новгородского письма и шесть — поморского. К величайшему несчастью, 30 августа 1944 года Раюшский храм вместе со всем иконостасом сгорел. Пропали древние иконы «Воскресение» московского письма, поморские «Деисус», «Богородица Тихвинская», «Вход в Иерусалим», «Богоявление» и др., а также богословские и другие труды Фролова.

Иконостас в д. Варнья (Причудье, Эстония).
Иконописец Ф. А. Мызников (ученик Г. Е. Фролова)

Одним из лучших учеников Фролова был Пимен Максимович Софронов (1899–1973), уроженец Эстонии, прекрасно владевший старинной техникой иконописи и сумевший создать свой изобразительный стиль без нарушения традиций древнерусской школы. В 12 лет он поступил в иконописную школу Г. Е. Фролова. В 1930 году, после смерти своего учителя, он переехал в Ригу, где при Гребенщиковской общине открыл иконописную мастерскую. В это время его мастерство стало известно и в Европе. В 1932 году по приглашению «Семинара имени Н. П. Кондакова» Софронов отправился в Прагу, где организовал курсы иконописи. Русское общество «Икона» в Париже предложило ему стать руководителем иконописной мастерской. В 1935 году он переехал из Франции в Югославию, где организовал трехгодичную иконописную школу, затем переехал в Рим. Здесь он работал как иконописец и реставратор, здесь же состоялась и выставка его работ, причем 56 икон были приобретены для музея Ватикана. В 1947 году Софронов переехал в США, где писал иконы для старообрядческих храмов, проводил выставки, публиковал статьи и читал лекции по вопросам иконописи.

Из старообрядческих иконописцев, творивших в XX веке в Прибалтике, выделяется также имя Ивана Ипатиевича Михайлова (1893–1993). С 12-летнего возраста стал обучаться

Протопоп Аввакум. Икона И. И. Михайлова. XX век

иконописи, учителем его был родной дядя — известный в то время поморский иконописец Иван Васильевич Михайлов. В 1929 году Иван Ипатиевич, освоив технику и приобретя мастерство иконописания, обосновывается в Вильнюсе, выполняет многочисленные заказы. Его иконами украшен иконостас вильнюсского храма поморской общины, им отреставрирован иконостас 1-й Даугавпилсской (Новостроенской) общины, к которому дополнительно написаны некоторые новые иконы. Образа его работы можно видеть во многих храмах и домах старообрядцев Литвы, Латвии, Белоруссии и даже США. Уже в 1930-е годы ценители отмечали «искусное и точное письмо икон в главных сюжетах, а также и во всех деталях включительно до надписей». Признанный мастер за долгие годы выработал свой стиль, свою манеру письма, характерной чертой которой является тщательность исполнения и верность канонам древнерусской иконописи. Традиции И. И. Михайлова в настоящее время продолжают его ученики — поморские иконописцы Николай Портнов (Даугавпилс) и Георгий Яковлев (Вильнюс).

С Рижской Гребенщиковской старообрядческой общиной связано имя иконописца Константина Анисимовича Павлова (1907–1976). В 1928 году по инициативе Кружка ревнителей русской старины, активным

участником которого был Павлов, при общине была создана иконописная мастерская. Иконописцы этой мастерской стремились сохранять древнерусские традиции иконописи. Работа в мастерской велась в двух направлениях: реставрация древних памятников, которыми так богат храм Гребенщиковской общины, и изучение и возрождение древних иконописных традиций в собственном творчестве. В 1930 году Павлов стал учеником П. М. Софронова, который в это время работал в мастерской при общине, а после его отъезда в 1931 году стал много писать и реставрировать иконы самостоятельно. В соответствии с традицией поморской иконописи писал лики святых в «умеренной тонкости», избегая как чрезмерного, навязчивого аскетизма, так и одутловатости и тучности, которые критиковал протопоп Аввакум в иконах нового письма. Часто манере письма Павлова присущ графический характер: линии четкие, прямые, сухие, иногда резкие. Однако он писал строго в рамках канона и иконографии, выработанной византийскими и древнерусскими иконописцами до XVII века.

В **Петербурге** долгие годы работал старообрядческий иконописец и реставратор Никита Севастьянович Рачейсков (ум. 1886). Он держал небольшую мастерскую на Васильевском острове. В середине XIX века он жил при филипповской моленной на Болотной

Спас в звездах. Икона Н. С. Рачейкова.
Петербург, XIX век

улице (теперь Коломенская). Н. С. Лесков, любивший и собиравший иконы «древнего стиля», очень высоко ценил его произведения. Образ Рачейскова отразился и в очарованном страннике Иване Флягине, и в праведнике-иконописце Севастьяне из Поволжского Понизовья в повести «Запечатленный ангел» (опубликована в 1873 году). В статье, написанной после смерти Рачейскова, Лесков отметил: «Никита Рачейсков был “изограф”, то есть иконописец в древнем русском стиле. После знаменитого московского мастера Силачева, который тоже умер, Никита Рачейсков по справедливости мог считаться одним из самых лучших мастеров по изографскому искусству. Особенно он был искусен в миниатюре, которую исполнял своими огромными и грубыми на вид ручищами удивительно нежно и тонко, как китаец. В этом роде я не видал и не знал равного ему мастера в России...»²⁵

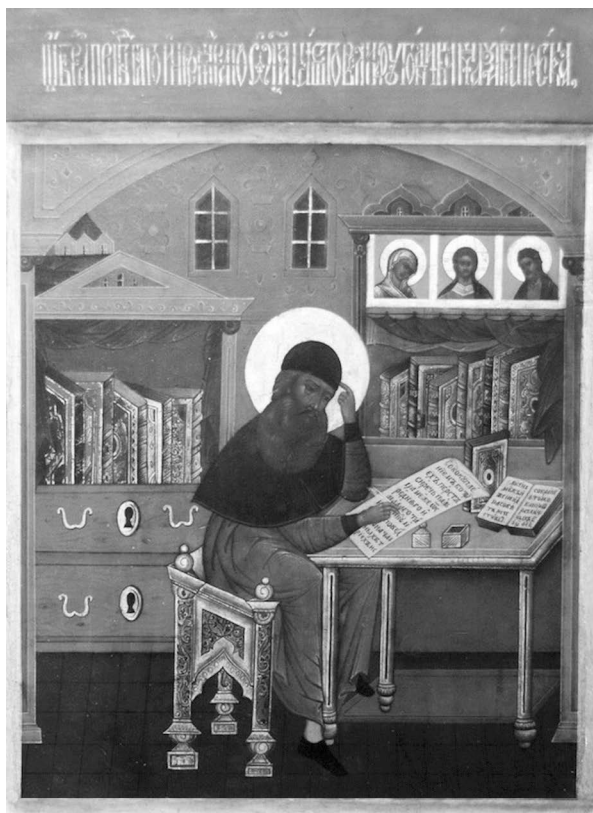
Наконец, в **Москве** в XVIII — начале XX века действовало несколько иконописных центров различных старообрядческих согласий. Крупнейшим из них была иконописная мастерская Преображенского кладбища — духовного центра староверов-федосеевцев. Еще в первой четверти XIX века основатель и руководитель Преображенского кладбища И. А. Ковылин создал специальную школу для детей старообрядцев, в которой наряду

Богородица «О Всепетая Мати».
Москва, Преображенский монастырь, XIX век

с обучением грамоте, готовили иконописцев, позже занимавшихся изготовлением копий с древних икон и написанием новых под старину. Известны отдельные имена иконописцев, работавших здесь. Среди них большой знаток древнерусской иконописи Федор Сидоров, работавший в середине XIX века; Федор Никитин (XIX век), иконописец-старинщик из старообрядцев, проживал и работал также на Преображенском кладбище; упоминаются Никифор Гаврилов, иконник из московских старообрядцев-федосеевцев, который в 1847 году имел собрание икон, и Федор Лопухин, московский иконник и торговец иконами, работавший в середине XIX века.

В 50–60-е годы XIX века, во времена очередных гонений на старообрядцев, деятельность Преображенской общины, в том числе и иконописной мастерской, почти прекращается, и лишь с 1880-х годов начинается некоторое оживление. С 1875 по 1879 год на Преображенском кладбище жили и работали уже упоминавшийся выше иконописец Гавриил Ефимович Фролов (позже ставший широко известным причудским мастером) и его родной брат, иконописец Тит Ефимович Фролов. В 70-е годы XIX века в Москве работал Захар Митрофанович Брыкин, иконописец из старообрядцев. В конце XIX века здесь работал московский иконописец Иван Федо-

Преподобный Максим Грек.
Москва, Преображенский монастырь,
первая половина XIX века

рович Чуванов, старообрядец-федосеевец. С Москвой связаны и имена таких известных иконописцев-федосеевцев, как Афанасий Трифильевич Михайлов и Николай Михайлович Силачев, писавших в так называемом неострогановском стиле.

Настоятель Покровской (Монинской) моленной староверов-поморцев Г. И. Скачков в 1808 году основал при моленной иконописную палату, которую возглавил его зять, палехский иконописец Захарий Федорович Бронин. Община располагалась в Москве на Покровке, против Рыкунова переулка. В 1837 году Монинская моленная была закрыта. О продолжении работы мастерской сведений нет. В собрании П. Д. Корина сохранилась подписная и датированная икона З. Х. Бронина «Антоний Римлянин» (1823). Прихожанином Монинской моленной был также Гурий Иванов, который, по мнению известного историка иконописи Д. А. Ровинского, «в свое время был первым иконником», «отлично писал, так что иконы его трудно отличить от строгановских».

Были также свои иконописные мастерские у филипповцев при их духовном центре на Братском дворе и у поповцев белокрыницкого согласия на Рогожском кладбище. Среди старообрядцев-поповцев наибольшую известность получил Яков Алексеевич Богатенко (1875–1941), реставратор-иконописец,

уставщик и головщик, знаток и исследователь знаменного пения, публицист. Он окончил в 1898 году Строгановское училище по классу живописи, а в 1912 году еще и Археологический институт. В 1900–1910-х годах содержал в Москве иконописную и реставрационную мастерскую (на Таганке, в Дурном переулке), которая была удостоена большой серебряной медали на 1-й Всероссийской выставке икон в Санкт-Петербурге в апреле 1904 года. Иконы, написанные в мастерской Богатенко, находились в старообрядческих храмах по всей России. Под его руководством были выполнены стенные росписи в московских старообрядческих церквях в Покровско-Успенской общине, в Гавриковом переулке, и в Покровской, на Новокузнецкой улице (росписи частично сохранились). После 1918 года Богатенко участвовал в реставрации соборов Московского Кремля. Впоследствии был репрессирован.

Старообрядческая иконопись продолжает развиваться и в наши дни, хотя за годы советских гонений многие традиции и секреты мастерства были безвозвратно утрачены, а число искусных иконописцев на все старообрядческие согласия крайне невелико.

Глава 3

Меднолитая пластика

Потребность в правильных, соответствующих древним канонам, образах вызвала к жизни еще один оригинальный вид старообрядческого искусства — меднолитую пластику. Это искусство пришло на Русь еще из Византии вместе с принятием христианства. Однако именно в старообрядчестве оно получило новое рождение. Меднолитые иконы обладали двумя очень важными преимуществами: во-первых, отлитое в металле изображение было практически невозможно исказить (а известно, что реформаторы зачастую меняли на древних писаных иконах и надписи, и форму перстосложения, не говоря уже о бесконечных «поновлениях», уродовавших до неузнаваемости древние образы), а во-вторых, как правило, небольшие по размеру медные кресты, иконы и складни было удобнее переносить с места на место в условиях постоянных гонений.

Начало производства культового медного литья старообрядцами относится еще

Святая Троица. Меднолитая икона

к XVII веку. Не позднее начала 1680-х годов неизвестный автор послания «О антихристе и тайном царстве его» из зауральского Далматовского монастыря писал, что в Тюмени льют кресты «с голубками», то есть с изображением в верхней части креста над Распятием благословляющего Саваофа, а под ним — Святого Духа в виде голубя. Этот тип с надписью «І. Н. Ц. И. » стал затем общепринятым у староверов-поповцев: беглопоповцев, происходящих от них часовенных, впоследствии — у австрийского, или белокрыницкого согласия.

Одним из первых и наиболее известных старообрядческих центров медного литья было Выговское поморское общежительство. Согласно преданию, меднолитейное производство на Выге появилось одновременно с основанием самого общежительства в конце XVII века. По мнению В. Г. Дружинина, «необходимость отливки медных крестов и створов (иконок-складней) явилась у поморцев в связи с вопросом о форме креста, титлы (типа и содержания надписей) на нем, о запрещении молиться на чужие иконы и потребностью иметь при себе собственную правильную икону во время странствий и путешествий». Как и все старообрядцы, поморцы признавали восьмиконечный крест, но только с надписью «Царь Славы ІС ХС НИКА». Принятые у беглопоповцев и первоначально

Поморское распятие

Поморское распятие с мироносицами

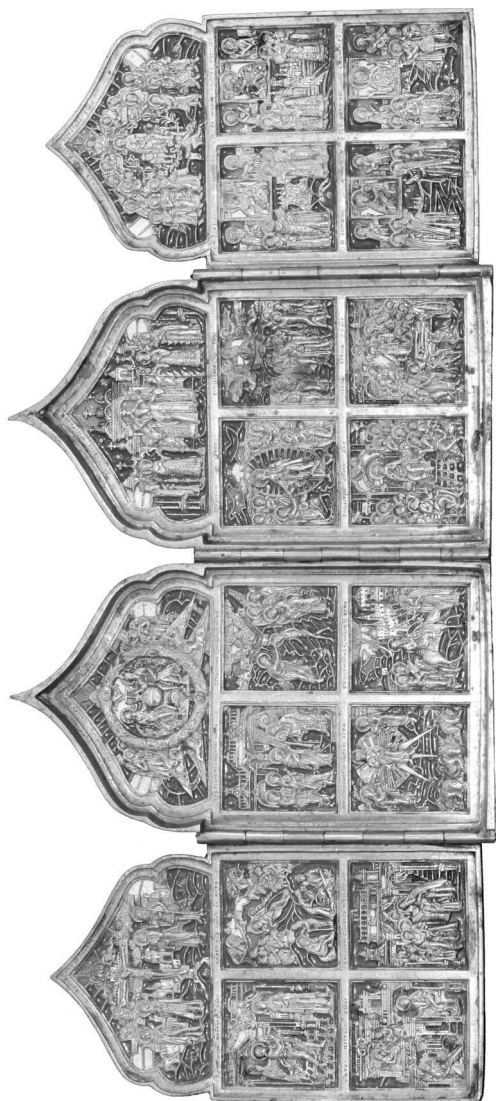
у федосеевцев кресты с «Пилатовой титлой» «І. Н. Ц. І.» («Исус Назарянин Царь Иудейский») они отвергали.

В первое время изготовлением небольших образов-иконок нелегально занимались одиночные мастера. Потребность в собственных литых изделиях возросла с развитием обители. Представители Выговского монастыря, разъезжая по хозяйственным делам, приобретали предметы обихода, иконы до-никоновского изготовления. Так, в конце XVII — начале XVIII века на Выге появились литейные модели-матрицы для отлива икон. Наладились деловые контакты с Виллимом Генниным — начальником Олонецких заводов. Особо плодотворное сотрудничество происходило в период с 1714 по 1721 год. За это время с помощью В. Геннина были обучены литейному делу выговские мастера, оснащена меднолитейная мастерская, налажена поставка чистой меди. Помощь в поступлении меди и железа оказывали уральские заводчики Демидовы, покровительствовавшие выговским староверам.

В 1722 году Петр I издал указ «О воспреещении употреблять в церквах и частных домах резныя и отливныя иконы». Новым указом от 1723 года предписывалось: «...медныя и оловянныя иконы, где обретаются, кроме носимых на персях крестов, по тому ж и в ризницах обратъ для того: выливаются

оние зело не искусно и не изобразительно и тем достойной чести весьма лишаются, чего ради таковые, обрав, употребить на церковные потребы, и о том, чтоб оных икон отныне впредь не лить и обретающимся купеческим людям в рядах продажу оную воспретить...» Однако, несмотря на правительственные указы, старообрядцы продолжали отливать медные иконы нелегально. Тем самым, литье медных икон превратилось в исключительно старообрядческое искусство.

Согласно «Выговскому летописцу», в 1719 году пустынники «поставиша мастерскую медную». Вскоре налаживается широкое меднолитейное производство. Исследователи выделяют несколько основных типов выговских отливок. Это так называемые створы большие и малые с двенадесятьми праздниками, то есть большие трехстворчатые складни «Двенадесятые праздники», большие четырехстворчатые с дополнительной створой «Поклонение иконам Богоматери», малые трехстворчатые, состоящие из отдельных клейм больших складней, створы «Деисус с предстоящими» (так называемые девятки), створы с изображением Святой Троицы и иконы Знамения (двойные и тройные — с дополнительным изображением распятия), тройные створы с изображением Богородицы Владимирской, Спаса Нерукотворного, преподобных Сергия и Валаама, трехстворчатый

Двунадесятые праздники. Большие створы

Деисус. Малые створы

«Малый Деисус», кресты разных видов, а также отдельные иконы наиболее почитаемых святых и праздников. Самым настоящим шедевром выговского меднолитейного искусства был четырехстворчатый складень «Двунадесятые праздники и поклонение иконам Богоматери». Строго продуманная система расположения основных православных праздников на «больших праздничных створах», завершающихся килевидными навершиями-кокошниками, напоминающими по форме церковные купола, отражала годичный круг церковных богослужений. Складень представлял собой фактически походную церковь в миниатюре. Створки складня, плотно соединенные друг с другом и прочно стоящие в раскрытом состоянии, аккуратно складывались. Внешняя сторона украшалась традиционным поморским орнаментом и композицией с Голгофским Крестом. Подобный складень выговцы преподнесли только что взошедшей на престол императрице Елизавете Петровне, и та его «приняла милостиво».

«Изделия выговской мастерской отличались легкостью и тонкостью, чистотой литья, передающего мельчайшие детали вплоть до завитков волос. Но главным отличием отливок были огневое золочение и яркие стекловидные эмали, украшающие многочисленные кресты, складни и образки»²⁶. Особого ма-

стерства достигли старообрядцы в искусстве украшения икон и крестов эмалью. «Покрытые разноцветной эмалью медные иконки создавали различные оттенки эмоционального восприятия образа. Цвет — великое средство духовного воздействия, особые свойства которого хорошо знала и использовала средневековая культура. Старообрядцы как хранители и продолжатели древнерусских традиций понимали, насколько важно цветковое оформление меднолитых изделий, поэтому искусство “финифтом наводить” довели до высочайшего уровня»²⁷.

Кроме икон и крестов, выговцы отливали также различные предметы быта и обихода (пуговицы, чернильницы, накладки и застёжки для книг и т. п.). Литые иконы выговской «медницы» широко расходились по всей России. Высокохудожественное литье способствовало проникновению изделий к представителям других старообрядческих согласий.

К середине XVIII века медное литье стало развиваться и в других выговских скитах, и вскоре достигло внушительных размеров. В 1785 году в Данилове имелась «медеплавленная фабрика» с двумя горнами. В первой половине XIX века одним из центров медного литья становится деревня Кодозерская, возникшая как Кодозерский скит, между Выговским монастырем и Пудожем, где действовали три отливальни. Доход от продажи

Спас Благое Молчание. Выг, XIX век

икон и медного литья в 1830-е годы достигал 5 тысяч рублей в год (сумма немалая по тем временам). По некоторым данным, там процветало и серебряное литье, причем серебряные нательные кресты изготавливались из серебра не ниже 84-й пробы. Развитие искусства медного литья на Выгу было прервано в результате систематических правительственных мер по «искоренению раскола» — уже к середине XIX столетия старейшая в Данилове мастерская не упоминается.

На Выгу также получил распространение и другой вид пластики — резьба по дереву, представлявшая собой традиционное для Русского Севера искусство. Побудительными причинами для развития резьбы по дереву явились собственные нужды общежителства. Староверы изначально ставили на могилах не простой крест, но миниатюрное подобие часовни — крест-голбец в виде резного столбика с причеликами, наподобие двускатной крыши. Подобные голбцы ярко раскрашивали, а в середине, в киотцах, укрепляли поминальную икону — литую из меди, писаную или же резную на дереве намогильную доску (так называемый намогильничек). Кладбища с такими крестами-часовенками напоминали небольшой городок мертвых. Резные иконы с изображением восьмиконечного креста использовались также в кельях, домах и часовнях. На подобных иконах,

Св. Никола Чудотворец.
Преображенский монастырь, XIX век

кроме креста, обычно изображались орудия страстей (копье и трость с губкой), гора Голгофа с черепом Адама в недрах и Иерусалимская стена. Изображение дополнялось надписями — текстами молитв, посвященных почитанию и поклонению кресту, или только первыми буквами каждого слова молитвы.

В резьбе намогильников выговцы достигли большого мастерства. Их искусство настолько прославилось, что на протяжении XVIII–XIX веков они снабжали своими изделиями заказчиков из старообрядцев по всему Северу вплоть до Нижней Печоры, в Заволжье и даже на Урале. Например, на кладбище одного из крупнейших духовных центров поморцев на Урале, села Таватуй, недалеко от Екатеринбурга, в 60-х годах XX века имелись намогильные доски выговской работы.

Технология и стилистика медных выговских литых крестов и икон получила распространение в других старообрядческих центрах России, где тоже было организовано производство так называемого поморского литья, как и на Выге часто украшавшегося финифтью (эмалью). Трудом многих мастеров были выработаны отличительные черты своеобразной «поморской школы».

История московского литейного дела неразрывно связана с Преображенским богатырским домом, ставшим в 1771 году центром староверов федосеевского согласия. Во

Святые Власий и Афанасий. Меднолитые створцы. Гуслицы, XIX век

второй половине XVIII века здесь, а также рядом, в Лефортовской части, появляются крупные литейные мастерские. Эти федосеевские мастерские первоначально работали по выговским моделям, однако уже с начала XIX века в них создаются новые иконографические изводы, получившие широкое распространение на протяжении всего столетия. В Лефортовской части на улице 9-я рота, начиная с 1840-х годов, работала одна из крупнейших литейных мастерских в Москве. В архивных документах сохранились имена мастеров, работавших здесь, — Игнат Тимофеев, Иван Трофимов, Емельян Афанасьев. Владелицами мастерской были: Ирина и Аксинья Тимофеевы, Е. П. Петрова, П. Н. Панкратова и Ф. Г. Панкратова. В этой мастерской производство прекратилось в 1910 году.

В селе Черкизове в 1860 году возникает другое крупное «медное заведение» М. И. Прокофьевой, которое около 1881 года уже числится за М. И. Соколовой, а в 1900 году переезжает на улицу 9-я рота. После смерти Соколовой мастерской руководит ее зять В. М. Лизунов, который промотал все имущество, и производство на этом в 1912 году прекратилось. В этих мастерских выделялись своим мастерством изготовители моделей Е. И. Закаткин и Р. С. Хрусталев. Несмотря на то что изделия московских «медниц» были тяжеловеснее выговских, они

Распятие с праздниками. Гуслицы, XIX в.

отличались изощренностью декоративных украшений и многоцветной гаммой эмалей. На изделиях появились монограммы мастеров-литейщиков.

Изделия московских литейных мастерских широко распространялись по всей европейской России, а также на Урале и в Сибири. Они стали образцами для провинциальных мастерских. В 1897 году по московским моделям стали работать литейщики мастерской Петра Яковлевича Серова в селе Красное Костромской губернии. После снижения и закрытия производства в Лефортове (в Москве) Серов скупил модели икон и крестов в заведениях Панкратовой и Соколовой и пригласил мастера В. И. Одинцова в свою мастерскую.

В селе Старая Тушка на Вятке литейная мастерская появилась в начале XX века при знаменитой типографии Л. А. Гребнева, наставника федосеевской моленной. Старотушкинская мастерская была организована по образцу московских медных заведений и просуществовала до 1930-х годов. По качеству литья и цветовой палитре иконы, складни и кресты, выпускаемые гребневской мастерской, не уступали своим московским образцам.

Наконец, еще одним крупным центром старообрядческого медного литья были подмосковные Гуслицы. Здесь на протяжении XVIII–XX веков отливались иконы, кресты и складни, отличавшиеся от поморских как

по своей иконографии, так и по качеству. Если поморское литье получило распространение среди старообрядцев-беспоповцев (поморцев, федосеевцев, филипповцев), то гуслицкое почиталось старообрядцами-поповцами. Такой знаток старообрядческого искусства, как В. Г. Дружинин, относил все литье, производимое в Московской губернии, к категории «гуслицкого или загарского».

В конце XX — начале XXI века старообрядцами были предприняты попытки возрождения древнего искусства меднолитой пластики. В 1994 году в Москве при храме Воскресения и Покрова на Токмаковом переулке староверы-поморцы организовали меднолитейную мастерскую. Благодаря применению старинных технологий («литье в землю») и последующей ручной обработке удавалось достичь высокого качества отливки икон. За неделю отливали 200–300 нательных крестов и порядка 50–60 медных икон. К сожалению, в 2001 году эта мастерская прекратила свое существование. Единственной старообрядческой мастерской, отливающей сегодня меднолитые иконы на территории России, является мастерская при типографии старообрядцев-поповцев в городе Верещагино Пермской области. Она была организована в 2001 году благодаря помощи московских поморцев. Однако

иконы этой мастерской по своему качеству пока еще уступают иконам московской. За пределами России мастерская по литью медных икон действует в настоящее время при Рижской Гребенщиковской старообрядческой общине.

Глава 4

Традиционные художественные промыслы

Русские народные художественные промыслы известны еще со времен Киевской Руси и уходят своими корнями в дохристианское прошлое славянских народов. Однако в период коренной ломки русской культуры именно старообрядцы сумели не только сохранить, но и творчески продолжить жизнь многих из традиционных народных промыслов. Можно с уверенностью сказать, что народные промыслы, как правило, сохранились лишь в тех местах, где компактно проживали староверы. Сюда относятся такие центры традиционного народного искусства, как Мстёра, Палех, Хохлома, Семенов, Городец, Богородск, Гжель, Борок, Мезень, Каргополь...

Бережно сохраняемые старообрядцами традиции рукописного лубка, письма и украшения книг, глубокое знание древнего художественного наследия повлияли на возникновение центров крестьянского искусства в Олонецкой губернии, на Северной Двине

и Печоре с их притоками. Так, старообрядцы на реке Пижме создали в XVIII веке «графическую» роспись, которая украшала домашнюю утварь, орудия труда и охоты. Самобытная пижемская роспись представляла собой каллиграфический орнамент, сочетавший древний геометрический стиль и растительные мотивы. Нередко местные художники, которые были переписчиками книг или владельцами старообрядческих библиотек, знатоками книжной культуры, искусно вписывали в орнаментальные композиции на предметах не только свои имена, но и разнообразные тексты. Особой яркостью и оригинальностью отличаются северодвинские центры в Борке и Нижней Тойме, где росписью украшали предметы крестьянского быта, главным образом прялки. Борецкая и нижнетоемская роспись просуществовали вплоть до 1930-х годов. Самые талантливые художники Борка и Нижней Тоймы (семья Амосовых, Е. И. Меньшиков, В. И. Третьяков) известны не только как уважаемые и ревностные хранители старообрядческих традиций, но и как творчески одаренные мастера, чьи произведения сейчас украшают крупные собрания народного искусства.

Самой архаичной росписью в русском народном искусстве считается так называемая мезенская роспись. Она связана с селом Палащелье, расположенным почти в устье

северной полноводной реки Мезень, неподалеку от ее впадения в Северный Ледовитый океан. Мужское население Палащелья с древнейших времен промышляло изготовлением деревянной расписной утвари: лубяных коробов, сундучков, вальков, хлебниц, дуг, лукошек, но прежде всего — прялок, известных на Печоре и Пинеге, Онеге и Северной Двине.

Мезенская прялка по своей форме сродни мотивам деревянной архитектуры Севера, напоминая своей стройной ножкой, лопаской, увенчанной городками-куполами разной высоты, контуры многоглавой церкви. Прялка покрывалась правильными рядами орнамента, в которые вписаны фигурки коней, оленей, птиц, прямые и волнистые линии, квадраты, ромбы. «Архаичны и техника рисунка, и материалы, и инструменты мастеров. Рождалась эта красота из сочетания всего двух цветов: красного и черного. Красную краску добывали из береговой глины, растирали ее на камне, а затем разводили в растворе лиственничной смолы. Черную делали из сажи, смешивали с тем же раствором, а затем парили, чтобы краска долго не тускнела и не выгорала. Рисовали размочаленной на конце палочкой, контуры обводили тетеревиным перышком. Готовую роспись покрывали олифой, придававшей древесине золотистый оттенок»²⁸.

Обычно мастера ставили на прялках цену, дату изготовления и свое имя. До сих пор в Палащелье живут прямые потомки известных по таким надписям пяти династий художников: Аксеновы, Новиковы, Кузьмины, Федотовы, Шишovy. Хотя самые ранние дошедшие до наших дней образцы мезенской росписи датируются 1870 годом, ее стилистические особенности заставляют задуматься о более глубоких корнях мезенского искусства. «Тематика росписей, их стилизованный рисунок, выразительный и лаконичный, напоминают о древних петроглифах (наскальных рисунках) Русского Севера. Сдержанный колорит, в котором напряженное звучание коричневатого-красного подчеркивается черным контуром, вызывает в памяти пещерные палеолитические росписи. Поражает и сходство сюжетов, привлекавших как древних охотников, так и палащельцев»²⁹.

Другим значительным центром сохранения традиционных художественных промыслов стала Нижегородская земля, которая является, по признанию искусствоведов и этнографов, одной из самых богатых в России по разнообразию народных промыслов. Сырое, болотистое Заволжье с бедными почвами и не очень благоприятным климатом не слишком располагало к ведению сельского хозяйства. Зато еще П. И. Мельников-Печерский отмечал, что «леса заволжанина кор-

мят... Ложки, плошки, чашки, блюда заволажанин точит да красит... все, что из лесу можно добыть, рук его не минует». Лес давал нижегородцам не только топливо и строительный материал, он давал им сырье для прикладного искусства, которое наполнило их дома полезными и прекрасными предметами. Со временем в отдельных селах возникли ремесленные школы, на базе которых были созданы промышленные предприятия.

В экономике России, являвшейся до 1917 года преимущественно аграрной страной, заметную роль играли переходные виды производства: домашнее ремесло и промыслы. Но если ремесло еще оставалось в рамках натурального хозяйства, то кустарные промыслы стали первой ступенью товарного производства, которая предполагала существование специализированной ремесленной мастерской с большим или меньшим количеством работников.

В крестьянском и городском ремесле XVIII–XIX веков отчетливо проявилось влияние фольклорных традиций. В ряде исконных отраслей ремесленного производства мастерство ремесленников достигло уровня высокого искусства. Изделия ремесленного производства, предназначавшиеся для рынка, обладали значительными эстетическими достоинствами и стилистическим своеобразием. Их отличительными особенностями бы-

ли виртуозность исполнительской манеры, «немногодельность», лаконичность и выразительность художественного оформления.

В Заволжье, в деревнях, стоящих на реке Узолье, что впадает в Волгу, возникла знаменитая хохломская роспись. Всего более 50 сел Скоробогатовской и Хохломской волостей производили посуду с этой красочной, праздничной росписью. С древнейших времен деревянная посуда была у славян в широком употреблении: ковши и скобкари в форме плывущей птицы, круглые братины, обеденные миски, ложки различных форм и размеров находят в археологических раскопках X–XIII веков. Некоторые образцы датируются даже несколькими тысячелетиями! Местная легенда говорит о том, что этот промысел был занесен мастером-иконописцем XVII века, бежавшим после церковного раскола от гонений вместе с другими староверами в заволжские леса. Искусствоведы также относят зарождение хохломского промысла ко второй половине XVII века. А первое упоминание о селе Хохломе встречается еще в документах XVI века: при Иване Грозном о Хохломе знали как о лесном участке под названием «Хохломская Ухожея» (место, расчищенное от леса под пашню).

В середине XIX века промысел переживает период расцвета. Между селами возникает разделение труда: в одних заготавливают

древесину, в других делают токарные формы, в третьих режут ложки, в четвертых расписывают «бельё», выточенное из хорошо просушенного дерева. «Золотая хохлома» пользовалась широким спросом и давно вошла в народный быт России. «Близость Волги обеспечивала хороший сбыт посуды. Ремесленники свозили свою продукцию в большое торговое село Хохлома, оттуда возы и баржи отправлялись на Макарьевскую, Нижегородскую ярмарки, а затем расходились по всей России, попадали даже в Среднюю Азию и Персию»³⁰.

В другом заволжском городе — Городец, — который с XVII века становится одним из центров старообрядчества, хранилищем древних легенд, преданий, иконописной техники и ремесел, развивается такой традиционный промысел, как городецкая игрушка. В основном, игрушку делали в окрестных деревнях: Коськово, Репино, Курцево, Хлебаиха, Савино.

Местные мастера, поселившиеся на непригодных для обработки землях, исстари славились своими приемами в обработке дерева. «Они создавали игрушки нехитрыми плотницкими инструментами: топором, ножом, пилой. Из сосновых и осиновых заготовок получались фигурки людей, коней, двуглавые кони-каталки. Расписывали их яркими красками в широкой свободной кистевой ма-

нере городецкой росписи»³¹. Во второй половине XIX века произошло разделение труда между соседними деревнями. В одних теперь резали фигурки, в других — раскрашивали. Появились новые ярмарочные игрушки — «запряжки»: черные и красные тройки или пары коней с лебедиными шеями, запряженные в кареты. Делали также тележки и кровати для кукол.

Среди местных мастеров наиболее ярко проявили своей талант в промысле Е. Т. Крюков, И. А. Мазин, мастера из династии Красноярых.

Старобрядцы внесли свой вклад и в развитие народных промыслов на Урале. Можно проследить тесную взаимосвязь между уральской старообрядческой иконописью и возникшей одновременно с ней горнозаводской художественной росписью по дереву и металлу. Писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк писал о том, что бок о бок с иконописью «развивалась другая отрасль промышленности — расписывание сундуков, бураков (туесов), подносов и т. д.». Например, в 1817 году на гостинице дворе знаменитой Ирбитской ярмарки было 7 лавок «с сундуками, ящиками... лакированными подносами, портретами, картинками на железе и меди, столиками железными и медными лакированными с живописью работы Невьянского и Тагильского заводов».

В первой половине XIX века образцами для сюжетной росписи по металлу у мастеров-старообрядцев служили печатные гравюры. В староверческих семьях потомственных иконописцев и мастеров росписи по металлу и дереву, таких как Худояровы — изобретатели рецепта знаменитого тагильского «хрустального» лака, зародился жанр уральской живописи на производственную тематику. В 1858 и 1861 годах два двоюродных брата Худояровых поступили в Академию художеств, где специализировались по живописи исторической и портретной.

Непосредственно с деятельностью старообрядцев связан и такой русский традиционный промысел, как гжельская керамика. Гжель — один из традиционных русских центров производства керамики вблизи Москвы — издавна славилась своими промыслами: ткачеством, хмелеводством, гончарным производством. Местность эта была населена старообрядцами. Мастер-самородок из гжельских крестьян И. А. Гребенщиков самостоятельно открыл в 1747 году, одновременно с Д. И. Виноградовым (а, по мнению некоторых ученых, даже раньше его), технику получения фарфора³². Около 1800 года в деревне Володино Бронницкого уезда крестьяне братья Куликовы, делавшие до того майолику, открыли состав белой фаянсовой массы. Сначала они изготавливали

только игрушки, потом — также и посуду из фаянса. Производство полуфаянса возникло в Гжели после 1802 года. Тогда была найдена светлая серая глина близ деревни Митино. А первый фарфоровый завод в Гжели был основан в деревне Володице крестьянином Павлом Куликом в 1802 (по другим сведениям, в 1804) году.

«Насыщенность Гжели фабриками прекрасно иллюстрируется следующими статистическими данными: в одной только гжельской д. Речицы Бронницкого уезда существовали заводы: П. Ф. Куринова (с 1820-х гг.), Ф. М. Куринова (с 1820-х гг.), бр. Овечкиных (с 1820-х гг.), П. Николаева (с 1832 г.), Попихиных (с 1830-х гг.), В. М. Сомова (с 1853 г.), У. и И. Краснухиных (с 1856 г.), И. и А. Жадиных (с 1856 г.), В. С. Журавлёва (с 1856 г.), Л. Иванова (с 1860 г.), И. Гулина (с начала 1860-х гг.), И. М. Казакова (с 1864 г.), П. Квартальнова (с 1869 г.), И. Полубенцова (с 1869 г.), И. И. Краснова (с 1871 г.), А. Дунашова (с 1871 г.)».³³ Другими значительными центрами мелкого фарфорового производства были другие деревни: Гжель, Володино, Ново-Харитоново, Глебово, Жирово, Кузязево, Фрязево, Фенино, Бахтеево, Игнатьево, Тuryгино, Меткомелино, Коняшино, Ариново, Карлово, Коломино, Минино, — находящиеся в Бронницком и Богородском уездах Московской губернии.

Однако влияние старообрядцев на искусство русского фарфора, в первую очередь, связано со знаменитым «Товариществом производства фарфорово-фаянсовых изделий М. С. Кузнецова». Будущее крупнейшее керамическое дело России зародилось в 1810 году в Гжели, в деревне Ново-Харитоново Бронницкого уезда, в виде маленького завода фарфоровой посуды. При правнуке основателя дела М. С. Кузнецове фирма превратилась в промышленную и финансовую империю, контролировавшую 2/3 производства фарфора в стране и выпускавшую знаменитый «кузнецовский фарфор». Особое внимание товарищество уделяло производству церковных предметов: фаянсовых иконостасов, киотов, лампад, подсвечников. Кузнецовские иконостасы рассылались по всей России, их заказывали даже в Австро-Венгрии, на востоке которой проживало немало старообрядцев — всего известно 28 адресов торговли.

«Заслугой Кузнецовых было быстрое продвижение русского фарфора на зарубежные, в первую очередь восточные, рынки, конъюнктуру которых товарищество тщательно изучало. Когда в 1900 г. правительство вознамерилось оживить торговые связи с Персией и задумало строительство флота специально для этой цели, М. С. Кузнецов тут же готовит для него подробнейшую записку

о состоянии иранского рынка — и не только фарфорового»³⁴. Кузнецовский фарфор (так называемая «кашгарская печать») постепенно вытеснил немецкий, английский и французский из Персии, Афганистана и Монголии.

Любопытно, что в Российской империи из 48 живописных заведений для росписи и золочения фарфорово-фаянсовых изделий только 3 находилось в Москве, 2 в Петербурге и 2 в Варшаве, остальные 41 — в Бронницком и Богородском уездах Московской губернии, где моду диктовала старообрядческая Гжель. Можно проследить немало параллелей в стилистике росписи гжельского фарфора и заставок из гуслицких богослужебных книг. Порою авторами были одни и те же мастера. При этом М. С. Кузнецов уделял большое внимание живописному искусству Гжели и ежегодно отправлял на учебы в Строгановскую школу технического рисования нескольких мальчиков из гжельских крестьян. В Академии художеств им даже была учреждена специальная стипендия. С помощью журнала «Искусство и художественная промышленность» на кузнецовских фабриках были организованы конкурсы с премиями для лучших мастеров. М. С. Кузнецов привлекал для росписи фарфора и известных русских художников, например М. А. Врубеля, создавшего эскиз росписи декоративного блюда по мотивам былины «Садко».

В целом, нужно сказать, что практически все русские народные промыслы так или иначе сохранялись и развивались в местах компактного проживания ревнителй «древлего благочестия» и включали в себя «старобрядческую линию». Благодаря старообрядцам многие древние русские промыслы были сохранены, пережив века, и продолжают бережно поддерживаться в наши дни.

Глава 5

Жизненный уклад старообрядцев

Сохранение традиционного уклада жизни — не меньшая заслуга русских старообрядцев, чем сохранение тех или иных элементов духовной и художественной культуры Древней Руси. Как неоднократно отмечалось исследователями, основой старообрядческого мировоззрения и культуры было в первую очередь богослужение. Именно богослужение являлось тем стержнем, на котором держалась и жизнь старообрядческой общины в целом, и жизнь каждого отдельного старообрядца.

«Боголюбцы», или «ревнители благочестия», стоявшие в середине XVII века у истоков старообрядческого движения, сурово обличали образ жизни своих прихожан — как представителей знати за отсутствие нищелюбия, приверженность к стяжательству, «суетным утешениям», охоте, играм и пирам, так и простой народ — за любовь к плясунам и скоморохам, к винопитию и разврату, «плясанию» и «игрищам бесовским». Наблюдая,

Семь спящих отроков эфесских.
Старообрядческая икона

как одновременно с падением христианской нравственности возрождаются пережитки язычества, они стремились к широкому преобразованию церковной жизни, которое было для них равнозначно оцерковлению всего русского быта.

По словам С. А. Зеньковского, «ревнители благочестия» «осмысливали церковь как соединение всего духовенства и мирян под благословением Христа, смотрели на ее работу как на общее молитвенное стремление к правде и Богу. Они хотели торжества веры в сердцах русских людей и этим надеялись провести в жизнь свой теократический идеал государства, руководимого церковью»³⁵. Церковь во время соборного богослужения казалась им живым, зримым воплощением Царства Божия на земле. Святая Русь, идеал которой они носили в своей душе и за возрождение которой так ревностно боролись, виделась им неким подобием храма. Поэтому упорядочение богослужения, «чин церковный», занимали столь важное место в жизни и мировоззрении «боголюбцев». В последующие века среди их идейных последователей — старообрядцев — мы встречаемся с подобным же трепетным отношением к церковному богослужению и всему, что связано с ним.

Вместе с тем, условия постоянных гонений, в которых вынужденно находились

ревнители «древлего благочестия» на протяжении более чем трех столетий, вызвали к жизни ряд специфических черт, выделяющих их на фоне других представителей русского народа. К таким чертам можно отнести эсхатологизм и как следствие его — политику изоляционизма.

Выводы о наступлении «последних времен» развивались с самого начала церковного раскола. Об этом было сказано уже достаточно. Вся никоновская реформация воспринималась староверами именно под таким углом зрения: замена двоеперстия «антихристовой щепотью», православного трехсоставного креста — латинским «крыжем», добавление к имени Спасителя второго «и» (что трактовалось как «ин Исус», то есть иной Исус — антихрист), наконец, замена в крестных ходах и церковных таинствах движения «посолонь» — по солнцу, вслед за Солнцем-Христом — на движение против солнца, то есть против Христа. «В литургийном действе правая и левая сторона поменялись местами... Поскольку “вывернутый”, “левый” мир в условиях русского двоеверия воспринимался как антихристианский, то никоновские реформы могли смыкаться в культурном сознании с языческими или колдовскими обрядами»³⁶.

При этом, как нередко отмечали исследователи, эсхатологизм в старообрядчестве сочетался с представлением о собственной

исключительности и избранности, с чувством глубокой ответственности за сохранение неповрежденной православной веры. «Мессински ориентированные защитники старой веры признают себя последними, единственными хранителями православной религии и считают, что наделены миссией сохранения истинного благочестия в условиях апокалипсического времени»³⁷.

Особый взгляд на мир и особое отношение к миру, всегда отличавшие староверов на протяжении всей их истории, неизбежно приводили к своеобразию повседневных форм жизни. Ниже мы рассмотрим некоторые особенности старообрядческого богослужения и быта. Речь пойдет по преимуществу о богослужении и быте староверов-беспоповцев, поскольку именно они составляли подавляющее большинство старообрядческого населения Русского Севера.

Моленная

Храм, или, точнее, моленная, представляет собою безусловный центр всего старообрядческого космоса. Весь круг жизни старовера — от купели до погоста — так или иначе связан с моленной. Стоит только изъять этот смыслообразующий центр из жизни староверческой общины, как она через некоторое время превратится в нечто вроде «фольклор-

Старообрядческая моленная
в Сувалках (Польша), 1910 год

ного ансамбля», а затем и вовсе перестанет существовать.

В этом смысле показателен один эпизод из истории староверческой моленной, расположенной на территории нынешней Псковской области и на протяжении почти трех веков служившей духовным центром местных староверов. Как сообщала столичная газета «Еженедельник» в 1873 году, в деревне Пружинцы (Невельского уезда) «устроены... две раскольничьи молельни, при которых живут несколько наставников, под главным управлением местного крестьянина М. П. Личности эти уверили местных жителей, что от существования одной из их молелен “зависит судьба остального мира”, что с уничтожением этой молельни погибнет мир; что они — наставники есть “члены одного из Вселенских соборов”... Разъезжая по разным деревням не только Вязовской волости, но и по уездам Псковской и Витебской губернии, эти лже-наставники набивают свои карманы и на столько расположили в свою пользу невежественных последователей Феодосиевского толка, что последние деревню “Пружинцы” начали считать выше по святости Самого Иерусалима, а Пружинецких наставников единственными в мире служителями истины, успевшими и по настоящее время уберечься от печати Антихриста»³⁸.

Изгнанные после начала никоновских церковных реформ из древних, намоленных их благочестивыми предками храмов, староверы вынуждены были тайно собираться на общую молитву у кого-либо из своих единомыслителей в доме. По сути, прообраз такой первой старообрядческой моленной мы встречаем уже в событиях августа 1653 года — когда протопоп Аввакум, вынужденный уйти со службы в Казанском соборе на Красной площади, перешел с частью своей паствы в простое «сушило» (сарай для сена) во дворе дома Иоанна Неронова, где продолжил служение всенощной. «Ибо в иную пору, — говорил при этом Аввакум, — и конюшня лучше церкви бывает». Вот таким — без алтаря и «внешних оказательств» — стал первый старообрядческий храм...

В годы гонений нередко зажиточные староверы обустраивали у себя в домах целые комнаты — моленные, или образные, — где проводился весь суточный круг богослужений. Так, в палатах опальной боярыни Ф. П. Морозовой действовал небольшой женский монастырь приверженцев «древлего благочестия». Впоследствии мы видим, что подобные тайные молельни и скиты нередко существовали при домах богатых купцов-староверов, причем служили они не только в качестве частных моленных, но и в качестве общественных.

С прекращением открытых гонений со стороны властей старообрядческие моленные дома, тем не менее, долгое время существовали полулегально. Интерьер их был достаточно аскетичен. Вот, например, описание внутреннего вида уже упоминавшейся выше Пружинецкой моленной: «Оказалось: при доме крестьянина Якова Андреева находится чрез сени особая изба, гораздо большего размера, где живет Андреев. — Изба найдена запертою нутренним ключем, совершенно новая в длину и ширину 12 аршин, с полом и потолком, дверь в нее из сеней с запада, при входе с правой стороны — два окна на улицу и одно с левой стороны в огород. Во всю противоположную двери стену устроена деревянная полка и на ней разной величины иконы счетом дватцать, по всей полке, против икон стоят наполовину и больше сгоревшие восковые свечи, большею частию толщиной в руку. Посредине у образной полки деревянный стол, вроде престола, покрыт темного цвета шерстяною материею, по краям обшита в два ряда галуном, с передней стороны на середине тоже галунный крест. Тут же неподалеку другой меньшего размера деревянный стол — и на нем два небольших ящика, один с ладуном — другой пустой. По обе стороны этих столов вдоль образной полки устроено вроде налоя и покрыто ситцем. В правом угле под иконною

Федосеевский скит за Московской заставой
в Петербурге (внутренний вид)

полкою плетеная корзина и в ней до ста поминовенных книжечек и тут же разного цвета шерстяные и ситцевые наручники (имеются в виду подручники. — К. К.) 13 штук, на стене в разных местах четверо коженных четок и несколько белых полотенцев. На образной полке с левой стороны медная с ручкой кадильница, по стенам где окна, во всю длину деревянные скамейки. Вообще по всей обстановке этой избы видно совершенное доказательство раскольнического молитвенного дома»³⁹. Как видим, интерьер более чем скромный...

Характерной особенностью старообрядческих молитвенных домов стало отсутствие алтаря и, соответственно, ведущих в него царских врат. Обычно всю восточную стену занимал иконостас, в центре которого находилась икона Спаса. Иногда (это касается прежде всего крупных городских моленных) иконостас мог быть многоярусным — по типу древнерусского высокого иконостаса — и включал в себя образа, добытые из дораскольных церквей. Иконостас — это смысловой центр и главное украшение старообрядческих моленных. Именно на нем должны быть сосредоточены взоры молящихся. «Между верующими и святыми, изображенными на иконостасе, устанавливается живая связь взаимного общения, которая есть не что иное, как связь и общение Небес-

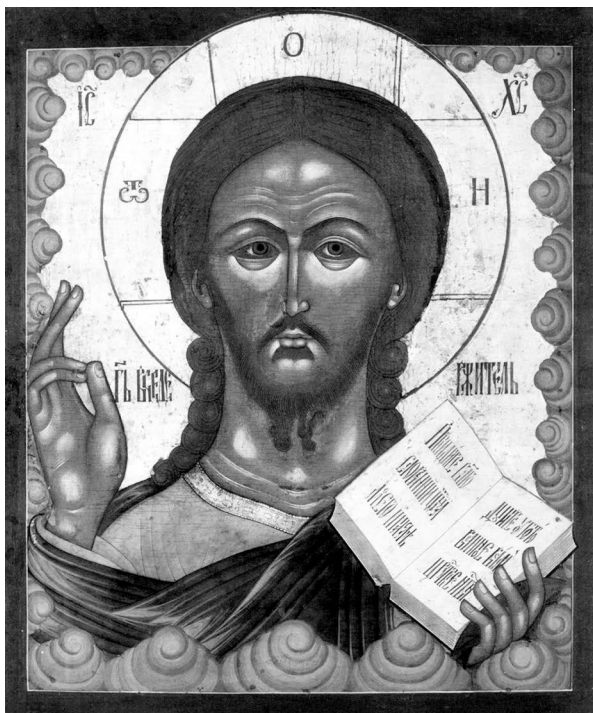
ной и земной Церквей. Небесная, торжествующая Церковь, представленная иконостасом, оказывает деятельную помощь земной, воинствующей или странствующей Церкви, как принято ее называть. В этом смысл и значение иконостаса. Все это можно отнести к любой иконе, в том числе и находящейся в жилом доме, и к настенным росписям храма»⁴⁰.

В домах старообрядцев роль церковного иконостаса играла божница («образа», «красный угол», «передний угол») — полка или киот⁴¹ с иконами. Первое, что делали старообрядцы, приступая к строительству нового дома, — определяли место для размещения домашних икон. Согласно православной традиции, моление должно совершаться лицом к востоку, поэтому божница размещалась в восточном или юго-восточном углу комнаты. Вот как говорит об этом популярный среди старообрядцев «Домострой»: «В дому своем всякому христианину во всякои храмине святые и честные образы написаны на иконах по существу ставити на стенах устроив благолепно со всяким украшением и со светильники, в них же свечи пред святыми образы возжигаются на всяком славословии Божии, и по пении погашают завесою закрываются всякия ради чистоты, и от пыли благочиния ради и брежения, а всегда чистым крылышком ометати, и мяхкою губою вытирати их и храм тот чист держати всегда а к святым

образом касаться достойным в чистей совести и на словословии Божии, и на святом пении, и молитв свечи вжигати, и кадити благовонным ладонем и фимияном, а образы святыя поставляются, иже в начале по чину свято почитаемы суть имяны прежереченными, в молитвах и во бдениих и в поклонех, и во всяком славословии Божии всегда почитати их со слезами и рыданием и сокрушенным сердцем исповедатися, просяще отпущения грехом»⁴².

Перед образами помещали одну или несколько лампад, которые возжигали (вместе со «свечами») накануне и в дни больших праздников, на Страстной седмице, а также во время домашней молитвы. В Вербное воскресенье в божницу ставили освященную в моленной вербу, а на Пасху «христосовали» образа красным яичком. Как правило, божница украшалась нарядными рушниками, вышивкой и кружевами. Во многих домах было принято закрывать божницу раздвижной занавеской, скрывавшей чтимые образа от посторонних глаз.

Обычно в центре домашнего иконостаса помещалась икона Спасителя или же восьмиконечный крест с Распятием. Остальные иконы могли располагаться в произвольном порядке. Рядом с центральной иконой помещали образа Богородицы, Иоанна Крестителя, святителя Николы, других почитаемых

Спас Всемиловитый.
Романов-Борисоглебск, середина XIX века

или тезоименных хозяевам святых. Нередко в старообрядческих божницах можно встретить меднолитые створцы с изображениями икон двенадесятих праздников — они заменяли целую походную церковь. При этом иконы принято было ставить на специальные полки, а не вешать их на стены, как простые картины, — обычай, с точки зрения староверов, неблагочестивый, заимствованный у прихожан новообрядческой церкви. Литые иконы и кресты небольшого размера врезали в доски и также размещали на полках.

Еще одной характерной особенностью старообрядческой моленной является обязательное наличие в ней двух клиросов (или крылосов). Так называется правая и левая стороны солеи, на которых стоят чтецы и певцы — клирошане. От молящихся клироса отделены невысокой перегородкой, украшенной иконами, — так называемым заклиросником, или же просто ограждением. Так же как в древности алтарная преграда постепенно превратилась в высокий иконостас, отделяющий алтарь от средней части храма, в некоторых старообрядческих моленных со временем образовались достаточно высокие заклиросники — тем самым клироса оказались отделены от молитвенного зала.

На каждом клиросе есть аналой (или «налой», как его чаще называют) — высокий наклонный столик, на который кладутся бого-

служебные книги для чтения, а также иконы для поклонения по случаю того или иного праздника или дня памяти святого. Также на клиросах имеется набор необходимых для богослужения книг. Правый клирос считается главным, около него находится место наставника, ведущего службу. В субботу, воскресенье, вторник и четверг правый клирос является «ведущим» (то есть начинает чтение и пение), а в понедельник, среду и пятницу «ведущим» является левый. Руководит причтом каждого клироса головщик. Если в храме немногочисленный причт, то службу могли вести на один клирос. На правом же клиросе во многих староверческих моленных имелся малый колокол, которым прихожане храма извещались о начале и окончании богослужения.

Как уже говорилось выше, до Манифеста 1905 года староверам запрещали строить молитвенные дома с «внешним оказательством» и использовать колокола. Колокольный звон заменяла подвешенная железная доска (или рельс), используемая для созыва на богослужение, — так называемое било, употребление которого на христианском Востоке зафиксировано еще в IV веке. Звук извлекался посредством удара молотка или деревянной палки. Кое-где в старообрядческих храмах подобные била сохранились и до наших дней. Однако после снятия всех

запретов в 1905 году ситуация изменилась. На моленных появились главки и купола, увенчанные восьмиконечными крестами. Некоторые храмы могли быть украшены сразу несколькими куполами — в зависимости от достатка общины. Рядом с моленной или непосредственно над ней строились колокольни, также увенчанные крестами. Иногда моленные имели простые звонницы, в которых, в отличие от колоколен, управление колоколами совершалось непосредственно с поверхности земли.

Колокольный звон сопровождал старовера всю его жизнь. В соответствии с богослужебным уставом существовали различные разновидности колокольного звона. «Благовест — это один из наиболее древних звонов в Церкви Христовой⁴³, он осуществляется мерными ударами в один из самых больших колоколов или бил, если их на колокольне имеется несколько... Совершается один удар в самый большой колокол, затем два удара с небольшим перерывом и двенадцать ударов подряд — это повседневный звон. Благовестом также начинаются воскресные и праздничные звоны, только перед соборными и праздничными службами увеличивается количество ударов в большой благовестный колокол. Благовест бывает и в Великом посту, только удары там более редкие — великопостные, еще реже удары бывают, когда вы-

носят тело умершего из храма и провожают его в последний путь — это траурный звон. Трезвон — это праздничный звон, который осуществляется во все колокола и била... Трезвону может предшествовать перезвон, то есть удар поочередно в каждый колокол или било по одному разу, начиная с самого большого и до малого, что символизирует собой “истощание” Иисуса Христа, нашего ради спасения. После перезвона ударяют “во вся”, то есть начинается трезвон перед великими праздничными службами. Трезвон выражает собой духовную радость и торжество Веры Христовой, в нем участвуют обычно все колокола и била, имеющиеся на колокольне»⁴⁴.

Духовные наставники

Поскольку по убеждению староверов-беспоповцев после раскола Русской Церкви весь епископат отпал от истинной веры, исказив древние формы богопочитания, то и Церковь вынужденно оказалась лишенной духовной иерархии. В этом существеннейшее отличие староверов-беспоповцев от западных протестантов, вообще отвергающих необходимость церковной иерархии. Как писал один из авторитетнейших поморских начетчиков XIX — начала XX веков И. И. Зыков, «и если мы не сообщаемся ныне с епископами господствующей церкви и от

них удаляемся, это не потому, что они епископы и что якобы не нужны их тайны, а только и непременно потому, что они при Патриархе Никоне отступили от благочестия, содержимого и святохранимого Христовой Церковью в России...»⁴⁵

С наступлением «последних времен», господства «духовного антихриста» прекращается и истинное священство, наступает «бессвященнословное состояние». «Это не было отрицанием священства. Это был эсхатологический диагноз, признание мистического факта или катастрофы: священство иссякло...»⁴⁶ Староверы-беспоповцы приспособили свое богослужение к ситуации постоянного и необратимого отсутствия священства, при этом взяв за основу канонически предусмотренные до никоновского раскола случаи временного, пусть даже и многолетнего, отсутствия священства. Такая практика была достаточно распространена в северных русских монастырях и сельских приходах.

Староверы пытались найти обоснование своего «бессвященнословного состояния» прежде всего в Священном Писании, искали они подобные прецеденты и в истории Церкви. Ссылались на книгу пророка Исаии, где содержится пророчество о прекращении священства: «Оставлена будет дщи Сиона, яко куща в винограде, и якоже хранилище в вертограде, и яко град обстоим» (Ис. 1). Святой

Нижегородские старообрядцы-поморцы. Фото М. Дмитриева, 1910 год

Ипполит, папа римский, приводил на это место такое толкование: «Вижь, рече, пророка возлюбленне осияние, еже прежде колицех родов о времени предрече. Небó о иудеях сие слово пророчествова, ниже о Сионе граде, но о святей церкви. Сион бо церковь, сиречь юже от язык приведшуюся невесту вси пророцы показаша» (Соборник Большой, л. 120).

Аналогичное пророчество находили и у пророка Аввакума: «Зане смокви плода не сотворят и не будет плода в виноградех. Солжет древо маслинное и поля не сотворят яди. Оскудеша овцы от пищи и не будет волов при яслех» (Авв. 3). По толкованию святых отцов, волы означают здесь епископов, как Петр и Павел названы волами: «Петр и Павел впряжена вола церковная, иже добрую куплю вселенней принесше, иже крест вместо ярма взявше» (Пролог, июнь, 29 день, в похвальном слове). Яслями Писание именует церковные алтари, как свидетельствует Поучительное Евангелие на Рождество Христово (л. 498 об.).

В самом Евангелии находили слова, прямо говорящие о священстве: «Вы есте свет миру... Вы есте соль земли, аще же соль обуюет, чим осолится? Ни во что же будет к тому, точию да изсыпана будет вон, и попираема человеки» («Вы — свет мира... Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем

сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям»; Мф. 5, 13–14). Под «солью» здесь понималось священство, содержащее поучительное слово. Если соль «обуяет», то есть примет чуждые Церкви Христовой учения, то тогда лишь остается «иметь соль в себе», как о том говорит Спаситель: «Имейте соль в себе и мир имейте между собою» (Мк. 9, 50).

Об этом еще определеннее говорит такой великий церковный авторитет, как святой Иоанн Златоустый: «Если епископ не находится среди своего стада, чтобы руководствовать им, пусть овцы сами возьмут на себя обязанности пастыря. Робкие, которые ссылаются на этот предлог, уклоняясь от собраний, изменяют долгу веры». В этом случае, исполнив заповеди Божии, верные обрящут себе пастырем Самого Бога.

Исторические прецеденты подобного «бессвященнословного состояния» также имелись. Например, после заключения в 1595 году Брестской унии между католиками и православными Юго-Западной Руси там не осталось ни одного православного епископа, поскольку все они признали главенство римского папы. Четверть века простые верующие, оставшиеся верными православию, обходились без пастырского окормления, и лишь в 1620 году иерусалимский патриарх Феофан IV восстановил церковную

иерархию. Поддерживая православный народ Малороссии, константинопольский патриарх Иеремия писал в послании к ним: «Спасайтесь, братия моя, сами, а пастырьми спастися не можете. Спасайтесь, братия моя возлюбленные, верное стадо Христово, роде избранный, язык святой, царское освящение, людие обновлены, русский благочестивый народе, спасайтесь заповедьми евангельскими, спасайтесь законом отеческим, спасайтесь честным и целомудренным житием»⁴⁷.

Духовное наставничество как особый институт выделилось у староверов-беспоповцев достаточно рано. В постановлениях Новгородского собора 1694 года наставнику, или духовному отцу⁴⁸, отводилась особая роль — он мог крестить, исповедовать, налагать епитимии и даже отлучать от Церкви. Так называемые польские федосеевцы практиковали выборы духовного наставника приходом и благословение его прежде бывшим наставником на церковное служение. В 1752 году на Польском соборе этот обычай был возведен в правило. К наставнику предъявлялись следующие требования: «...Еже вместо священника избирати от простолюдин, благоговейна православна добродетельна исполненных лет суца мужа. Благословенну ему мощно быти на Духовное дело и службу, сиречь крестити, и покаяние творити верным людем, кроме иерейскаго действия: церковну

Федосеевец книжный. Гравюра XVIII века

службу божественную пети яко иноку просту и не освященну: недерзая ни литургии ни молитв, ни ектеней, ни возгласов, ни разрешительных молитв, ни ино любо что иерейское творити»⁴⁹. При этом избранному церковным народом наставнику давалось наименование «настоятель». От него требовалось вести жизнь по иноческому уставу — в посте, воздержании и безбрачии.

Любопытно, что у староверов северо-востока Речи Посполитой с 1678 года до середины XIX века существовало звание «общего пастыря древлеправославных христиан Литвы и Курляндии», свидетельствовавшее о «преемственности церковного наставничества от русского дониконовского православия и его сохранении в традиции последовательной передачи этого звания одному из достойнейших наставников края»⁵⁰. Варковский собор 1832 года осудил практику келейного благословения одного наставника другим, определял уровень грамотности кандидата в духовные отцы, а также обязал лиц духовного звания «имети о себе ставильную грамоту». Тогда же был оформлен и порядок отрешения наставника от должности — для этого необходим был общий духовный совет, состоящий из шести настоятелей и духовного отца отрешаемого.

Особенно остро вопрос о наставниках ставился на Первом и Втором Всероссийских

соборах христиан-поморцев соответственно в 1909 и 1912 годах. Первый Всероссийский собор 1909 года, подтвердив главные положения вероучения ранних поморских отцов о пришествии «духовного антихриста» и о неприятии священства от господствующей церкви, вместе с тем вынес постановление о статусе наставников как духовных руководителей общины, «достойных всякой чести и почитания». При этом собор счел их стоящими выше «престецов», из-за чего впоследствии завязалась достаточно оживленная полемика, и уже на Втором Всероссийском Соборе 1912 года такая формулировка была изменена: «Наставники, или духовные отцы и руководители, стоящие во главе христианских приходов, должны почитаться как не имеющие священнослужительской степени, нерукоположенными пастырями Церкви. Духовные права и обязанности наставников определяются Священным Писанием, до нерукоположенных пастырей относящихся, и обычаем, оставленным Церквью блаженной памяти предками нашими. Избрание народное и благословение отца духовного на служение Церкви возводит наставника на почетное и первенствующее место в приходе».

Согласно постановлению Второго Всероссийского собора поморцев, обязанности духовного наставника заключаются в ис-

полнении церковных таинств (которые по церковным правилам дозволено совершать мирянину), предстоятельстве при богослужении, в управлении клиросом и приходом, в церковном учительстве и в наблюдении за религиозным и нравственным порядком в общине или приходе.

На протяжении XVIII–XIX веков по своему внешнему виду старообрядческие наставники ничем от простых крестьян или же мещан не отличались. Виленский съезд 1906 года установил особую форму одежды для наставников: летнюю и зимнюю — черную, так называемый азям, или кафтан, верхнюю — тоже черную — полукафтан без пояса. Летом на голове следовало носить низкую шляпу с широкими полями, а зимой — черную «каракуловую» шапку с дном черного сукна⁵¹.

Крещение

Староверы признают все семь церковных таинств, которые существовали в до-раскольной Церкви и перечислены в книге «Большой Катихизис»: 1) крещение, 2) утверждение (или хризма), то есть миропомазание, 3) священничество, то есть рукоположение, или чин причетнический, 4) божественное причащение, то есть благодарение (евхаристия), 5) исповедание, или покаяние, 6) законный брак (венчание), 7) маслоосвящение,

или последнее елеосвященное помазание (соборование)⁵². Однако из-за отсутствия священства они «по нужде» содержат только два из семи таинств, без которых, по их убеждению, невозможно спастись, — крещение и покаяние.

Крещение — главное христианское таинство, через которое человек входит в Церковь, рождаясь для новой жизни, и единственное из церковных таинств, упомянутое в Никео-Цареградском Символе православной веры. Крещение — второе рождение, рождение духовное и, следовательно, *sub specie aeternitatis*⁵³ более важное, чем рождение первое, естественное.

Согласно церковным правилам, в случае нужды крещение может совершить и простой мирянин, и даже женщина. В «Поморских ответах» и «Щите веры» приводится множество случаев из истории Церкви Христовой, когда крещение совершали не только нерукоположенные мужи и жены, но некоторые по нужде даже сами себя крестили. Упомянем лишь самые известные случаи. Во время земной жизни Иисуса Христа апостолы, еще не имевшие рукоположения, крестили, как о том свидетельствует евангелист Иоанн Богослов: «Исус сам не крещаше, но ученицы Его» (Ин. Зач. 11). Апостол Павел крестился от Анании, не имевшего священства. Святая Мариамия, сестра святого апостола Филиппа, крести-

ла многих. Святой мученик Галактион крестил свою обручницу и раба Евтолмия. Святой мученик Созонт многих крестил. Святой Афанасий Великий в детском возрасте детей крестил. Сами себя крестили равноапостольная святая первомученица Фекла, мученица Дросида, мученик Порфирий, преподобный Феофан.

Староверы признают только трехпогружающее крещение, сохранявшееся в Церкви со времен апостольских, и ссылаются при этом на 50-е Апостольское правило: «Аще который епископ или презвитер не крещает в три погружения едином глашением, но во едино погружение в смерть Господню даемо, да извержется таковыи. Не рече бо Господь в смерть Мою крестите: но шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа»⁵⁴. Согласно церковным правилам, новорожденного младенца следовало крестить на восьмой день жизни⁵⁵. При этом его нарекали соответствующим именем в честь того святого, память которого по «Святцам» приходилась на восьмой день. В современной практике родители могут выбрать имя для младенца в пределах восьми дней, прошедших со дня рождения, а младенцам женского пола (из-за меньшего количества женских имен в «Святцах») разрешается давать имя и в течение восьми дней, предшествующих дню рождения.

В таинстве крещения участвуют духовный наставник, сам крещаемый и двое крестных — мужчина и женщина. (По нужде допускается иметь одного крестного.) Крестные при этом становятся духовными родителями новокрещенного. Крещение, как правило, совершается в моленной, в специальном сосуде с водой — купели. В случае крещения взрослого человека, чин крещения обычно вычитывался в моленной, а погружение совершалось в открытом водоеме — в реке или озере. Если крестится сразу несколько человек, то для каждого готовится отдельная купель. Вода в купели в любое время года не подогревается. Перед началом таинства наставник устанавливает крестообразно по краям купели четыре свечи и с молитвами и каждением обходит купель. После совершения таинства на новокрещенного надевают нательный крест и облачают в крестильную рубашку белого цвета, которую он не должен снимать в течение восьми дней. Рубашка подпоясывается поясом.

Нательный крест старовер должен всегда носить на своем теле, снимая его только перед мытьем в бане, которая традиционно считалась нечистым, «поганым» местом. У староверов не принято было носить нательные кресты с изображением распятого Христа, хотя до раскола такие кресты и встречались, так же как не принято было

носить на теле иконы. Посреди старообрядческих нательных крестов четвероконечной формы изображается восьмиконечный Голгофский крест — символ, в то время как распятие с изображением Христа является иконой, образом, на который подобает молиться, а не носить на теле наподобие амулета. Существует также различие между «мужскими» и «женскими» нательными крестами. Так, «женский» крест имеет более сглаженную, округлую форму без острых углов, и вокруг него растительным орнаментом изображается «лоза», напоминающая о словах псалмопевца: «Жена твоя, яко лоза плодovitа в странах дому твоего» (Пс. 127, 3).

Вот как один из старообрядческих наставников объясняет подобное различие: «Необходимо помнить, что после грехопадения Всеблагий Бог установил неизгладимо законы для духовной и телесной природы мужа и жены. Установленный Богом порядок жизни имеет такие глубокие корни в духовной природе человеческой, что всякая попытка уклониться от исполнения нравственного долга влечет за собою самые печальные последствия. Поэтому-то обязанности мужчин и женщин раз навсегда установлены Богом, и крест тех и других неодинаков, то есть нравственный долг каждого пола определен самим складом их природы телесной и духовной. Св. апостол Павел говорит: “Ина сла-

ва солнцу... и ина слава звездам”. А св. Церковь наша эту же мысль осуществила и в самой форме тельного креста: для мужчин установлен крест четырехконечный как знамение креста, а для женщин имеет подобие звезды, что указывает на некоторую зависимость женщины от мужчины, о чем была дана заповедь первым людям тотчас по их грехопадении, ибо Бог сказал жене: “К мужу твоему влечение твое и он будет господствовать над тобою”. Как некоторые планеты небесные заимствуют свет свой от солнца, так и крест женщины, то есть ее земной удел, есть как бы отображение ее отношений к своему мужу»⁵⁶.

Нательный крест принято носить на длинном гайтане (тесме или плетеной нити) таким образом, чтобы можно было, не снимая его, взять крест в руки и осенить себя крестным знамением (это положено делать с соответствующими молитвами перед сном, а также при совершении келейного правила). Необходимость носить нательный крест объясняется следующим образом: «Носимый на теле нашем крест свидетельствует о крепком исповедании Господа нашего, распятого за нас и растерзанного на Кресте рукописанием грехов наших. Всякий истинный христианин, нося на персех своих нательный крест, должен всегда помнить слова Спасителя: “Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе

и возьмет крест свой, и по Мне грядет". Этими словами Господь указал, чтобы каждый человек с терпением переносил те жизненные испытания, которые даны в удел каждому на земле»⁵⁷.

При крещении человеку давалось христианское имя, которое не всегда могло совпадать с мирским. День памяти святого, именем которого он был крещен, считался его именинами. У староверов не было принято праздновать дни рождения, но зато особо почитался именинный день.

Исповедь

В таинстве крещения человек, погружаясь в освященную воду, невидимо оmyвает первородный грех и все свои прежние грехи. Однако в дальнейшей его жизни появляются новые грехи, которые уже невозможно омыть в крещенской купели, поскольку, согласно Символу веры, возможно только одно истинное крещение: «Исповедаю едино крещение во оставление грехов». Очищению от грехов — вольных и невольных — служит другое христианское таинство — таинство покаяния.

В таинстве покаяния верующим передается благодать Святого Духа, очищающая от греха и духовно возрождающая. «Истинное покаяние, — пишет св. Ефрем Сирин, — есть

Судьба праведника и грешника.
Старообрядческая икона XVIII века

исцеление души. Мы должны облачиться в ризу нову, в одеяние светло». Внешним выражением этого таинства является покаянная исповедь, когда христианин от чистого сердца кается перед Богом в совершенных грехах. При этом исповедь принимает у него духовный наставник, несущий ответственность за соблюдение тайны исповеди. Принявший исповедающегося на покаяние считается его духовным отцом. Сам чин исповеди, так же как и чин крещения, у староверов-беспоповцев совершается по книге «Потребник малый» и представляет собой несколько сокращенный дораскольный чин священнической исповеди.

От кающегося требуется не только осознание своих грехов и искреннее раскаяние в них, но и твердое решение изменить свою прежнюю жизнь — «еже к тому не согрешати». Об этом в чине исповеди говорится так: «Аще кто приидет чистым сердцем каятися грехов своих, истинно обещааяся к тому не творити зла, и Господь наш Исус Христос, Сын Божии, такова сотворит свята».

Согласно церковным правилам, бывать на исповеди всякий христианин должен четыре раза в год — в каждый из четырех постов (Великий, Петров, Успенский и Рождественский), но обычно это происходит раз в году — во время Великого поста. Те, кто долгое время не был на исповеди, не удостоиваются

обычного чина погребения. Эта же причина может служить препятствием к совершению церковного бракосочетания. «Аще же не покаетесь, — учит Евангелие, — такожде погибнете» (Лк. 13, 70).

Таинство покаяния может совершаться двумя чинами: полным и малым. Полный чин включает в себя чтение начальных молитв, чтение исповеди и раскаяние верующего перед наставником и совершается в дни, специально назначенные для проведения этого таинства. Что касается малого чина, то он проводится уже вне зависимости от церковного календаря для тяжело больных людей, находящихся при смерти, и соответственно представляет собой сокращенный вариант полного чина. В Потребнике вопросы, задаваемые духовным отцом, разделены по половозрастному признаку: отдельно для взрослых мужчин, женщин, девиц и детей.

В правилах оговорен и начальный возраст приобщения детей к таинству покаяния: лиц мужского пола — с 14 лет, лиц женского пола — с 12, в исключительных случаях (например, раннее взросление) — с 10 лет. Однако в ряде старообрядческих общин принята так называемая детская исповедь (с 6–7 лет). Эта практика ранней исповеди была принята и на Севере. «Согласно этнографическим данным, у нижнепечорских

староверов начальный возраст приобщения к исповеди определялся 6–7 годами. Считалось, что в этом возрасте дети уже должны были самостоятельно ответить за свои грехи, а до указанного возрастного рубежа крещенные малыши находились под особой опекой своего ангела-хранителя и в силу своей безгрешности сравнивались с ангелами (*душа та у его ангельска*)⁵⁸».

После окончания чина исповеди исповедавшемуся духовным отцом назначается епитимия — «духовное врачевание», заключающееся в исполнении тех или иных дел благочестия: как правило, это определенное количество поклонов, чтение покаянных молитв или Псалтыря.

В случае отсутствия духовного отца, удаленности моленной или же в путешествии у староверов была принята практика чтения так называемого «Скитского покаяния» — чина исповедания грехов для уединившихся иноков. Однако это не освобождало человека от обязанности иметь своего духовного отца и не считалось полноценной заменой исповеди. Важное значение среди староверов придавалось и ежедневным прощаниям перед сном в семейном кругу. «Все члены семьи прощались друг с другом на случай, если вдруг смерть настигнет кого-либо во сне: *братья, сестры, простите меня грешного во всех тяжких грехах*, — получая ответ: *Бог*

простит и благословит, меня грешную(ого) прости. Заметим, что многие верующие полагают: в случае бессонницы необходимо вспоминать свои грехи и просить прощение у Бога, а не о мирских делах думать»⁵⁹.

Брак

Вопрос о браке — один из самых острых и животрепещущих вопросов в среде староверов-беспоповцев. Часть из них со временем приняла так называемый бессвященнословный брак, часть так и осталась на бракоборных позициях. Тем не менее, и одни, и другие продолжали выполнять данную первому человеку заповедь: «Растите и множитесь». И у «брачных», и у «безбрачных» существовали семьи и рождались дети.

Поморское учение о «бессвященнословном браке» сложилось в 30-е годы XVIII века. Староверы-поморцы «таковой брак признают равносильно церковному, венчанному, основываясь на великом Катехизисе, силу и могущество брака полагают “в законности Творца и существе взаимной любви”. Заключительной фазой брачного вопроса стало принятие положений по браку на Виленском съезде 1906 г., когда постановили считать брак законным, если он совершается по воле и благословению родителей, согласия и любви

жениха и невесты и благословения наставником в святом Храме»⁶⁰.

При совершении бракосочетания поморцы руководствуются дораскольными церковными канонами. Так, например, браки совершаются в строго установленные дни. Не совершаются браки накануне среды и пятницы (постных дней), накануне воскресных и праздничных дней, во дни поминовения усопших (родительских недель), в дни всех постов, на Светлой Пасхальной неделе, на Святках, на Масленичной неделе, также и в день Усекновения главы Иоанна Крестителя и в день праздника Воздвижения (когда по уставу полагается особо строгий пост). Бракосочетанию в храме не подлежат иноверцы, а также молодые, не имеющие на брак родительского благословения или не прошедшие исповедь. Существуют также и другие ограничения (например, брачующиеся не должны состоять друг с другом в близкой степени родства, сватовства или кумовства).

Сам брачный поморский чин был установлен наставником московской Мониной моленной Василием Емельяновым в последней четверти XVIII века и включал в себя чтение канона Всемилоливому Спасу. При этом для заключения законного брака требовалось согласие жениха и невесты, благословение родителей, свидетели и соответствующий

возраст вступающих в брак. Священническое венчание, согласно мнению В. Емельянова, как «токмо благолепное украшение» может быть заменено соответствующими случаю молитвословиями, которые могут читать и «мужи нерукоположенные». В 1803 году другой московский наставник Гавриил Скачков установил для бракосочетания новый чин с чтением специально составленного им канона Всемилоствому Спасу. В настоящее время среди поморцев практикуются оба чина бракосочетания.

Что касается тех обществ, которые не приняли бессвященнословного брака и считали его «блудным, отверженным церковью сожитием» (федосеевцы и филипповцы), то их семейная жизнь отличалась бóльшей сложностью и разнообразием. Так у польских, рижских и московских федосеевцев были свои особенности. Существовало три варианта поведения: «во-первых, можно было венчаться в православной церкви, “за что в доме у себя, под именем начала, семь поклонов кладут, и прощаются, говоря: простите мя отцы святии и братия, яко по нужде аз грешный в еретической церкви обвенчался”⁶¹. Во-вторых, другие безо всякого обряда, по согласию сошедшись, “живут блудно”. В-третьих, хотя оженились, раскаиваются и, называя себя явными прелюбодеями, часто разлучаются от своих жен, а другие и вовсе бросают. Однако

при болезни или смертном часе они приносят покаяние»⁶².

В Северо-Западном крае староверы в XVIII–XIX веках имели возможность венчаться не только в синодальных или единоверческих церквях, но и в католических костелах. «В данном случае венчанию придавали лишь юридическое значение⁶³, полагая, что столь далекая от истинной веры католическая церковь не могла иметь на вступающих в брак никакого влияния. При этом не делалось никаких уступок в пользу смешанных с католиками браков»⁶⁴.

Однако самой распространенной формой браков среди «польских федосеевцев» были побег невесты против воли родителей и выбор невест на ярмарках. «Побег происходил по предварительному сговору жениха и невесты и, в случае удачи, родителям не оставалось ничего другого, как в интересах своей же дочери благословить союз. Подобная форма “брака уводом” или по местному выражению “тихоматного брака” практиковалась примерно до 80-х гг. XIX столетия. Существовала она с “незапамятных времен” и практиковалась в Крестецком уезде Новгородской губернии, родине федосеевщины. Прибегали к этой форме по той причине, что она формально не нарушала положения вероучения о браке и соответственно являлась своеобразным выходом. Кроме того, она ре-

шала проблему свадьбы, играть которую не позволял низкий достаток, соответственно и обрядовое оформление ее было достаточно скромным»⁶⁵. Обычно вся свадебная церемония ограничивалась тем, что молодые приезжали в дом жениха, молились перед иконой с зажженными свечами и получали родительское благословение. На следующий день устраивался обед, не отличавшийся от обычного воскресного обеда, на который приглашались только близкие родственники. Иногда через неделю устраивались так называемые хлебины — посещение молодыми родителей жены.

Второй обычай заключался в следующем: на ярмарку в ближайший город или село съезжались во множестве невесты, из которых приезжие парни выбирали себе будущих жен. Вот как описывается в «Полоцких Епархиальных Ведомостях» за 1903 год этот обычай, существовавший у витебских федосеевцев и называвшийся «самокрутки»: «Пятница (это мероприятие, по традиции, происходило в пятницу на Сырной неделе. — К. К.)... На торговой площади целый день толпится народ... Это все старообрядцы... Молодые парни в новых черных длинных шубах весело ходят взад и вперед, поглядывая с какой-то особенной улыбкой на миловидных девушек, щеголяющих своими бархатными салопчиками с кунными воротничками, со-

большими муфточками и шелковыми платками самых ярких и разнообразных цветов. Все, что только есть лучшего, дорогого и нарядного у молодежи, все выставляется сегодня на показ... Толпа все растет... Слышится несмолкаемый говор, здоровый смех, свист и звуки гармоники... Здесь русский дух, здесь Русью пахнет... Смеркает... Молодежь уже разделалась на пары. Каждый парень выбрал себе любимую девушку и, обняв ее, ходит с нею уже как с “Богом данной женой”... Браки состоялись, и молодые обдумывают теперь, как им явиться к отцам и заполучить “приданное”...»⁶⁶

Еще более подробное описание данного обычая у староверов-беспоповцев дает В. М. Долгоруков: «Отметим следующий любопытный обычай раскольников, касающийся выбора невесты молодыми парнями. Для этой цели парни и девушки съезжаются в праздничные дни перед рождественским постом и на масляной неделе, в среду и пятницу, в местечки и города на базар. Девушки в пестрых, ярких цветах и нередко в богатых юбках, цветных, шелковых, суконных и шерстяных коротких шубках, или шугайчиках, как они называют, с легкими платочками на головах, взявшись за руки, ходят по базарной площади и улицам, причем у каждой в руке находится небольшой платочек, как носовой. Парни в синих суконных русских

кафтанах, меховых шапках, перчатках, в щегольских сапогах, с дождевыми зонтиками в руках, расхаживают небольшими группами и рассматривают прогуливающихся девушек. Когда выбор парня остановится на какой-нибудь девушке, он подходит к ней и вступает с нею в разговор. Если девушка желает сделаться его сожительницей, то подает ему конец носового платка, держась за который, они отделяются от прочих и, расхаживая по улицам, сговариваются окончательно. Затем, большею частью сразу же, делается соглашение между родителями жениха и невесты о дне соединения молодых супружескою жизнью. В назначенный день жених на лучшей лошади приезжает в дом невесты один. Здесь он и его невеста получают благословение от родителей последней и наставление для супружеской жизни, затем садятся в сани и вдвоем катаются по улицам села, а потом едут к родителям жениха, которые на пороге дома встречают их с хлебом-солью, поздравляют с супружеством и угощают всех родных и гостей обедом. Послеобеденное время старики проводят в разговорах, а молодежь забавляется шутками, прятками, орехами и пряниками. Вечером следует ужин, которым и оканчиваются все брачные обрядности и торжества»⁶⁷.

О духовном причастии

Поскольку таинство причащения (евхаристии) имеет право совершать лишь благоверный священник, имеющий правильное рукоположение от православного епископа, а таковых, как считают староверы-беспоповцы, по условиям «последнего времени», нигде на земле не осталось, то и таинство причащения ими не может совершаться и литургия не служится.

На Выгу первое время причащались запасными дарами, освященными еще дораскольным священством. Однако со временем и они иссякли. Вместе с тем, понимая всю важность таинства причащения для спасения, поморцы, опираясь на Священное Писание и святоотеческую традицию, попытались обосновать возможность так называемого невидимого, или духовного причащения. «Когда Святые Дары иссякли, поморцы стали жить надеждой на спасение от Самого Господа Иисуса Христа, великого Архиерея, могущего и невидимо причастить искренне желающих этого...»⁶⁸

В «Евангелии благовестном», в частности, говорилось: «Впрочем, ты можешь есть Плоть и пить Кровь Владыки не только в таинственном Причастии, но и иным образом. Плоть ест тот, кто идет путем деятельности. Ибо плоть неудобоварима, как и деятельность — много-

трудна. Кровь пьет, будто бы вино, веселящее сердце, созерцатель. Ибо созерцание не сопряжено с трудом и есть даже успокоение от трудов, похожее на питье, как и питье легче, чем пища»⁶⁹. Преподобный Ефрем Сирин в «Слове о суде, о любви и о покаянии» пишет: «Буди церкви Божия, и вселится в тя Бог Вышний, душа бо имеющи Бога в себе, церкви наречется свята и чиста, и божественныя тайны служатся в ней». Об этом же говорит и святой Макарий: «Тело человеке церковь есть Божия — и сердце человека есть престол Божий».

Каким же образом может совершаться в верующем христианине таинство евхаристии подобно видимому его совершению на престоле, в церкви? «Какова наша любовь ко Христу и желание Святых тайн, такова и надежда на святое причащение плоти и крови Христовой. Писание свидетельствует — мы верим. Находясь в нужде без священства по причинам, не от нас зависящим, мы уповаем на милость Божию и веруем, если чисто и божественно пребываем, всегда можем причаститься великим и божественным тайнам, по свидетельству вышеуказанного Священного Писания»⁷⁰.

Отсутствие таинства причастия может восполняться «огнепальным желанием» верующего приобщиться Святых Таин. «Причастуют тайне сей христиане и верою и огне-

пальным желанием, по псаломстей молитве: желание убогих услышал еси Господи, и уготовлению сердец их внят ухо твое (Пс. 9)». В некоторых староверских общинах еще до недавнего времени было принято отдельно молиться за причастие.

Молитва

В отсутствие большинства таинств основным источником Божественной благодати становится у староверов-беспоповцев молитва. Молитва, по словам преподобного Нила Постника, «есть беседа ума к Богу», или «восхождение ума к Богу». Это благоговейное обращение ума и сердца верующего к Богу, Богородице, святым угодникам.

Старообрядческие молитвы — очень древние. Прообразом для многих из них явились ветхозаветные псалмы царя и пророка Давыда. Многие были составлены почитаемыми святыми и отцами Церкви. Но сила молитвы заключается не только в словах. Как говорит святой Василий Великий, «молитва есть прошение благ, воссылаемое благочестивыми к Богу. Но надобно не в словах одних поставлять молитву, а более в душевном расположении, молитвенном. И молиться надобно всегда, при всяком случае».

Ему вторит святой Иоанн Златоустый: «Будешь ли ты в умывальнице, молись; будешь

ли в дороге или в постели и где бы ты ни был, молись. Ты — храм Божий: не ищи же места. Нужно только душевное расположение... Бог всегда *близ есть*» (3-я часть беседы на месте Священного Писания). И в другом месте: «Не станем же говорить в свое оправдание, что дом молитвы неблизко: благодать Духа нас самих сделала храмами Божиими, если только мы бдительны; стало быть, молиться для нас по всему весьма легко. Наше богослужение не таково, каково было прежнее у иудеев, имевшее много чувственного и требовавшее множества обрядов. Там молящемуся надлежало и взойти в храм, и купить горлицу, и принести дрова и огонь, и взять нож, и стать перед жертвенником, и исполнить множество других постановлений; здесь же не нужно ничего такого, но, где бы ты ни был, везде с тобою и жертвенник, и нож, и жертва, потому что ты сам и жрец, и жертвенник, и жертва. Где бы ты ни был, везде можешь поставить жертвенник; покажи только бодрую волю, и не помешает тебе место, не воспрепятствует и время. Нет, хоть ты и не преклонишь колен, не станешь бить себя в грудь и не прострешь рук к небу, а только покажешь горячую душу, так сделаешь все нужное для молитвы. Можно и жене, сидя за прялкой или занимаясь тканьем, воззреть умом на небо и призвать Бога пламенно; можно и мужу, выходя на площадь или идя

по своим делам, совершать усердные молитвы; другому, сидя в мастерской и сшивая кожи, можно вознести душу ко Господу; можно и слуге, и покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь на кухне, совершать искреннюю и усердную молитву, — Бог не гнушается местом, Он требует только одного: пламенного сердца и целомудренной души» (4-я беседа об Анне).

Особенно благодатна ночная молитва, и в некоторых старообрядческих общинах до сих пор принято молиться всю ночь не только на Пасху и Рождество Христово, но и на все большие праздники и воскресные дни. Ночь, по словам святого Иоанна Златоустого, это время, когда «никто не смущает, когда ум спокоен, когда великая тишина и нет никакого волнения в доме, потому что никто не препятствует нам заняться молитвою и не отвлекает от нее, когда возбужденная душа может обстоятельно высказать все Врачу душ. Если блаженный Давид, царь и пророк, хотя был отягощен многочисленными делами и облечен в порфиру и диадему, говорил, однако ж, о себе: *полунощи востах, исповедатися на судьбы правды Твоея* (Пс. 118, 62), — то что скажем мы, которые, хотя и провождаем частную и свободную от дел жизнь, однако ж, не делаем и того, что он делал? Так как днем у него было множество забот, дел и беспокойств и он не находил времени, удобного

Внутренний вид поморского храма
во время праздничной службы

для молитвы, поэтому время покоя, которое другие проводят во сне, возлежа на мягких постелях и ворочаясь туда и сюда, это время царь, связанный такими заботами, употреблял на молитву, беседовал наедине с Богом и, вознося искренние и усердные моления, получал то, чего желал» (30-я беседа на Книгу Бытия).

Для староверов со временем сложился целый строго установленный круг повседневных молитв. Устав, по которому староверам положено молиться и поститься, — по сути, дораскольный иноческий устав. «От сна восстав», полагается совершить утреннюю молитву. В течение дня положено всего две трапезы (обед и ужин), а в некоторые постные дни — только одна. Прием пищи всегда начинался с молитвы и заканчивался ей. Также и всякое дело положено было начинать и заканчивать с молитвой. Перед отходом ко сну тоже полагалось прочесть определенные молитвы. Особо ревностные староверы молились дома полный церковный круг (вечерня, павечерница, полунощница, утреня, часы и обедница) — по книгам или поклонами по лестовке. Некоторые добавляли к этому еще так называемое келейное правило.

Однако наиболее важной для староверов всегда считалась соборная молитва в храме. Вот почему во времена гонений они стара-

лись собираться на общую молитву, всеми правдами и неправдами добивались открытия и распечатывания своих часовен и моленных. Храм — место святое, посвященное Богу. Храм Божий — это дом Божий. «Устроят Мне святилище, и буду обитать в нем» (Исх. 25, 8). И наружный вид храма, и его внутреннее устройство — всё здесь располагает к молитве, усиливает чувство веры. «Что холоднее камня? — спрашивает преподобный Иосиф Волоцкий. — Но если будем ударять камень о камень, то посыплются искры. Тем паче, когда наши души совокупятся в молитве, она будет сильна и пламенна». Святой Иоанн Златоустый пишет о соборной молитве: «Дома, конечно, молиться можно, но не можно так молиться, как в церкви, где возносится к Богу единомудушный глас».

Соборное богослужение складывается из сочетания молитв, песнопений и чтений. Выделяют три круга богослужений. Первый — это суточный круг, когда молитва приурочивается к определенным часам суток (вечерня, павечерница, полунощница, утренняя, 1-й, 3-й, 6-й, 9-й часы и обедница). Второй круг — седмичный, когда богослужение связывается с определенными днями седмицы (недели). Так, в воскресенье вспоминают Воскресение Христово, понедельник посвящен Небесным Силам Бесплотным, вторник —

Иоанну Крестителю, среда и пятница — Кресту Христову, в четверг вспоминаются апостолы и святой Никола, наконец, суббота посвящена памяти всех святых. Третий круг богослужения — годовой. На каждый день церковного года приходится или праздник, или память того или иного святого.

Истинный старовер с благоговением относится к молитве в храме. Прежде, чем войти в двери храма, он обязательно трижды осенит себя крестным знамением, сопровождая каждое поклоном перед образом или крестом, помещенным над входом. Поклоны обычно кладутся с молитвой мытаря «Боже, милостив буди мне грешному», «Создавыи мя, Господи, и помилуй мя», «Без числа согреших, Господи, прости мя». Те же поклоны повторяются в притворе, и только затем можно входить в сам храм. Прежде чем осенить себя крестным знамением, женщины должны покрыть голову платком, а мужчины — снять головные уборы. Среди наиболее благочестивых прихожан принято перед входом в моленную мыть руки, чтобы приступить к молитве не только с чистым сердцем, но и с чистыми руками.

Войдя в храм, становятся лицом к иконостасу. При этом также положено трижды с поклонами перекреститься, а затем поклониться присутствующим — направо и налево — со словами «Простите Христа ради,

братие и сестры». Старообрядческий храм условно разделен на две половины (в некоторых моленных, впрочем, существует далеко не условная перегородка) — на мужскую (правую) и женскую (левую).

Обычно приходит в храм принято загодя, минут за 20–30 до начала богослужения. Не разрешается входить в храм во время исполнения приходных и исходных поклонов, чтения начала к службе, Апостола, Евангелия, а также Символа веры и ексапсалмов на утрени. Службы в старообрядческих храмах достаточно продолжительные: воскресная или праздничная утренняя служба может длиться два — два с половиной часа, а вечерняя служба от четырех часов и более. При этом большую часть службы прихожане проводят на ногах. Руки во время молитвы принято складывать на груди. Больным и пожилым людям не возбраняется непродолжительный отдых сидя. Впрочем, если строго соблюдается церковный устав, то богослужение построено таким образом, что между его частями есть немало мест, во время которых полагается сидеть — во время чтения паремий и поучений, так что служба не кажется чрезмерно утомительной.

Отличительной чертой старообрядческого богослужения является разнообразие поклонов. Земные поклоны производятся только

с применением *подручника*⁷¹ — небольшого лоскутного коврика, подкладываемого под руки, чтобы их не загрязнять. Осенять себя крестным знаменем в храме можно только чистыми перстами.

Особенностью именно беспоповского богослужения является то, что из чинопоследования исключаются все священнические молитвы, которые имеет право произносить только рукоположенный иерей. Священнические возгласы заменяются Иисусовой молитвой, произносимой наставником, а ектеньи — пением хором «Господи помилуй» определенное число раз.

Особо торжественно служится всенощное бдение. Оно может длиться 8–10 часов непрерывно. Как правило, проводится перед великими праздниками Рождества Христова, Богоявления (Крещения), Благовещения, а также перед престольными праздниками. Оно включает в себя великую вечерню, павечерницу, утреню и первый час. Чин всенощной символически воспроизводит основные события священной истории.

Во время праздничного богослужения происходит каждение фимиамом или ладаном (так называется застывшая смола с запахом ванили — «ладан росный», которая добывается в Аравии, Африке и Индии), но каждение осуществляется не обычным священническим кадилом на цепочках, а так

Старообрядческое кадило — кацея

называемой кацеей — металлической кадильницей в виде купола-луковицы с восьмиконечным крестом наверху и складной деревянной ручкой. Это самый древний вид кадила, известный в христианской Церкви еще с IV века. Каждение и кадило имеют таинственный смысл и значение: согласно святому патриарху Герману Константинопольскому (VIII век), кадило символизирует человеческую природу Христа, а горящие в нем угли — Его божественную природу. Кадило знаменует собой также вместилище Невместимого, то есть Богородицу и Приснодеву Марию, а горящие угли — Иисуса Христа.

Наставник крестообразно⁷² осеняет кацеей внутрихрамовые кресты и иконы (начиная от престольных), затем причетников и прихожан (сначала мужчин, потом женщин). Принимать благословение каждением принято распростертыми руками, как о том говорится в авторитетной для староверов дораскольской книге «Сын церковный»: «Когда священник или диакон приносит кадило с фимиамом, разведи руки свои, как бы принимая дух жизни, и говори молитву Иисусову, ибо это называется воскурение жизни благих дел». После каждения следовало поклониться и перекреститься без поклона.

Каждение производилось и при исполнении домашних треб, например панихид.

Более того, рядом уставов предписывалось обязательное каждение во время домашней молитвы. В сборнике преподобного Кирилла Белозерского говорится: «Подобает петь установленный канон в келии своей и кадить иконостас, по обычаю соборного пения. Если кому нет возможности кадить как заведено уставом, то хотя бы раз в день». Поэтому нередко ручное кадило, или кацею, можно встретить в старообрядческих домах. Если уголья за время богослужения не сгорали полностью, то оно так с углем и хранилось. Опорожнить кадило можно было только в могилу.

Богослужение в старообрядческих храмах проводится с обязательным возжиганием свечей и лампад. Этот обычай идет еще от ветхозаветных времен. При этом свечи должны быть скатаны или вылиты из чистого воска, а масло (елей) в лампадах должно быть натуральным, поскольку и свечи, и лампадное масло являют собой чистую жертву, приносимую Богу. В старообрядческих храмах не принято ставить свечи самим и передвигаться с места на место во время службы, мешая тем самым молящимся сосредоточиться на внутренней молитве. Свечи принято ставить благословленным на это пономарям. Им следует сказать, какому святому или празднику поставить свещу.

Крестное знамение

Крестное знамение — для старообрядцев не просто определенный молитвенный жест, но видимый Символ веры. «Вопрос о двоеперстии и троеперстии, — писал известный старообрядческий начетчик начала XX века Ф. Е. Мельников, — был в то время страшным и роковым, вопросом жизни и смерти. Примешь триперстие — будешь полноправным гражданином, “православным” христианином, а останешься с двоеперстием — обречен на гибель: будешь проклят, постоянно гоним, подвергнут мучительным пыткам и сожжен в срубе или скончаешь жизнь на пытке, на плахе на четвертовании, или всю жизнь будешь скрываться в лесах и в других непроходимых местах, на далеких окраинах Родины и даже за пределами ее»⁷³.

Всё в двоеперстии исполнено глубокого богословского смысла. Согласно старообрядческим канонам, персты при крестном знамении должны слагаться таким образом: большой, безымянный и мизинец соединяются вместе, символизируя Святую Троицу, а указательный и средний — вытянуты и сложением своим символизируют два естества Иисуса Христа — Божественное и человеческое. При этом средний перст немного наклонен относительно указательного, что изображает

собой «преклонение Небес» — тайну Божественного схождения и вочеловечения. Такой вид перстосложения называется «двоеперстием» и признается всеми без исключения старообрядцами за единственно истинный, восходящий ко временам апостольским вид перстосложения.

Само крестное знамение сопровождается «Исусовой молитвой» («Господи Исусе Христе, Сыне Божии, помилуй мя грешного») и совершается так: сначала двумя вытянутыми перстами прикасаются ко лбу, символизируя тем Христа как единого, истинного и вечного Главу, пронося при этом «Господи»; затем прикладывают персты к животу, символизируя схождение Его на землю и бессеменное зачатие в пречистой утробе Богоматери, при этом произнося «Исусе Христе»; далее персты прикладываются к правому плечу, символизируя вознесение Господне и одесную (по правую сторону) Отца сидение, произнося при этом «Сыне Божии»; и, наконец, прикасаются к левому плечу, произнося при этом: «Помилуй мя грешного!» символизируя Второе пришествие Иисуса Христа, когда праведники будут стоять справа, а грешники, осужденные на вечную муку, слева от Него.

Крестное знамение полагается совершать истово, не спеша. «Изображать» же крестное знамение впопыхах и как попало — у старо-

обрядцев считается кощунством. При этом обычно ссылаются на слова святого Иоанна Златоустого: «Мнози убо невегласи (невежды) махающе по лицу своему, рукою творяще, крестятся — всеу труждаются, за неже не исправляют истово креста на лице своем, тому бо маханию беси радуются, а иже кто крестится истово, покладая руку свою на челе и на животе, и на правом раме и потом на левом, то Ангели зряще веселятся истинного Креста воображаема на лицах их и Ангел Господень нарисует тогда входящая в Церковь Господню со страхом и верою, да аще кто пришед в Церковь стоит со страхом и со умилением поклонение творя ко образу Божию, той восприимет отпущение грехов и милость Божию. Аще ли без страха, то таковыи больший грех получив отходит. Тем же и мы вшедше стоим со страхом чающе от Бога великия милости в сий век и в будущий» (Пролог 18 апреля).

Истинность и древность двоеперстного сложения подтверждается многими свидетельствами. К ним относятся и древние изображения, дошедшие до нашего времени (например, фреска III века из Усыпальницы Святой Прискиллы в Риме, мозаика IV века с изображением Чудесного лова из церкви Святого Аполлинария в Риме, писанное изображение Благовещения из церкви Святой Марии в Риме, датируемое V веком); и много-

численные русские и греческие иконы Спасителя, Божией Матери и святых угодников, чудесно явленные и древлеписанные (все они подробно перечисляются в фундаментальном старообрядческом богословском труде «Поморские ответы»); и древний чин принятия от ереси ияковитов, который, по свидетельству Константинопольского собора 1029 года, Греческая Церковь содержала еще в XI веке: «Иже не крестит двема перстома, яко Христос, да будет проклят»; и древние книги — Иосифа, архимандрита Спасского Нового монастыря, келейный Псалтырь Кирилла Новоезерского, в греческом оригинале книги Никона Черногорца и прочие: «Аще кто не знаменуется двема персты, якоже Христос, да будет проклят»⁷⁴; и обычай Русской Церкви, принятый при Крещении Руси от греков и не прерывавшийся вплоть до времен патриарха Никона. Этот обычай был соборно подтвержден в Русской Церкви на Стоглавом соборе в 1551 году: «Аще кто двема персты не благословляет, якоже Христос, или не воображает двема персты крестнаго знамения; *да будет проклят*, якоже Святии Отцы рекоша». Кроме сказанного выше, свидетельством того, что двуперстное крестное знамение является преданием древней Вселенской Церкви (а не только Русской поместной), служит и текст греческой Кормчей, где написано следующее: «Древние христиане

иначе слагали персты для изображения на себе креста, чем нынешние, то есть изображали его двумя перстами — средним и указательным, как говорит Петр Дамаскин. Вся рука, говорит Петр, означает единую ипостась Христа, а два перста — два естества Его».

Что касается троеперстия, то ни в каких древних памятниках до сих пор не найдено ни одного свидетельства в его пользу. «Даже внешний вид триперстия отталкивал от себя благочестивый русский народ. Три перста сбиты в кучечку, требовалось, чтобы два верхних перста были пригнуты к большому пальцу. В тогдашних никонианских книгах таким и изображалось троеперстие. По выражению одного писателя, “все в триперстии пригнуто, все согбенно; это какое-то робкое и рабское знамя”. И действительно оно принесло рабство всем никонианам: они лишились в своей новой церкви всех прав, присущих церковному народу, и превратились в безмолвных рабов... Триперстие справедливо именуют, по-народному, щепотью. Ничуть оно не похоже на торжественное знамя; это что-то обыденное, кухонное: щепотка соли, щепотка перцу, щепотка табаку — тут оно действительно уместно и достойно своего назначения. Двоеперстное сложение, напротив, самым видом своим выражает знамя креста, в народе оно так и называется — кре-

стом. Два вытянутых вверх перста влекут нас ввысь, к Богу. Это воистину знамя победы и торжества»⁷⁵.

Седмипоклонный начал

Согласно церковному уставу, каждое старообрядческое богослужение предваряет и завершает «седмипоклонный начал», или «приходные и исходные поклоны». Так называется краткое молитвенное правило, состоящее из определенных молитв и поклонов. «Начал» полагается всеми молящимися в храме вместе с духовным наставником. Для «замирщившихся», то есть имевших контакты с иноверными, а также для тех, кто долгое время не посещал храм, полагается особый «начал замирщения». Если человек опоздал к началу богослужения, то он обязательно должен положить «приходные поклоны» в притворе храма и только после этого может участвовать в соборной молитве.

Читается «седмипоклонный начал» так: с первым обычным поклоном произносится: «Боже, милостив буди мне грешному», со вторым обычным поклоном: «Создавши мя, Господи, и помилуй мя», с третьим: «Без числа согреших, Господи, прости мя». За этими тремя краткими прошениями, сопровождаемыми в посты земными поклонами, читается благодарственная песнь в честь Божи-

ей Матери, послужившей делу искупления рода человеческого — «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородице, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего, Честнейшую Херувим и Славнейшую воистину Серафим, без истления Бога Слово Рождшую, Сущую Богородицу, Тя величаем». Эта молитва всегда сопровождается земным поклоном, даже в праздник. За молитвой «Достойно есть» далее читается славословие в честь Святой Троицы: с пятым поклоном произносятся слова: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»; со следующим поклоном: «И ныне, и присно, и во веки веком, аминь», с последним седьмым: «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи благослови». Эти три последних поклона в обычное время сопровождаются поясными поклонами, а в посты — земными. Наконец, завершается «седмипоклонный начал» отпустом: «Господи Исусе Христе Сыне Божии, молитв ради Пречистыя Твоея Матери, силою Честнаго и Животворящаго Креста, святых ангел хранителей наших и всех святых, помилуй и спаси нас, яко Благ и Человеколюбец». После чего полагается земной поклон.

О духовном значении «седмипоклонного начала» хорошо сказано в журнале «Правда православия»: «Составляя предварительную часть церковного Богослужения, семипоклонный начал тем особенно важен, что

под его воздействием мы можем согласовать свои мысли и свои чувства с мыслями и чувствами самой Церкви. Благодаря началу мы удобнее сможем соединить наше сердце с сердцами всех братии наших во единое благовонное и благоприятное кадило для вознесения в Пренебесный Жертвенник, войдя через эти краткие молитвы прошения, благодарения и славословия в духовную атмосферу всеобщей молитвы Церкви Вселенской, которой всегда благоприятно внимлет Отец Небесный»⁷⁶.

Моленная одежда

В прежние времена (а в некоторых наиболее строгих общинах эта традиция поддерживается вплоть до наших дней) все молящиеся одевали особую моленную одежду. «Одежда старообрядцев таит в себе глубокий духовный смысл, определенные предметы оцениваются верующими с точки зрения христианской морали, что, в частности, способствует сохранению древних традиций кроя»⁷⁷. Для мужчин это были длинные до пят кафтаны-азямы черного цвета или рубашки-косоворотки, которые непременно должны быть подпоясаны. Азям, бывший до революции традиционной мужской одеждой русских крестьян и горожан, представляет собой халатообразное распашное однобортное оде-

Старовер-поморец. Гравюра XVIII века

яние с отложным или стоячим воротником. Имел длину немного ниже колен, прямую спину, реже отрезную, с «борами». Наружных карманов и видимых застежек не было. В моленной его носили без пояса. В настоящее время черный азам является обязательной одеждой духовного наставника и причетников-мужчин. Также входит в комплект погребального одеяния.

Косоворотка — весьма распространенный тип русской верхней мужской рубахи — в настоящее время гораздо чаще, чем азам, используется в качестве моленной одежды прихожанами. У косоворотки стоячий воротник с разрезом на левой стороне. Рубаха носится поверх брюк («портков») и обязательно подпоясана. Различают повседневную и праздничную косоворотки. Повседневная косоворотка — однотонная, праздничная — украшается по воротнику и рукавам орнаментальной вышивкой крестом или же узорчатой тесьмой.

Что касается женской одежды, то женщины надевали на службу длинные сарафаны и покрывали голову платком, заколотым «постарообрядчески» (на булавку под подбородком). При этом на голову не принято было надевать никаких косынок, шарфиков, ни тем более шляпок. Храм — это место для молитвы, а не для демонстрации мод, и одежда ни в коем случае не должна отвлекать других

людей от сосредоточенного молитвенного состояния. Тем более непозволительными считаются новомодные покрои, выставяющие напоказ чуть ли не все части тела.

Аскетизм, свойственный старообрядцам в быту, нашел отражение в сдержанном, а подчас очень скромном внешнем и внутреннем облике моленных домов, в неизменно черных одеяниях наставников и мужской части причта. Черный цвет, как правило, преобладает и в одежде причетниц. Лишь в некоторых общинах принято покрывать голову белыми платками на Пасху и в великие праздники. Прихожане и прихожанки обычно следуют в своих одеяниях клиру.

Как показывают этнографические исследования, староверам-беспоповцам удалось сохранить больше старинных видов одежды, нежели поповцам. Причем на периферии до сих пор достаточно стойко удерживается разделение костюма на повседневный и моленный и гораздо строже выполняются правила для присутствующих на богослужении.

Кроме того, есть еще ряд особенностей в старообрядческой одежде, характерных для различных регионов Русского Севера. Так, в Приуральском регионе в начале XX века исследователи отмечали бытование двух комплексов одежды: «мирской», в которую включалась также и праздничная одежда, и «моленной», которой придерживалось

Певчие из Батовской моленной (Псков),
начало XX века

старшее поколение⁷⁸. Последнюю называли также «русской». В храм ходили в темном косоклинном сарафане с белой кофтой, голову покрывали платком. Верхним платьем служила кофта. Мужская одежда представляла собой стандартный набор: рубаха-косоворотка поверх штанов и пояс.

Пояс был неременной частью как мужского, так и женского традиционного костюма. Помимо постоянного ношения нательного креста, христианин должен быть подпоясан. Ношение пояса — обычай, уходящий еще в ветхозаветную древность, «егда подвижницы и пророцы препоясывались на службу Богу». Пояса могли быть плетеные, тканые или вязаные. Обычно украшались орнаментом. На них могли помещаться слова молитвы Иисусовой или молитвы тому святому, имя которого носил человек. «Для христиан пояс является не просто атрибутом одежды, но несет глубокий символический смысл. Это и разделение низа и верха, и готовность к служению Богу. Без пояса нельзя ни молиться, ни отходить ко сну»⁷⁹. Отсюда распространенное выражение, сохранившееся в современном языке — «распоясаться», означающее не только «развязать на себе пояс», но и «стать распущенным, утратить всякую сдержанность». В древности считалось крайне неприличным находиться на людях без пояса.

В Верхнем Прикамье (Пермская область) староверы, согласно документам XVIII века, одевались следующим образом: женщины носили темные дубасы с белыми рубашками. Дубас — это косоклиный сарафан с передним швом во всю длину и с широкими проймами. В прежние времена был известен более архаический вариант — глухой дубас туникообразного покроя с небольшим вырезом для головы, при этом нужная ширина достигалась за счет боковых вставок. Уже с XVIII века глухой дубас начал постепенно вытесняться косоклинным, но еще в начале XX века сохранялся в погребальной одежде. Некоторые пожилые староверки до сих пор надевают домотканые синие дубасы для посещения молений, а «соборные» (то есть приобщенные к собору-общине) носят их постоянно. Вновь приобщенные шьют сарафаны уже из темного сатина такого же покроя.

Прежде в Верхокамье вместе с сарафаном надевали на голову повойники и кокошники. Но уже в конце XIX века они были заменены мягкими шапочками-моршнями или сборниками, поверх которых повязывали платок. Также верхокамские староверки стали носить шамшуры, что считается влиянием коми-пермяков.

Свои особенности в одежде сложились у русских староверов, проживающих на территории Республики Коми в бассейне Ниж-

ней Печоры (Усть-Цильма). Традиционный женский костюм здесь представлен «рукавами» — рубашкой с прямыми поликами севернорусского типа, «лапотинной» — косо-клинным сарафаном с центральным швом спереди и небольшим разрезом вверху, а также передником (нагрудником), повязанным по талии. Поверх всего еще идет опояска, а голова покрывается одним или двумя платками. При этом усть-цилемский костюм отличается весьма яркой окраской.

На западе Русского Севера староверы поморского согласия, наоборот, носили сарафаны темных тонов и считали одежду ярких тонов не русского происхождения. К темному сарафану на лямках надевали белую рубашку, головной убор — старинную «сороку», повязанную платочком, сложенным косяком. В этой местности с холодным климатом было много верхней одежды, в которой имелись сезонные отличия: кафтаны короткие и длинные из домашней шерсти, из сермяжного сукна или из понитка. Мужские кафтаны шили прямым покроем, а женские — отрезные по талии, со сборками, и в том числе подбитые ватой. Для зимнего времени шили меховую одежду преимущественно из овчины, но также кафтанообразного покроя⁸⁰.

Одной из немаловажных составляющих внешнего облика христианина, согласно старообрядческим канонам, является его стриж-

ка. Так, женщины не должны стричь своих волос, в то время как мужчинам, наоборот, не положено их отращивать. С другой стороны, строго осуждалось бритье мужчинами голов (по «татарскому обычаю») и тем более — брадобритие.

По православному учению, брадобритие является одним из серьезных грехов, поскольку бреющий бороду выражает недовольство своим внешним обликом, данным ему Творцом. Отсюда появляется желание «поправить» Бога. Брадобритие запрещалось еще в Ветхом Завете (Левит, 19, 27; 2-я Царств, 10, 1; 1-я Паралипоменон, 19, 4). Запрещалось оно и правилами Шестого Вселенского собора, и в писаниях отцов Церкви (творения святого Епифания Кипрского, святого Кирилла Александрийского, блаженного Феодорита, святого Исидора Пилусиота и других). После церковного раскола 1054 года константинопольский патриарх Михаил Керуларий в послании к антиохийскому патриарху Петру обвинял католиков среди прочих ересей и в том, что они «остризают браду». Подобные же обвинения встречаем в «Слове о вере христианской и латинской» преподобного Феодосия Печерского.

Русская Церковь однозначно воспринимала брадобритие как латинский еретический обычай. Так, преподобный Максим Грек писал в своем Слове 137-м: «Аще же прокля-

ти уклоняющиеся от заповедей Божиих яко не слышим во священном песнопении, той же клятве подлежат истребляющие бритвою браны своя». Стоглавый собор 1551 года определил: «...Не брить бран и усов не постригати; таковыя бо несть православных, но латынская и еретическая предания греческого царя Константина Ковалина; и о сем апостольские и отеческие правила вельми запрещают и отрицают; правило святых апостол гласит: аще кто брану бреет и преставиться тако, не достоин над ним служити, ни сорокоустия по нем пети, ни просвиры, ни свечи по нем в церковь принести, с неверными бо да причтется, от еретик бо се навыва. О том же правило 96 собора в Трулле Полатнем о остризации бран...».

Поскольку староверы следовали канонам и обычаям дораскольной Церкви, бранобритие в их среде всегда строго осуждалось. Они отказывались брить бороды даже в те времена, когда Петр I насильно заставлял это делать и ввел совершенно абсурдный налог на ношение бороды. Лишь с начала XX века бранобритие стало входить в старообрядческую среду, а в советское время приняло угрожающие формы. В различных старообрядческих общинах в настоящее время относятся к бреющим бороду с разной степенью строгости — от запрета на участие в соборной молитве до недопущения к целованию

креста и икон. В любом случае, брадобритцев при совершении каждения не положено кадить и после смерти поминать «на имя».

Иноческое облачение

Отдельно следует сказать об иноческом облачении, которое у староверов тоже имеет ряд особенностей. Дораскольное иноческое облачение отличалось от современного новообрядческого и включало в себя «параманд» (четырёхугольный кусок ткани с изображением распятия Христа, носимый иноками на груди), «свитку» (так называлась рубаха на подобие рясы), поверх которой одевалась «однорядка», пояс, мантия до пят темного цвета (использовалась также полумантия-наплечник, в основном при физическом труде). На голову надевали клобук, представлявший собой круглую шапочку, облегающую голову, «наметку» — куколь, сшитый из черной ткани, обтягивающей клобук и ниспадающей на грудь двумя воскрылиями⁸¹.

Однако старообрядческое иноческое облачение со временем претерпело ряд изменений. Связано это было, в первую очередь, с гонениями, с тем, что долгое время иноческое одеяние можно было носить только келейно. Вместе с тем на одеяния старообрядцев-поповцев повлияла мода господствующей церкви. Например, однорядка была

Старообрядческий инок. Гравюра XVIII века

вытеснена поздней распашной рясой, которая представляет собой нечто среднее между старообрядческим кафтаном и новообрядческим подрясником. Также и круглая камилавка всё чаще заменялась высокой граненой скуфьей.

Что касается женского иноческого облачения, то оно сохранилось гораздо лучше. Согласно объяснениям инокинь Войновского монастыря в Восточной Пруссии, оно состояло из парамана, ряски, мантии, камилавки и апостольника. Каждая деталь имела свое глубокое символическое значение.

Параман — небольшой четырехугольный плат из черной ткани с отделкой и нашитым крестом из червонной ленты — носился на спине на шнурах, соединявших его с нательным крестом. Давался иноку в постоянное напоминание о взятом на себя благом иге Христа и о легком бремени Его, в обуздание и связание всех похотей и плотских желаний. Ряска — длинная до пят одежда черного цвета, застегивающаяся спереди до низу на пуговицы. Напоминала иноку о смерти и плаче, именовалась «ризой радования». Мантия (накидка, напоминающая плащ, без рукавов, на одной пуговице) имела червонную оторочку. Символизировала покровительство Божие и напоминала иноку о том, что он не имеет права творить дела «ветхого человека». «Свободно развеваясь при ходьбе, она

напоминает крылья ангела, сообразно монашескому образу. Надевающий мантию уже не имел права снимать ее даже ночью, поэтому инокини всегда имели при себе еще малую (укороченную) для сна»⁸².

Камилавкой называлась небольшая черная шапочка, сшитая из двенадцати клинышков. Означала укрощение, умерщвление плоти и в древности делалась из верблюжьей шерсти. Для соборной службы использовался специальный головной убор — апостольник, представлявший собой своеобразный плат, окружавший лицо, подобно платку, подвязанному «под кромку». Одевался через голову. Нижняя его часть напоминала мантию с такой же червонной оторочкой. Сзади апостольник плавно переходил в небольшой клин. «Точного объяснения его символики в настоящее время в монастыре дать не могут. Несмотря на то что апостольник традиционно известен с глубокой древности, сведения о нем в книгах отсутствуют»⁸³.

Лестовка и подручник

Непременным атрибутом старообрядческого богослужения является лестовка (или, как говорят на Севере, «ли'стовка»), которую молящийся должен держать в левой руке. Так называется древняя разновидность четок из кожи или материи.

Лестовка — старообрядческие четки

Применение лестовки, или «вервицы», относится еще к первым векам христианства. Преподобный Пахомий Великий, основатель иноческого жития в монастырях Фиваидской пустыни, в Египте, желая приучить к непрестанной молитве своих учеников, не знающих грамоты, ввел для них молитву по «вервице». Письменное же упоминание о лестовке, или вервице, есть только в Номоканоне, где изложено завещание святого Василия Великого безкнижному иноку, который должен за церковные службы класть поклоны или читать молитву Иисусову по лестовке, или вервице, причем указано, что эта вервица должна иметь сто три узла и на каждом узле («бабочке») инок должен читать преждеписанную молитву.

Перебирая лестовку, молящийся мысленно восходит по лестнице (лестнице) добродетели. Лестовка одновременно символизирует собой и лестницу духовного восхождения на небо, и замкнутый образ вечной молитвы.

Лестовка состоит из валиков («бабочек», «зубцов»), сплетенных в ленту («корешок»), концы которой соединены четырьмя треугольными, сшитыми попарно «лопастками». Кроме подсобного значения при молитве (для подсчета количества поклонов или молитв), лестовка имеет огромное символическое значение, являясь по сути наглядным Символом веры христианства. Четыре ло-

пастка означают четырех евангелистов. Внутри лопаستков, на шнурке, связующем концы лестовки, надеты семь маленьких кружков («передвижек»), обозначающих семь церковных таинств. Корешок тремя большими валиками разделен на четыре части: 17 валиков, 33, 40 и 12. Имеются еще 6 валиков (по три на каждой стороне перед лопастками). Все эти цифры выбраны не произвольно, но также имеют особое значение: 17 означает 17 пророков, бывших до Христа, 33 — срок земной жизни Спасителя, 40 (38 малых плюс два больших) — Его сорокадневный пост в пустыне (по другому толкованию — 38 недель Богородица во чреве Христа носила), 12 — в память о 12 апостолах, 3 больших — в ознаменование Живоначальной Троицы, 6 отдельных вместе с 3 большими — в честь 9 чинов ангельских. Всего на лестовке должно быть 100 малых и 9 больших валиков.

У старообрядца могло быть несколько лестовок: повседневная, парадная, смертная... Повседневная лестовка изготавливалась из обычной кожи или ткани. Праздничные, или парадные, лестовки могли делаться из более дорогих материалов — особым образом выделанной кожи, из замши, бархата, шелка, парчи и украшались золотным шитьем, стеклярусом, жемчугом, богатой тесьмой. Встречаются и полностью сплетенные из бисера лестовки. Иногда на лапостках могли поме-

щать иконописные или вышитые изображения четырех евангелистов. Провожая умершего в последний путь, в левую руку ему вкладывали скромную лестовку белого цвета из ткани.

В широко распространенном в старообрядческой среде «Сказании о лестовке» говорилось: «На молитве пред образом Божиим всякому христианину должно исправлять 7 лестовок для воспоминания седми церковных таинств, в коих заключается христианский закон». «Нравственное значение лестовки для молящихся состоит в том, что христианин, будучи занят молитвою, не только душою своею тяготеет к Богу, но и в руках имеет такой предмет, который напоминает молящимся не о вещах земных, а о восхождении чрез молитву к Богу, как бы по лестнице от земли на небо. Это особенно важно для детей, которые по своей подвижной природе ищут каких-либо занятий и для рук и часто берут в руки во время молитвы посторонние предметы, отвлекающие их мысли от молитвенного настроения... Лестовка поэтому служит и целям религиозно-воспитательным и имеет значение духовного оружия, как внешнего знака молитвенной победы над врагами невидимыми, лукавством своим стремящимися искушить христианина и отвлечь его от угождения Богу»⁸⁴.

Наставник и суетной. Гравюра XVIII века

Другим неотъемлемым элементом старообрядческого богослужения, исчезнувшим так же как и лестовка, из новообрядческой службы вместе с отменой земных поклонов, является подручник (подрушник). Подручником называется молитвенный коврик, используемый для того, чтобы полагать на него руки при земных поклонах. Он представляет собой особым образом сшитый из лоскутков материи квадрат, простеганный и набитый конским волосом или иным материалом. На его лицевой стороне должно быть 12 или 9 (три строки по три) цветных лоскутков-квадратов, треугольников. Первый вариант символизирует 12 апостолов, квадрат в центре — земля, четыре квадрата — четырех евангелистов, четыре полосы — евангельское учение. Второй вариант обозначает 9 чинов ангельских или апокалиптический образ конца света: в центре — престол Господень, по углам — 4 евангелиста или 4 ангела, по 4 сторонам — север, юг, восток и запад (Откр. 4, 2; 4, 6–8; 7, 1). Оборот подручника изготавливался из темной ткани, чтобы он отличался от чистой лицевой стороны.

Назначение подручника состоит в том, чтобы при земных поклонах руки во время молитвы сохранялись чистыми. Новообрядческая церковь вместе с отменой земных поклонов при патриархе Никоне потребность в подручниках утратила. Подручник может

снабжаться ручкой, для того чтобы было удобнее поднимать его с пола, не прикасаясь к полу или к грязной стороне подручника руками, а также петелькой, за которую подручник мог вешаться на стену.

Восьмиконечный крест

Одним из важнейших старообрядческих символов, долгое время после никоновской реформы находившимся под запретом в официальной церкви, является восьмиконечный крест. Крест увенчивает купола старообрядческих храмов, его изображение можно найти как над входом в храм, так и внутри храма, в иконостасе. Нередко крест можно встретить в домах старообрядцев. Ношение нательного креста также является для христианина обязательным.

По пророчеству Исаии, крест, на котором распяли Христа, был составлен из трех древ: кедра, кипариса и павса (сосны). В восьмиконечном кресте каждая часть символична. Так, на верхней части литых старообрядческих распятий изображается Нерукотворный Образ Спасителя, а на нижнем — гора Голгофа и глава Адама (череп) в ней. Эта вертикаль представляет собой символ искупления человеческих грехов. Поперечная перекладина символизирует наш мир, объятый спасительной верой. Правый приподнятый конец

Старообрядческое распятие

наклонного подножия указывает на покаявшегося разбойника, который через принятие Христовой веры спас свою душу и вошел в Рай. Левый, опущенный конец подножия означает погибельное неверие.

На старообрядческом кресте имеются надписи на церковнославянском языке: «Исус Христос Сын Божий» и «Кресту Твоему поклоняемся Владыко и Святое Воскресение Твое славим». Обычно литые старообрядческие кресты встречались в двух разновидностях: описанный выше аналойный крест и киотный, называемый также «С предстоящими» или «С женами-мироносицами». Последний имеет две дополнительные боковые пластины с изображением скорбящих жен-мироносиц, Логина-сотника и Иоанна Богослова. Как правило, такие кресты хранились в киоте — отсюда и название.

В старообрядческом богослужении существует традиция поклонения кресту и его целования. Чин поклонения кресту совершается во время богослужений Светлой Пасхальной седмицы, в двенадесятый праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, в третью неделю Великого поста — Крестопоклонную неделю, а также в праздник Происхождения Честного и Животворящего Креста Господня — 1 (14) августа. Крестопоклонение происходит следующим, издревле заведенным образом. Ко

кресту подходят сначала наставники, клирошане, затем мужчины, а уже потом женщины. Положив два поклона перед образом креста, благословляются у духовного наставника, затем, перекрестившись без поклона, целуют крест и кладут третий поклон, после чего прощаются у наставника.

Праздники

Церковные праздники — это дни, издревле установленные Церковью для торжественного чествования Бога и святых Его. «Старообрядчество показывает глубину религиозного понимания праздника как приобщения к святыне, сверхбытию. Праздник содержит метафизический и онтологический смысл, обладает особой эстетической и нравственной значимостью. Старообрядцы экзистенциально ощущают праздничное действо. Формальность, внешность в восприятии религиозного праздника им не свойственна»⁸⁵. В постановлениях Варковского собора 1832 года так говорится о необходимости почитания праздников: «Праздник бо сказуется еже тебе упраздниться от всех житейских попечений, и трудов; и праздну быти от всякаго труда и греха; токмо упражняти себе на молитву, яко о том и в ветхом законе от Бога предадеся Боговидцу Моисею, шесть дний да делаеши, а седмыи упразднися на молитву»⁸⁶.

Начало христианских праздников восходит к самой глубокой древности, однако годовой круг праздников складывался постепенно, на протяжении многих веков. Со временем были установлены праздники: 1) в память важнейших событий из земной жизни Иисуса Христа, в честь прославления Животворящего Креста Господня, обретения нерукотворенного образа Христа и Его честной ризы; 2) в честь Богородицы — в память событий Ее жизни (Рождества, Успения и т. д.), обретения и положения на хранение в храмах Ее вещей, в честь Ее чудотворных икон (Владимирской, Казанской, Тихвинской и др.), а также Ее особенных благодеяний Церкви и человечеству; 3) в честь бесплотных сил, то есть мира ангельского, в частности — архангелов Михаила и Гавриила; 4) в честь святых — целых разрядов их (преподобных, мучеников, святителей и т. д.) и отдельных лиц из их числа. Во все эти дни богослужение в храмах совершается по особым на каждый праздник чинопоследованиям, приспособленным, по содержанию, к празднуемым событиям и обстоятельствам.

По важности воспоминаемых Церковью Христовой событий церковные праздники разделяются на великие, средние и малые и отличаются друг от друга характером богослужения, степенью его торжественности. К великим праздникам в первую очередь

относятся все двенадцатые (Господские и Богородичные) праздники. Двенадцатые праздники различаются на непереходящие и переходящие. Непереходящие — это те праздники, которые всегда приходятся на строго определенное число месяца, вне зависимости от дня недели: Рождество Пресвятой Богородицы, Воздвижение Креста Господня, Введение во храм Пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Богоявление, Сретение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Преображение Господне, Успение Пресвятой Богородицы.

Даты переходящих праздников в разные годы приходятся на разные числа. Такое происходит из-за того, что эти праздники строго привязаны к дню празднования Пасхи, исчисляемому по особым таблицам — пасхалиям. К переходящим двенадцатым праздникам относятся: Вход Господень во Иерусалим (за неделю до Пасхи), Вознесение Господне (на сороковой день после Пасхи), Пятидесятница, или Троица (на пятидесятый день после Пасхи). Но, в первую очередь, сюда относится Светлое Христово Воскресение — праздник Пасхи — «праздником праздник и торжество торжеством», имеющий особую церковную службу, отличную от прочих двенадцатых праздников.

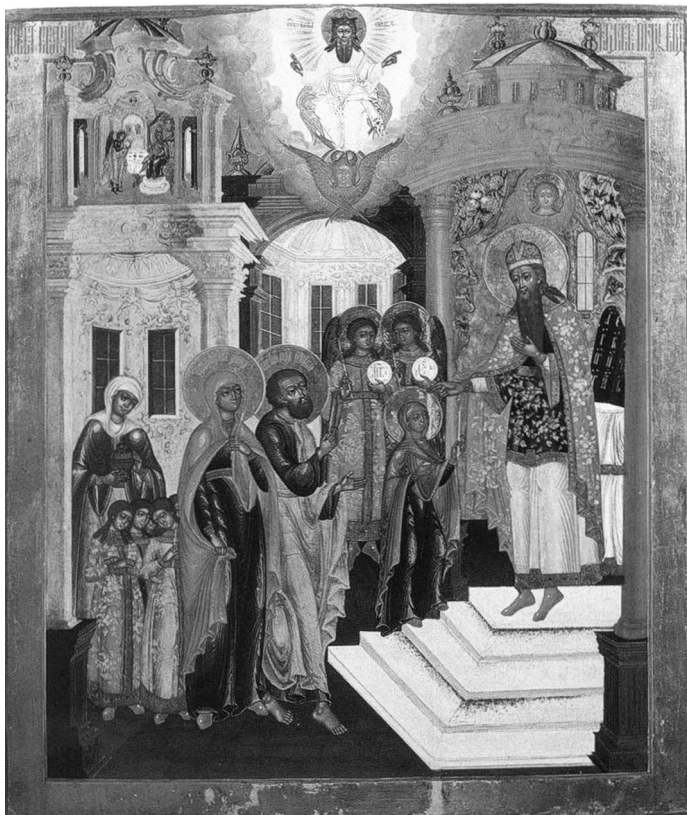
В церковном праздновании двенадцатых праздников (кроме самого дня праздника)

следует различать дни предпразднества, попразднества и отдания праздника. Некоторые из Господских праздников предваряются и заключаются особыми субботами и неделями, о чем имеются указания в Месяцеслове и Уставе. Предпразднества и попразднества появились в христианской Церкви рано и были приняты в богослужениях еще в IV веке, преимущественно при самых главных праздниках — Святой Пасхе, Пятидесятнице и Рождестве Христовом. В последующие века число предпразднеств и попразднеств увеличивается. Днями предпразднеств Церковь как бы пророчески предуказывает на день великого праздника, готовится к встрече его. Поэтому в эти дни наряду с молитвами и песнопениями воспоминаемым святым Церковь предлагает молитвословия и песнопения в честь наступающего праздника. Дни попразднества продолжают праздник, а последний день попразднества носит название отдания праздника. В богослужебных книгах великие праздники отмечались знаком креста в круге.

Церковный год начинался 1 сентября⁸⁷, и первым двенадцатым праздником нового года был праздник Рождества Пресвятой Богородицы (8 сентября). К этому времени завершались все полевые работы: жатва, вывоз хлеба в овины, уборка льна. Праздник этот всегда особо почитался староверами. С точки

зрения христианского вероучения, рождение Пресвятой Богородицы — Матери Спасителя Иисуса Христа — не было событием случайным и обычным. Ей была отведена особая роль в осуществлении Божественного плана спасения человеческого рода. Согласно преданию, Дева Мария родилась в городе Назарете в Галилее в семье праведных Иоакима и Анны, которые отличались благочестивой жизнью, но были неплодны, что в те времена считалось среди иудеев признаком нечестия и неугодности Богу. Однако же они с кротостью и смирением переносили несправедливые упреки, не отчаялись, не возроптали на Бога, но с верой и усердием просили Его благоволения. Видя их душевное расположение, их любовь и преданность, Господь даровал им намного больше просимого — сподобил стать родителями Матери Сына Божия.

Сущность праздника ясно отображена в праздничном тропаре: «Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей Вселенной. Из Тебе бо воссия Солнце Праведное, Христос Бог наш, разрушив клятву и дасть благословение, упразднив смерть и дарова нам живот вечный». Как и другие Богородичные праздники, праздник Рождества Богородицы был установлен сравнительно поздно. Официальное введение этого праздника в Византийской империи приписывают императору Маврикию, а первое упо-

Введение Богородицы во храм.
Ветка, 2-я пол. XVIII в.

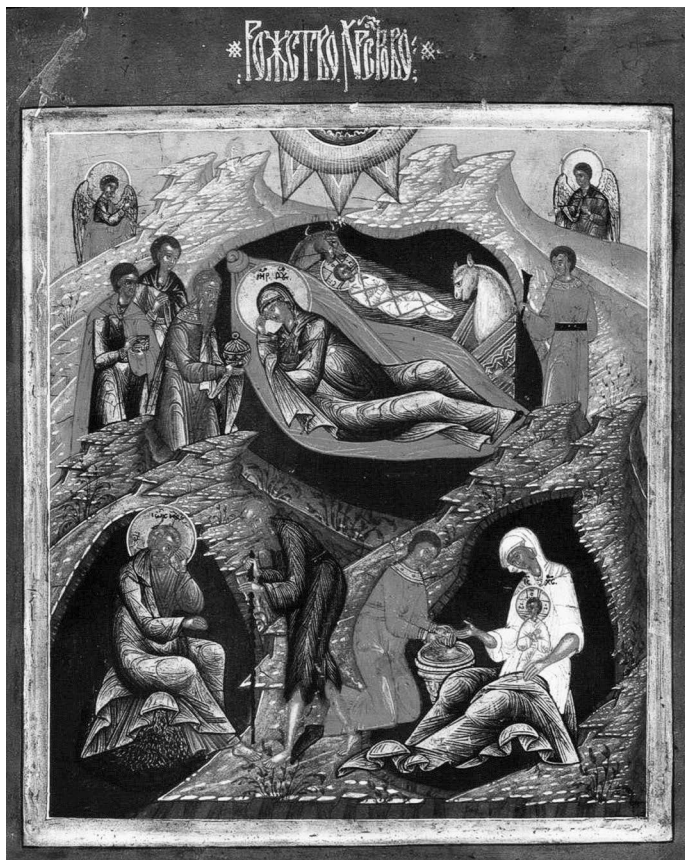
минание о нем встречается в V веке на Востоке в словах святого Прокла, архиепископа константинопольского (439–446).

Далее следовал праздник Всемирного Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября). События, послужившие основанием праздника Воздвижения произошли во времена правления императора Константина I Великого (IV век). Мать его, императрица Елена, ревнуя о христианской вере и сетуя, что место страдания Спасителя и другие святыни забываются, в 324 году предприняла путешествие в Палестину, посетила Иерусалим и отыскала там Животворящий Крест Господень. Иерусалимский патриарх Макарий взошел на возвышение и стал показывать собравшемуся во множестве народу найденный Еленой крест, воздвигая его вверх (отсюда и название праздника). Доказательством истинности креста стало воскресение из мертвых прикасаемого к кресту. После обретения Креста Господня (326 год) на месте находки креста Елена заложила начало строительства храма, постройка которого была закончена в 335 году. Освящение храма произошло 13 сентября, и следующий день, 14 сентября стал праздником Воздвижения.

Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы отмечался 21 ноября. Он был установлен в честь славного приведения

Пресвятой Девы Марии в церковь Господню. Это святое торжество совершилось во исполнение обетования праведных родителей богоизбранной Отроковицы — Иоакима и Анны. Они, будучи бездетными, завещали, что если по благоволению Божию у них родится дитя, то оно будет посвящено ими на служение Господу Богу. Чудесное рождение совершилось, и по прошествии трех лет Отроковица Мария была торжественно введена в Иерусалимский храм на постоянное служение Богу. Ее принял сам первосвященник Захария и ввел во внутреннее святилище, куда сам входил только один раз в год — «Святая святых».

Главными зимними праздниками были Рождество Христово и Крещение. Канун этих праздников назывался «кутейником», поскольку основным ритуальным блюдом этих строго постных дней была пшеничная кутья на меду. Великий и высокоторжественный праздник Рождества Христова — главный из неподвижных праздников церковного года — празднуется 25 декабря в честь воплощения Господа Иисуса Христа, родившегося в Вифлееме Иудейском во дни Ирода царя от Девы Марии. Когда пришла полнота времен, «послал Бог Сына Своего Единородного, рождаемого от Жены, подчинившегося закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» (Гал. 4, 4–5). Староверы

Рождество Христово

Богоявление (Крещение) Господне

всегда особо почитали этот праздник, и во многих староверческих общинах и в наши дни принято совершать на Рождество Христово всенощное бдение, которое продолжается 10–12 часов. Каждый христианин, подобно вифлеемским пастухам и мудрецам с востока, пришедшим поклониться новорожденному Младенцу, в этот светлый и радостный день спешил в Храм Божий, чтобы прославить воплотившегося Господа и Преподобную Его Матерь.

Время от Рождества Христова до Крещения называлось Святками, или Святыми днями. Святочная обрядность староверов отличалась от обрядности представителей официальной церкви минимальным наличием в ней дохристианских, языческих обычаев и примет. Так, в эти святые дни было принято «христославить», то есть прославлять родившегося Младенца Христа, а не языческое существо Коляду. «Христославцы» ходили по домам верующих и пели особые песнопения: рождественский тропарь и кондак, а также величание Христу. То же самое можно сказать и по поводу святочных гаданий. «Святочные гадания у местных староверов, в отличие от православного населения, всегда носили условный характер. Гадания девушек о суженом-ряженном, по сути связанные с вызовом нечистой силы, с целью узнать судьбу, считались крайне греховными и опасными»⁸⁸.

Вместо подобных гаданий среди белгородских староверов, например, был распространен обычай «божественных гаданий», средоточием которых была молитва о земном благополучии: «У нас на Святки больше были божественные гадания: девка почитает: “спаси меня грешную, дай мне Бог здоровья на всю жизнь, жениха хорошего”»⁸⁹.

Великий праздник Крещения Господня, или Богоявления, празднуется 6 января. Оба названия праздника отражают одно событие — Крещение Иисуса Христа, которое Он принял от Иоанна Крестителя на реке Иордане и во время которого на них снизошел Дух Святой в виде голубя. «И был глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3, 13–17). Внутри одного события — Крещения Иисуса Христа — совершилось другое важное событие — явление всех трех лиц Божества. От Иордана воссиял свет Святого Евангелия, ибо, как пишет евангелист Матфей, «с того времени (то есть со времени Крещения) Иисус начал проповедовать и говорить: “Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное”» (Мф. 4, 17). Своим Крещением Иисус Христос «потопил в водах Иордана грехи всего мира», освятил водное естество.

В крещенскую ночь верующие шли на источники или колодцы за богоявленской во-

дой, которой в народе приписывалось множество чудесных свойств. Святой Иоанн Златоустый (в слове «О еже сходитися христианом во святую Божию Церковь и о Крещении») так говорит о богоявленской воде: «Но убо чесо ради не в день, в онъ же родися (Спаситель), но в день, в онъ же крестися, Явление глаголется? Сий бо есть день, в онъ же крестися и воде освятися естество. Сего ради и в полунощи на праздник сей вси почерпша в дома воду относят и соблюдают и чрез лето всецело хранят. Понеже день освященных вод и знамение бывает явственное, не растлевающуся вод оных естеству долготою времени: но на лето всецелое и два и три многаши лета, днесь почерпнутой воде целой и новой пребывающей и по толицием времени ныне от источников емлемых водам сравнивающейся...» К крещенской воде относились как к величайшей святыне, ее положено было пить только натошак.

В конце зимы праздновали Сретение Господне (2 февраля), праздник встречи Ветхого и Нового Заветов. Пресвятая Дева Мария, во исполнение закона, отправилась с Сыном Своим и праведным Иосифом в Иерусалимский храм. Поскольку Она была бедна, кроме денежного выкупа смогла принести лишь двух голубей. В то время в Иерусалиме жил благочестивый, исполненный Духа Святого старец Симеон, трехсот шестидесяти лет от-

роду. Он был из числа тех семидесяти двух, что в III веке до Рождества Христова, при царе Птолемеи II, переводили Священное Писание на греческий язык. Усомнившись в словах пророка Исаии: «Се, Дева во чреве приимет, и родит Сына» (Ис. 7, 14), Симеон вместо «Дева» написал «жена». Но ангел Господень явился ему и сказал: «Ты увидишь исполнение этого пророчества; не умрешь, пока не увидишь спасения Израиля». После этого старец каждый день ходил в храм и по вдохновению Божию оказался там, когда Богоматерь принесла Младенца Христа.

Взяв на руки Спасителя, Симеон произнес: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты подготовил пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израиля» (Лк. 2, 29–32). Затем, обращаясь к Пресвятой Богородице, он добавил: «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в пререкание, — и Тебе Самой оружие пройдет душу, — да откроются помышления многих сердец» (Лк. 2, 34–35). Этими словами старец предсказал страдания Матери Божией, на глазах Которой будет распят Ее Сын, а также то, что явление Христа станет предметом соблазна для неверующих и спасением для верных. В символическом смысле в лице Симеона произошла встре-

ча (по-славянски — «сретение») с Господом всей ветхозаветной церкви, исполнившей свое предназначение. Праведник,ждавший исполнения своего чаяния и воспринявший на руки воплотившегося Бога, назван Богоприимцем. После Сретения он отошел в жизнь вечную.

Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы приходился на 25 марта. Слово «благовестити» по-славянски означает «возвещать радость». В этот день, согласно Евангелию, архангел Гавриил, посланный Богом к Деве Марии, сообщает Ей, что у Нее родится сын Иисус и это будет Сын Божий. Повсеместно в христианском мире праздник Благовещения стал отмечаться с середины VII века. Тогда же за Благовещением была окончательно закреплена дата 25 марта — за девять месяцев до Рождества Христова. У староверов считалось тяжким грехом в день праздника Благовещения заниматься каким-либо трудом. «В этот день даже птица гнезда не вьет, девица косы не плетет». По народным повериям, в этот день солнце играет на востоке, как это бывает в великие праздники. Благовещение знаменует начало весны.

Праздник Входа Господня в Иерусалим (другое название — Вербное воскресенье, или Неделя Цветоносия) приходился на последнее воскресенье перед Пасхой. Этот

праздник был установлен в память о прославлении Иисуса Христа перед Его казнью. Он показывал, что Спаситель знал о грядущих страданиях и казни, и шел на них добровольно. Иисус Христос с учениками вступает в город, предшествуемый толпой, детьми с пальмовыми ветвями в руках, по пути, устланному пальмовыми ветвями. И толпа приветствует Его словами, с которыми обращалась прежде только к царю: «Осанна! Благословен Грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!» В этот день, единственный раз в году, было принято стоять в моленной с ветвями освященной вербы, заменяющей в суровых северных условиях пальмовые ветви и с зажженной свечой в них. Освященную на праздник вербу хранили в божнице за иконами.

Светлое Христово Воскресение, или Пасха, — «праздником праздник» — по праву считалось самым главным христианским праздником. В первые века христианства этот праздник отмечался вместе с иудейской Пасхой, так как, согласно евангельским сказаниям, Иисус Христос был казнен и воскрес в дни празднования иудеями Пасхи (избавления от египетского рабства). Первый Вселенский собор 325 года установил, что христианская Пасха должна отмечаться отдельно от иудейской — в первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолу-

ния, то есть не ранее 22 марта и не позднее 25 апреля (по новому стилю). Пасха таким образом является переходящим праздником. Тем самым, переходящими являются и даты праздников и Великого поста, соотносящихся с датой Пасхи. О дне, на который приходится Пасха, староверы также узнают из Пасхалий — специальных таблиц дат празднования Пасхи. Древлеправославная Церковь составляет Пасхалии по юлианскому календарю, католическая — по григорианскому. Отсюда расхождения в днях празднования Пасхи различными конфессиями.

Воскресение Спасителя из мертвых на третий день по Его собственному предсказанию — это торжество веры и добродетели; богослужение в этот день отличается особенной торжественностью. Ровно в полночь раздается троекратное: «Христос воскрес!» и звучит трезвон колоколов. Значит, окончился пост, наступил праздник Светлой Пасхи. В некоторых храмах был обычай у женщин в это время менять черный головной плат на белый — праздничный. Во время службы проходит освящение пасхальных куличей и яиц. По окончании богослужения происходит массовое христосование — взаимопоздравления с праздником Пасхи. Пасха празднуется всю седмицу, которая называется Светлой и являет собою как бы один день.

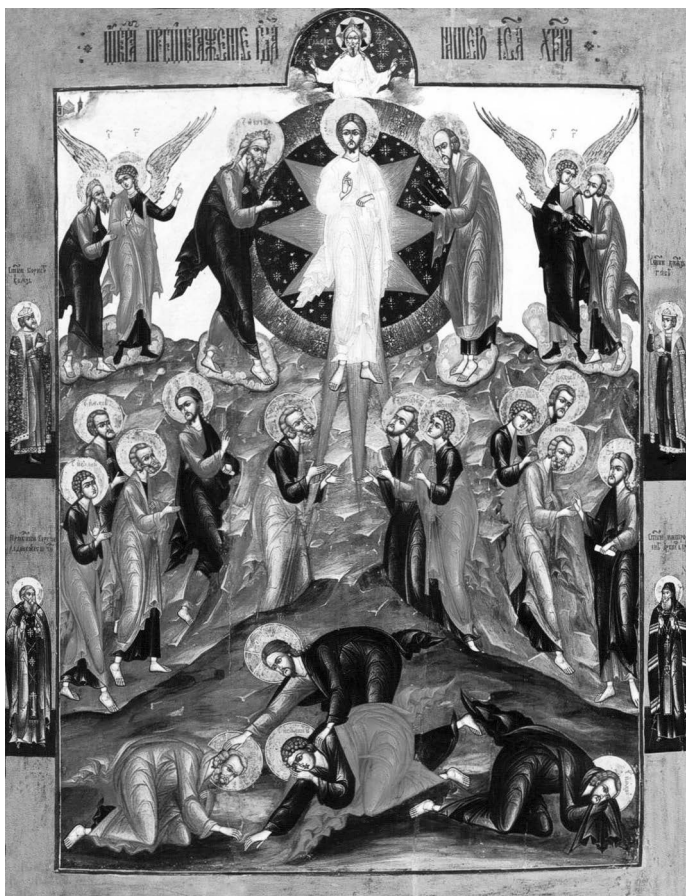
В пасхальную ночь также принято было проводить крестные ходы вокруг храмов. Крестный ход — это торжественное церковное шествие, обхождение храма с крестом и особо чтимыми иконами, сопровождаемое песнопениями. Старый обряд предусматривает обход храма верующими посолонь (по солнцу, то есть по часовой стрелке), в то время как в новообрядческой церкви крестные ходы совершаются против солнца.

На сороковой день после Пасхи праздновалось Вознесение Господне. Праздник этот всегда приходился на четверг. Описание великого события, ставшего основанием праздника, содержится в Новом Завете, в книге «Деяния апостолов». В течение сорока дней после Воскресения Иисус Христос неоднократно являлся своим ученикам, беседовал с ними о Царстве Божием и предписал им оставаться в Иерусалиме до сошествия на них Святого Духа.

День Сошествия Святого Духа (Троица) отмечается на пятидесятый день после Пасхи (отсюда второе название праздника — Пятидесятница) и всегда приходится на воскресенье. После вознесения своего Учителя на небо апостолы жили в Иерусалиме, ожидая пришествия обещанного Христом Святого Духа. В пятидесятый день по Воскресении Христовом все они собрались на общую молитву. Вдруг с неба послышался шум, как бы

Троица Ветхозаветная

Преображение Господне

от сильного ветра, и охватил весь дом, в котором они находились. Явились им огненные языки, и почили на каждом из них. Все апостолы исполнились Духа Святого и начали говорить на разных языках. Много чудес и знамений произошло в тот день в Иерусалиме, и крестилось тогда сразу около трех тысяч человек.

Праздник Преображения Господня приходится на 6 августа. Он напоминает о великом событии в земной жизни Иисуса Христа, когда Он, совершив половину Своего служения и показав Свою Божественную природу через учение и чудеса, пожелал явить ученикам славу Своего Божества. Он возвел трех апостолов — Петра, Иакова и Иоанна — на гору Фавор и преобразился перед ними: Он весь сиял светом, лицо Его было светло, как солнце, одежды Его блистали. Апостолы увидели славу Божию, блаженство, на них спустилось светлое облако, и слышали они из облака глас Бога-Отца: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Нем же благоволих. Того послушайте» (Мф. 17, 5). Христос преобразился ради всех людей, чтобы просветить их тьму и преобразить их из рабов греху в истинных рабов Своих.

В этот день верующие приносят в Храм плоды нового урожая — виноград, груши и яблоки (отсюда народное название праздника Преображения — «Яблочный Спас»). По

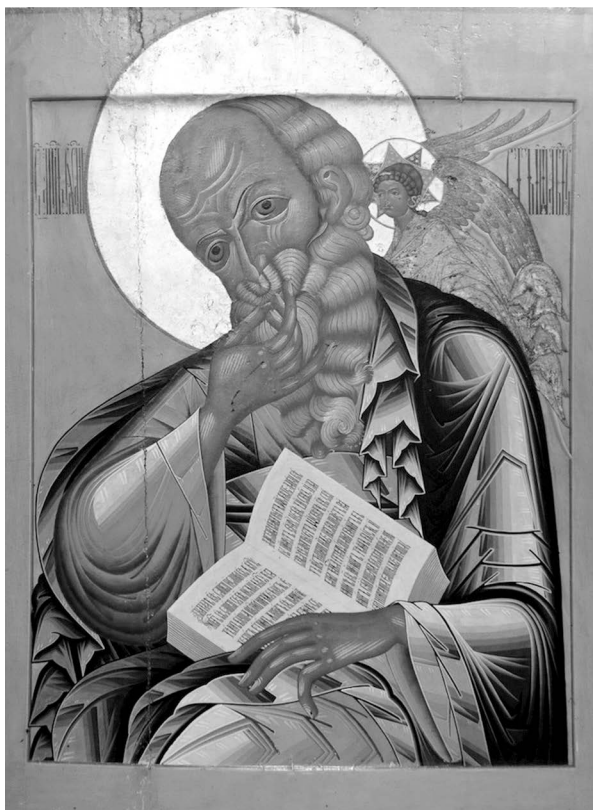
преданию, до Яблочного Спаса яблоки не вкушали.

Праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа) завершал собой годовой круг церковных праздников. По Вознесении Иисуса Христа Богородица жила в доме Иоанна Богослова. Однажды, когда Она молилась, Ей явился архангел Гавриил, который сообщил о приближающемся Ее часе переселения на небо. Вскоре Она предала душу Богу, а тело Ее было погребено в Гефсиманском саду. Но когда через три дня прибыл опоздавший апостол Фома и захотел поклониться телу усопшей, то в гробу оказались только погребальные пелены. Так было открыто, что Божия Мать вместе с телом взята на небо. Праздник Успения символизировал собой переход от земного бытия к вечной жизни.

Кроме всех перечисленных выше двенадцатых праздников, к великим праздникам относятся также некоторые недвунадесятые, издревле особо почитаемые праздники: Покров Пресвятой Богородицы (1 октября), память святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (26 сентября и 8 мая), Рождество святого Иоанна Предотечи (24 июня), святых славных верховных апостол Петра и Павла (29 июня), Усекновение главы Иоанна Предотечи (29 августа).

Усекновение главы Иоанна Предотечи

Св. Иоанн Богослов в молчании.
Москва, филипповская иконописная мастерская,
30-е годы XIX века

Посты

Посты в староверческой среде (а нужно сказать, что, согласно православному календарю, около двух третей дней в году — постные) соблюдались неизменно строго. Согласно святоотеческому учению, пост есть своего рода лестница, по которой человек чрез воздержание восходит на высоту добродетелей. Первый пост был дан Богом Адаму и Еве еще в раю. Постились ветхозаветные пророки и праведники, постился Христос перед началом Своей проповеди, постились апостолы. В дни поста запрещено вкушение мясной и молочной пищи, а в некоторые, наиболее строгие дни, и вкушение рыбы и даже растительного масла.

Вместе с тем, пост телесный, телесное воздержание служит уврачеванию души, и об этом тоже всегда помнили. «Истинный пост есть воздержание от грехов», — говорит святой Василий Великий. Ему вторит святой Иоанн Златоустый: «Кто же ограничивает пост только воздержанием от пищи, тот только бесчестит его». «Да постится ум твой от суетных помышлений, да постится воля твоя от злого хотения, да постятся очи твои от сквернословия и клеветы, да постится язык твой от лжи, осуждения и всякого праздного слова, да постятся ноги твои от хождения на

злое дело. Вот это христианский пост, какого Бог от нас требует».

С древнейших времен в христианской Церкви были установлены четыре поста: Великий пост — перед Пасхой, в воспоминание сорокадневного поста Иисуса Христа в пустыне; Рождественский пост — перед Рождеством Христовым, для приготовления чистым житием, молитвой и добрыми делами к предстоящему великому празднику; Петров пост — в воспоминание поста апостолов, которые перед тем, как отправиться на проповедь Евангелия, постились сами; наконец, Успенский пост — перед праздником Успения Пресвятой Богородицы, ибо и Сама Богородица постилась перед Своим отшествием на небо.

Кроме указанных многодневных постов, Церковью также были установлены посты однодневные: среда и пятница, день Воздвижения Креста Господня, день Усекновения главы святого Иоанна Крестителя, а также канун праздника Крещения Господня. Особо ревностные староверы постились еще и в понедельник, посвящая этот день прославлению святых небесных сил бесплотных.

Особой строгостью отличался Великий пост, самый долгий из многодневных постов. Продолжался он сорок дней («Четыредесятница») — от Прощеного Воскресения до Великой седмицы (Страстной недели). Великая

Страстная седмица, предшествующая непосредственно празднику Пасхи, также была строго постной. Тем самым Великий пост продолжался семь седмиц. Питаться в Великий пост разрешается только продуктами растительными, возбраняется скоромная пища, то есть продукты животного происхождения. Однако дважды за время Великого поста разрешается употреблять рыбу: в день праздника Благовещения и в Вербное воскресенье. Также в Лазареву субботу разрешено вкушение рыбной икры. Среди семи седмиц строгого Великого поста самые строгие — первая и последняя. В понедельник и вторник первой седмицы, пятницу и субботу Страстной седмицы установлена высшая степень воздержания — «ни хлеба ясти, ни воды пити». Великий пост воспринимался староверами как время воздержания, очищения души и тела, время покаяния и время прощения.

Многодневным постам предшествовали «заговены» — последний «мясоедный» день. Неделя перед началом Великого поста носила название Сырной, или Масленичной недели. На этой неделе разрешалось вкушать все продукты, кроме мяса, причем неделя была «сплошной», то есть среда и пятница были днями непостными. Масленица отмечалась широко и весело. Закачивалась эта неделя Прощеным воскресеньем, когда все верую-

щие просили прощения у своих духовных отцов и друг у друга.

Великопостные богослужения отличались неизменной строгостью и большим количеством земных поклонов. Но даже на их фоне особой истовостью, строгостью и большим количеством земных поклонов выделялось «Марьино стояние» — служба Великого канона святого Андрея Критского, всегда проводившаяся вечером в среду пятой седмицы Великого поста. Как говорится в Синаксаре, читаемый на этой службе канон Андрея Критского «толико есть широкий и сладкогласный, яко и саму жесточайшую душу доволен умягčiti и к бодрости благой воздвигнути, аще точию с сокрушенным сердцем и вниманием поется».

«Марьино стояние» посвящено теме покаяния. В просторечии служба эта именовалась «службой тысячи поклонов», поскольку на протяжении ее кладется порядка тысячи земных поклонов. Чтение Великого канона проводилось особой погласицей, применявшейся только для этой единственной в году службы. Основная мысль богослужения состояла в том, чтобы показать верующим: милосердие Божие доступно всем без исключения, как оказалось доступно великой грешнице и блуднице Марии Египетской. Но для этого необходима жизнь в истинном покаянии.

Замирщение и бытовые запреты

В условиях жесточайших гонений староверы сумели доказать не только свою жизнеспособность, но и жизнеспособность своей культуры, своего образа жизни и своего менталитета. И во многом этому способствовала та система бытовых запретов, которая существовала в их среде и не позволяла раствориться в чуждом иноверном, а порою и иноязычном окружении. Писатель Валентин Распутин замечает по этому поводу: «Старовер не курил, не пил вина, а в Сибири и чай пили лишь из трав и корней, строго соблюдали посты и моральные уставы, и лишь в одном не знал воздержания — в работе. Это был тот же человек, что и рядом с ним в обычной православной деревне, и все же далеко не тот: по-другому живущий и верующий, по-другому смотрящий на мир — все основательно, весомо, тяжело. Отлученный от ортодоксальной церкви и судорожного общественного развития, он и их отлучал от себя, обвиняя в греховности и несамостоятельности, в пляске под чужую дудку. Со временем он выделился в особый тип русского человека, который, вопреки всем бедам и обстоятельствам, упрямо хранил в себе каждую косточку и каждый звук старой национальной фигуры, в тип, несущий живое воспоминание о той поре, когда человек

мог быть крепостью, а не лавкой, торгующей вразнос»⁹⁰.

Принятые на себя добровольно запреты — от употребления тех или иных продуктов питания до общения с представителями внешнего «мира» — способствовали сохранению древнего благочестия, русской самобытности, здорового образа жизни. Сообщение с «миром» носило название «мирщения», или «замирщения», и считалось в среде староверов-беспоповцев серьезным грехом. «Замирщение» могло произойти во время совместной молитвы, трапезы и вообще во время всякого общения без особой нужды с принадлежащими к данному старообрядческому согласию людьми. Могло оно также произойти и через продукты, произведенные «неверными» или недозволенные к употреблению (чай, кофе, табак), через оскверненную посуду или через общественные заведения (бани, столовые).

Можно сколько угодно называть эти запреты «пережитками», но, как сказал известный французский культуролог и антрополог Андре Леруа-Гуран, «народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам». Вот лишь некоторые из подобных бытовых запретов и наставлений по поводу образа жизни (взяты из старообрядческой книги «Цветник»): «По всяк должны утро и вечер правило установлено исправляти: исповедь,

крещения, крест носить на теле своем... Сходясь и расходясь часто прощайся и благословляйся, часто кланяйся в ноги и на молитву вставай часто, чистоту храни. Трезв буди всегда. Правило носи по всяк день, не проспй утрени, вечерни; еш редко, за все постись от пива, вина, от мяса, по праздникам не работай и бань не топи, чистоту блюди. Собак не пущать в ызбы, от мирских уходи прочь. Не пей, не еш, и не молись с ними нигде; чашки свои держи. Берегись как от собак от матернословцов, сквернословцов, брадобривцов, щепетников...»

Большое значение староверы во все времена придавали соблюдению посуды («чашничеству»). Так, например, среди староверов-федосеевцев было принято разделение посуды, употреблявшейся в быту, на «рабскую» (для «верных», «рабов Христовых») и «мирскую» (для «внешних»). И этот обычай, как и многие другие, бережно сохранявшиеся ревнителями древнего благочестия, тоже уходил своими корнями в христианскую древность, был освящен авторитетом святых отцов Церкви и соборных постановлений. В Кирилловой книге говорилось: «Аще армянин испиет из сосуда, таковому сосуду (сиречь чаши или иной какой посуде) молитвы не давати, но разбити».

В дораскольные времена на Руси с крайним подозрением относились к иноземцам.

Нижегородские поморцы. Фото М. Дмитриева, начало XX века

Так, еще преподобный Феодосий Печерский писал о католиках: «...Я, Федос, худой, раб Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, в чистой и правоверной вере рожден и воспитан в добре и наказании правоверными отцом и матерью, наставлявшими меня доброму закону: верой же латинской не прельщаться, обычая их не держаться, и причастия их избегать, и всякого обычая их избегать, и нравов их гнушаться, и оберегать своих дочерей: не отдавать за них и у них не брать. [Нельзя] ни брататься с ними, ни кланяться им, ни целоваться, ни есть или пить с ними из одной посуды, ни пищу их принимать. Тем же, кто у нас просит, Бога ради, есть или пить, дать, но в их посуде; если же не будет у них посуды, то в своей дать, а потом, вымыв ее, помолиться...» Иностранные путешественники свидетельствуют, что «москвитяне запрещают людям иноземной веры входить в свои церкви... И если кто из любопытства проберется туда тайком, они сейчас же выводят его, схвативши за плечи, и выметают после него пол, чтобы очистить его от осквернения поганым прикосновением»⁹¹. А Адам Олеарий рассказывает о том, как после посещения им одного крестьянского дома хозяева пригласили священника, чтобы по-новому освятить свое жилище.

С другой стороны, подобного рода запреты были необходимым условием для сохра-

нения своей идентичности и самобытности. Как отмечает О. М. Фишман по поводу тихвинских карел-староверов, старообрядческая община «могла существовать на протяжении ряда веков благодаря жесткой системе запретов, регулирующих повседневное бытовое и обрядово-ритуальное поведение ее членов, определявших религиозно-нравственные установки и общественное мнение. Система запретов выросла как практическое осуществление религиозно-догматического понятия “чистоты”. В старообрядческом (конкретно федосеевском) толковании это понятие включало в себя представления о духовной и телесной чистоте и нечистоте (грехе) в общении, “питии” и “ядении”, а также способах очищения (покаяния) в зависимости от степени греховности содеянного...»⁹²

Эти представления о «чистоте» у карел-староверов находили свою материализацию в предметах крестьянской утвари: деревянных «карельской ложке», «карельской чашке», кадке-«питнице» с питьевой водой и ковшике для ее черпания. «Усваиваемые с детства, эти символы являлись ценностно-нормативным регулятором поведения, способствовавшим культурной консолидации карельской старообрядческой общности, создавали так называемую базовую символическую предметную среду, выполняя разделительную функцию в оппозиции “свой —

чужой"... В то же время эти предметы, как и само *чашиничество* — строгое разделение посуды и питания староверов и мирских, — передавали духовное значение божественных истин и явлений и как таковые воспринимались в крестьянской карельской традиции»⁹³.

«А в скверности не буди единого дни, — поучал старообрядческий "Цветник". — Ставай перед образом Божиим в чистоте на молитве: и два одра (ложа) имети, на праздники особь спи; среду, пяток (пятницу) храни, рыбы не еш и меж вытей (между едой, обедом и ужином, например)... Образы с собою носи свои; у мирских им не молись и образов мирских не бери в дом свой. Крест на шее за все носи, не будь един день без него; пред обедом иужиной и после стола за все молись. И в роботу и в дорогу ехать или пеш, чрез реку и приход откуда в дом свой поможись... Руки умывать по трижды от погани часто, когда схватишь за што, обутки и чорну рубаху и голо тело чесавши, или посуду погану, что ниесть и поганое у чистой посуды не класть и в чистом месте нигде не класть и ножом чистым не резать поганова... В чистоте ходи, и чорных рубах и обутков на лавку не клади. Яко к образам ни близь нигде и в углу том и под лавкой не клади. И варево из чашек мирскими не дохлебав назад не выливать в горшок и квас мирской посу-

дой не черпать ис кадец и ис горшков и котлов, и ведер искорчаг и от собак и кошек и от скота блюсти, нюхать не давай, ниже лизать; чисты ведра в бани не вносить, особливы держать. Да причастимся святыне, сиречь чистоты!»

Для всех староверов также общими были определенные запреты в питании. Так, например, запрещалось принимать в пищу всякое животное с нераздвоенным копытом (конину), парных птиц (голубь, лебедь), диких животных, раков. Запрещалось держать воду и питье в ненакрытой посуде. Посуда должна быть обязательно накрыта (хотя бы ложечкой или палочкой).

Среди староверов-федосеевцев был также распространен обычай отмаливания «торжищного брашна», то есть продуктов, купленных на рынке у иноверных. Здесь нужно сказать, что отмаливание продуктов не было каким-то изобретением староверов-беспоповцев. Если мы обратимся вглубь истории, то увидим, что во времена Святой Руси православные очень осторожно относились не только ко всякого рода контактам с представителями иных вероисповеданий, тем более к совместной молитве и трапезе с ними, но и к покупаемой у них пище. Так, святой Фотий, митрополит Московский и всея Руси, в послании своем псковитянам писал: «А что снове пишете, что из немецкия земли при-

ходит что потребное, вино или хлеб, или овощ, и то снове очистивше то от иерей, и потом ясти и пити».

Среди современных старообрядцев, живущих на постсоветском пространстве, самые строгие бытовые запреты — на общение с «мирскими», на потребление покупных продуктов без их «отмаливания» и т. д. — практически не соблюдаются (особенно это относится к городским жителям). Однако в той области, которая касается богослужения и собственно религиозных обрядов, запреты на общение с иноверными удерживаются наиболее стойко.

Похороны и поминовение умерших

Во все времена и у всех народов погребально-поминальная обрядность занимала особо важное место, а для старообрядческой культуры это свойственно в высшей степени. Даже в тех старообрядческих общинах, где в силу исторических обстоятельств уже многие годы не проводилась соборная молитва, погребения и панихиды продолжали более или менее регулярно совершаться. Без преувеличения можно сказать: погребальный обряд умирает последним!

Погребение усопших является важнейшим христианским обрядом и в древние времена

Душа чистая.

Выг, конец XVIII — начало XIX века.

На луне стоит дева — Чистая душа в царском одеянии с короной на голове. Она из своего бокала льет слезы на грешную душу, змия (олицетворяющего грех), льва (олицетворяющего гнев), дьявола.

В темно-синих небесах, в раю на престоле Христос, рядом с ним Ангел и и приведенная на поклонение Чистая душа. Слезами и молитвами она попала в рай

даже относилось к числу церковных таинств. Христианская Церковь смотрит на земную жизнь как на приготовление к жизни вечной. С православной точки зрения, смерть человека — лишь «успление», засыпание, переход в мир иной, рождение в вечность. Поэтому и принято умерших христиан называть «усопшими», то есть уснувшими. Для праведных душ «смерть — это врата, открывающие душе путь в Царствие Небесное»⁹⁴.

Вместе с тем, согласно христианскому учению, в жизни вечной будет участвовать и наше тело, которому, по словам апостола Павла, подобает стать нетленным и бессмертным. Во все века для христиан было характерно благоговейное отношение к телу покойника. Это напрямую связано с одним из важнейших догматов христианства — догматом о всеобщем воскресении людей и жизни «будущего века». Со смертью человек не исчезает полностью, не уничтожается, он засыпает телом, а душой отправляется в дальнюю дорогу, на встречу с Богом. Мертвый спит и при этом продолжает оставаться человеком, отсюда «покойник» — спокойный человек, тот, кто «в покое», «на отдыхе у Бога».

В христианской традиции всегда было принято тщательно подготавливать тело к погребению, заботясь о достойных «проводах» человека. Многие погребальные об-

ряды напоминают таинство крещения, тем самым как бы напоминая: как через таинство крещения человек возрождается от жизни греховной к жизни святой и богоугодной, так и через смерть истинный христианин возрождается для новой, лучшей и вечной жизни со Христом.

Сам образ христианского погребения усопших дан в Евангелии, где описано погребение Иисуса Христа. Православный обряд приготовления тела усопшего к погребению сохранился еще с ветхозаветных времен и выражается в омовении тела, облачении его и положении во гроб. Затем следовало отпевание и собственно погребение, то есть предание тела земле. Как и в других обрядах и таинствах, в погребально-поминальной обрядности староверов имеются некоторые специфические особенности, отличающие ее от обрядности представителей новообрядческой церкви.

Подготовка к смерти всегда занимала особо важное место в жизни верующих старообрядцев. «Согласно традиционным представлениям, чтобы “достойно” встретить смерть, необходимо было “очиститься” от мирской жизни. В связи с этим с 50–55 лет многие жители посвящают себя исключительно служению Богу. Наряду с этим происходит их постепенный переход от участия в праздничных развлечениях к религиозным сходам.

В комплекс “очистительных” мер входят: изменение образа жизни, смена современной одежды на традиционную и др. Следует отметить, что в этот период жизни староверы все свое свободное время посвящают чтению молитв, при этом выделяют значимость ночного моления»⁹⁵. По словам одной печорской староверки, «ночью — золотое моление. Будешь молиться в это время, на том свете скорее 21 ступеньку до райских ворот перешагнешь».

Практически повсеместно староверы заранее начинали готовить погребальную одежду («смертное»), а также материал на гроб. «Приготовленную одежду хозяйка традиционно завязывает в “узелок” и о месте его нахождения извещает всех членов семьи. Предварительно запасают строительный материал на гроб и столб. До 60-х годов XX в. многие староверы практиковали изготовление их при жизни, которые затем десятилетиями хранили на чердаках. Распространенным приемом является дарение личных вещей как родственникам, так и знакомым с целью последующего поминания дарителя. По мнению жителей, вещи, розданные самим владельцем, а не родственниками после его смерти, имели большее значение, поскольку считалось, что даритель расстался с вещами “с добрым сердцем” и молитва о его душе будет более действенной»⁹⁶.

Согласно существующим обычаям, умирающий получал у своего одра последнее напутствие от духовного отца. Если не было возможности получить напутствие в загробную жизнь от духовного отца, то подобное напутствие мог преподать кто-либо из членов семьи или из близких умирающему людей. Всякий христианин обязан был спросить умирающего наедине «тихим голосом» и «по единому слову», то есть кратко: не желает ли он сообщить нечто важное, выразить свою последнюю, предсмертную волю; не имеет ли он желания на пороге смерти исповедовать какой-либо нераскаянный грех; наконец, не осталось ли у него в душе зла или обиды на кого-либо из близких?

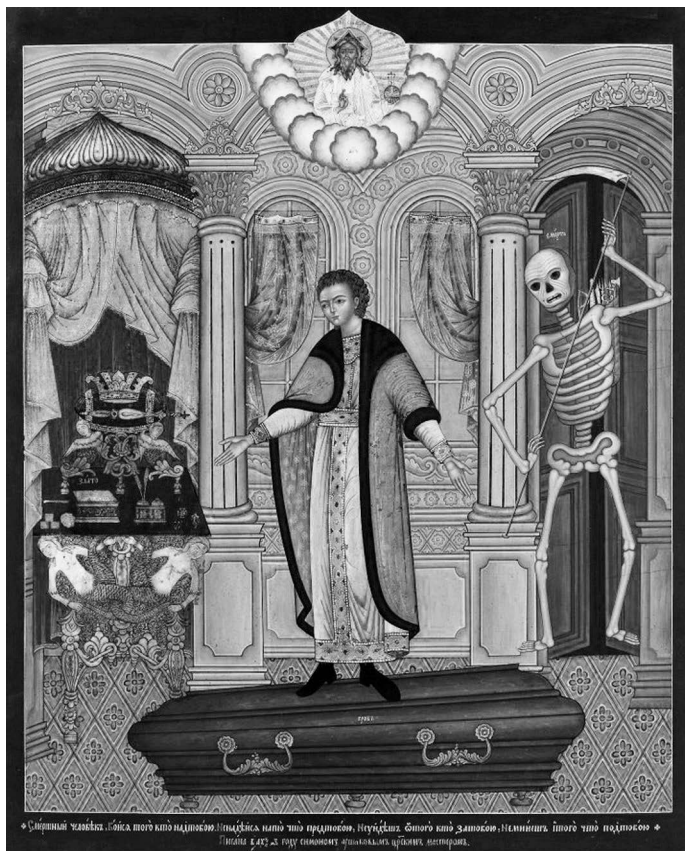
Затем начиналось чтение так называемого Канона на исход души⁹⁷, который имелся во многих богослужебных книгах — Часовнике, Псалтыре, Панихиднике и других. Основное содержание канона — просьба о помощи Божией и молитвенном заступничестве Пресвятой Богородицы в тяжелые минуты расставания души с телом. Если ко времени окончания 8-й песни умирающий еще был жив, то 9-я песнь канона не читалась, а дочитывалась уже после его преставления.

После констатации смерти приступали к омовению тела усопшего. Обычай этот упоминается еще в Деяниях апостольских.

Тело усопшего клали лицом на восток (ногами к иконам) и омывали теплой водой без мыла — вначале голову, затем тело до пояса и далее остальные части тела, протирая чистой мокрой тряпкой или губкой. Лицо усопшего омывали руками. Омовение должны были осуществлять только единоверные усопшему христиане. Перед омовением и после него клали седмипоклонный начал. Совершая омовение, непрестанно творили молитву: «Святыи Боже, Святыи Крепкий, Святыи Безсмертныи, помилуй нас» или молитву Исусову.

Закончив омовение, усопшего начинали одевать. «Главный смысл приготовления усопшего к погребению сводится к тому, что он окончил свой земной путь пред людьми и теперь ему предстоит встреча с Господом. Поэтому на усопшего надеваются моленные одежды, а телу придается молитвенная поза»⁹⁸. Как говорилось выше, у староверов имеется традиция заранее собирать свой «смертный узел».

В первую очередь, на умершего надевался нательный крест. Обычно это был так называемый кипарисовый (деревянный) крест. Такие же кресты носили при своей жизни иноки и инокини, принявшие великую схиму и тем самым уже здесь, на земле, совершенно отрешившиеся от всего земного. Затем умершего обряжали в нижнее белье: для

«Смертный человек, бойся того, кто над тобою».
Притча. XVIII век

мужчин это была рубаха-косоворотка, для женщин — длинная рубаха с длинным рукавом. Нижнее белье должно было быть новым и светлым. Рубашка подпоясывалась поясом, после чего на мужчин надевали темный моленный халат (кафтан, азам, поддевку), а на женщин — длинный до стоп сарафан. На ноги надевались носки (женщинам чулки) и тапочки. Уста усопшего должны быть сомкнуты, глаза — закрыты. Если усопшая девушка — ей заплетали одну косу, если женщина — две косы. В начале на голову надевали чепчик или подвязывали косынку, а затем — однотонный платок.

До положения во гроб тело укладывали на лавку или на сбитые доски, положенные на табуреты, застланные полотном. Руки умершего складывались на груди крестообразно — как это принято у старообрядцев на богослужении — правая поверх левой, при этом пальцы правой руки должны изображать двоеперстное крестное знамение. В пальцы левой руки вкладывали белую лестовку. Под левую же ладонь усопшего клали и белый подручник. Тело покрывали светлым покровом в свидетельство того, что оно находится под покровом Христа и Богородицы, а поверх покрова к рукам клали икону (обычно изображение Распятия с предстоящими, или так называемый Мироносицкий крест). На чело умершего возлагали венчик — декора-

тивную бумажную ленту со словами молитвы: «Святыи Боже, Святыи Крепкий, Святыи Безсмертныи, помилуй нас».

Перед положением во гроб на усопшего надевали саван, символизирующий переход в светлую область духовного мира и представляющий собой длинное (в рост усопшего) и широкое полотно, сложенное вдвое по длине и прошитое сверху, как бы образуя куколь, капюшон. Своим белым цветом саван напоминал крещальные одежды. Гроб обычно делался из чистых досок или вообще был выдолблен из цельного дерева и не окрашивался. Внутрь клали чистые опилки, сухую траву или солому. Под голову умершего клали небольшую подушечку, набитую сухой травой или опилками. Считалось совершенно недопустимым класть в гроб посторонние предметы (книги, иконы, еду, одежду, деньги и прочее). Чин положения во гроб совершался или духовным наставником, или благословленными на то церковнослужителями. Наставник кадил иконы, умершего и читал соответствующие молитвы, после чего тело благоговейно полагали во гроб.

Сразу после положения тела во гроб присутствующие староверы начинали читать заупокойный Псалтырь. Читать Псалтырь полагалось в течение трех дней — до погребения — особой заупокойной погласицей по

особо установленному чину. Пока тело усопшего находилось дома, у икон всегда горела свеча или была затеплена лампада.

Чин погребения совершался на третий день после кончины усопшего. Перед погребением тело поворачивали по солнцу ногами к иконам. Если отпевание происходило в моленной, было принято покрывать тело особым покровом — красивым покрывалом из дорогой ткани (парчи или бархата) с бахромой и кистями, а также вышитой «Голгофой» (изображением креста с подножием, копия и трости — орудия страстей Христовых). Сам чин погребения служил тот духовный наставник, которому усопший исповедовался. Во время погребения происходило прощание с усопшим — при пении особых умилительных стихер «на целование». Чин погребения у староверов совершается с благоговением и достаточно продолжителен — от полутора до двух часов, а в Выговском поморском общежительстве погребение особо выдающихся и заслуженных деятелей (с чтением специально составленных надгробных слов) могло длиться даже до шести часов.

Завершив чин погребения, тело усопшего закрывали саваном, покойника кадили в последний раз и закрывали крышку гроба, после чего гроб разворачивали по солнцу и ногами вперед выносили из моленной. Вынос

Старообрядческое кладбище в Кемь. Художник В. А. Плотников

тела совершался следующим образом: впереди на пелене несли Животворящий Крест, а следом за гробом шли духовный наставник с кадилом, певчие и все провожающие. Во время выноса тела многократно пели «Святы Боже...» В прежние времена гроб доставляли на кладбище на руках. Теперь (особенно в городах) для этого нередко используется грузовой транспорт.

Старообрядческие кладбища всегда были обособлены от других, даже если входили в общий кладбищенский комплекс. Нередко кладбища были огорожены забором. Внос покойников осуществлялся только через особые освященные ворота. Перед входом на кладбище положено было положить три поясных поклона. Когда гроб с усопшим опускали в могилу, наставник, а за ним и все провожающие сыпали по три горсти земли в могилу, после чего гроб закапывали и устанавливали на могиле крест. Хоронили покойных лицом на восток. Могилу выкапывали по линии запад — восток, при этом намогильный крест располагался в восточной части, то есть в ногах у покойника. Объяснялось это тем, что после Страшного Суда мертвые воскреснут, восстанут из могил, увидят свой крест и в молитве восхвалят Господа.

Намогильный восьмиконечный крест, обычно имевший крышу, принято было изготавливать из дерева и устанавливать не-

посредственно во время захоронения. В некоторых местах они украшались резьбой или даже росписью. В более позднее время у зажиточных купцов-староверов появился обычай устанавливать вместо временных деревянных крестов цельнокаменные, литые или кованые. В советское время стали устанавливать бетонные кресты и каменные стелы с изображением восьмиконечного креста. Нередко на подобных памятниках и даже на крестах стали появляться фотографии усопших, что является несомненным новшеством.

На Русском Севере повсеместно существовал и до сих пор сохраняется обычай устанавливать на могилах не кресты, а так называемые голбцы — деревянные резные столбцы с двумя досками сверху наподобие двускатной крыши. Они представляли собой некое подобие часовни. Внутри голбца делалась небольшая ниша, в которую помещали литую медную икону или деревянный намогильник — резную доску со старообрядческим голгофским крестом и орудиями страстей Христовых.

Забота о могилах предков всегда считалась неотъемлемой составной частью повседневной жизни старообрядцев — в особенности это можно сказать относительно современных старообрядцев стран Балтии и Польши, у которых можно наблюдать вы-

сокую культуру содержания кладбищ. Неужоженность, запущенность могилы считалась чем-то неприличным и всегда осуждалась. Однако в постсоветское время в России такое, к сожалению, нередко встречается на старообрядческих деревенских кладбищах, что объясняется физическим вымиранием русской деревни, когда за могилами уже просто некому ухаживать.

Среди староверов никогда не было принято совершать тризны (угощения) на могилах усопших, тем более «помянуть чаркой». Но после завершения погребения по церковной традиции молящимся обязательно поставлялся поминальный обед. Перед поминальным обедом читалась молитва «Отче наш» и трижды заупокойный тропарь с поклонами. Стол обычно был рыбный, в прежние времена не принято было ставить на стол спиртное. Пока приглашенные молча вкушали пищу, один из чтецов, предварительно благословившись, читал «Жертвенник» — так называлось поучение из учительных книг (Пролога, Златоуста или других). Тем самым поддерживалась благоговейная атмосфера, свойственная всему старообрядческому чину погребения и поминовения усопших. По окончании обеда пели положенные на поминальном обеде песнопения «Содетелю» и «Достойно есть» и расходились по домам.

По свидетельству одной староверки из Причудья (Эстония), «у староверов смерть дорогое удовольствие хотя бы уже потому, что на поминки принято приглашать всю деревню, а это значит, что угощение — начиная с супов, второго и сладких блюд — готовится на 100–200 человек. Поминки, как и встарь, непременно начинаются с поминальной кутьи, а в конце подают густой кисель, что означает, что надо вставать и уходить». Кутьей у староверов называется блюдо из цельных зерен пшеницы, отваренной до мягкости, процеженной и залитой разведенным в воде медом (а не рис с изюмом, как это принято в современной новообрядческой практике). Пшеница является символом воскрешения из мертвых (ее зерна в земле «умирают» и снова воскресают во всходах), а мед является символом сладости райской жизни.

Кутья обязательно приготавливалась для всех поминальных панихид, служащих как в доме, так и в храме. Чашу с кутьей, в окружении четырех горящих свечей, ставили на стол в центре моленной, и в начале богослужения наставник каждением благословлял чашу с кутьей. На поминальной трапезе после панихиды вкушение пищи всегда начинали с кутьи. Все, начиная с наставника, поочередно по кругу (посолонь) вставали, трижды осеяли себя крестным знаменем и вкуша-

ли три ложки кутьи. Считалось, что освященную кутью нельзя выливать — она обязательно должна была быть съедена.

С древнейших времен в христианской Церкви было установлено почитание усопших. С точки зрения христианского вероучения, Церковь земная и Церковь Небесная — едины, и члены ее не разлучаются даже после смерти. Но, по словам Августина Блаженного, «умершие надеются получить помощь через нас, ибо время делания отлетело от них». Этим объясняется необходимость постоянной молитвы за усопших и милостыни за них. Церковью были установлены особые дни поминовения после смерти христианина: «В 3-й день — в память того, что умерший веровал во Святую Троицу и перешел в вечную жизнь к Триипостасному Божеству. В 9-й день — чтобы душа умершего сопричастна была девяти чинам ангельским. В 40-й день, по прехождении мытарств, — ангелы возносят душу на поклонение Богу, и она получает определение в небесных обителях до Второго Пришествия Господня»⁹⁹.

Считалось, что до третьего дня душа пребывает рядом с телом — отсюда обычай ставить гроб с телом усопшего в храме и читать Псалтырь. С третьего по девятый день душе показывают небесные обители, а с девятого по сороковой день душа проходит мытарства и видит адские мучения. Поминать усопших

Лоно Авраамово.
Старообрядческая икона XIX века

также было принято по прошествии года после смерти («годины», или годовая панихида).

Кроме того, у староверов поминовение усопших проводилось в Радоницу (во вторник Фоминой недели), а также в дни «вселенских родительских суббот»: суббота мясопустная (за восемь дней до Великого поста), Троицкая суббота (день перед Троицей) и Дмитриевская суббота (суббота перед днем памяти святого великомученика Димитрия Солунского). Накануне «родительских суббот», в пятницу вечером, с особой торжественностью совершалась соборная вселенская панихида, на которой непременно читались статьи из Синодика, где поминались мученики за старую веру епископ Павел Коломенский, протопоп Аввакум, боярыня Феодосия (в иночестве Феодора) Морозова и другие, а также выговские отцы-киновиархи.

Особо почиталась староверами Великая родительская суббота накануне двенадцатого праздника Троицы. В этот день поминовение было принято проводить прямо на кладбищах. По просьбам прихожан духовные наставники вместе с певчими служили на могилах усопших краткие заупокойные литии. И в наши дни такой обычай весьма распространен среди староверов стран Балтии.

Определенная система запретов существовала в старообрядческой среде и по

поводу правил погребения и поминаения усопших. В частности, церковного погребения и поминаения лишались самоубийцы, умершие от «винного запойства», а также «табашники» и «брадобритцы». Не бывшие перед своей кончиной на исповеди христиане не поминались «на имя» — за них можно было служить только «вселенские панихиды».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: *Копяткевич В.* Олонецкая художественная старина. Петрозаводск, 1914. С. 9.
- ² *Никифоров И.* [Заволоко И. Н.] Древнецерковное зодчество Северной Руси // Родная старина. Древлеправославный исторический вестник. М., 1997. С. 46.
- ³ *Фролова Г. И.* Внутреннее убранство часовен Выговской пустыни // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сборник научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 160.
- ⁴ *Васильев А. В.* О некоторых традициях старообрядческого храмоздания // Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы VII научно-практической конференции «Старообрядчество: история, культура, современность», посвященной 100-летию издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» и 100-летию распечатания алтарей храмов Рогожского кладбища. 22–24 февраля 2005 г. Москва — Боровск. Т. I. М., 2005. С. 361.
- ⁵ Там же. С. 355.
- ⁶ *Васильев А. В.* Архитектура Преображенского старообрядческого богаделенного дома. Тра-

- диции и новации // Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы VI научно-практической конференции «Старообрядчество: история, культура, современность», проходившей в Москве 19–20 ноября 2002 года. М., 2002. С. 310.
- ⁷ Подробнее см.: *Васильев А. В.* О некоторых традициях старообрядческого храмоздания... С. 358–361.
 - ⁸ *Бицадзе Н. В.* Храмы неорусского стиля: идеи, проблемы, заказчики. М., 2009. С. 6.
 - ⁹ *Козлов В. Ф.* Московский старообрядческий Успенский собор на Апухтинке // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. научных трудов. М., 1999. С. 370.
 - ¹⁰ *Кириллов И. А.* Правда старой веры. Барнаул, 2008. С. 460–461.
 - ¹¹ *Кутузов Б. П.* Русское знаменное пение. М., 2002. С. 232–233.
 - ¹² *Игнатова (Котрелёва) Т.* «Написанъ бысть съи стый образ... в Москве в Преображенском». К вопросу об организации труда московских иконописцев-федосеевцев // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. № 11 (111), ноябрь 2013. С. 4.
 - ¹³ Поморские ответы. М., 2004. С. 183.
 - ¹⁴ *Муратов П.* Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова. М., 1914. С. 4.
 - ¹⁵ *Филиппов И.* История Выговской пустыни. СПб., 1862. С. 141.
 - ¹⁶ *Иткина Е. И., Юхименко Е. М.* Иконописная школа // Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. Каталог выставки. М., 1994. С. 31.

- 17 *Пивоварова Н. В.* Памятники богослужебной культуры старообрядцев // *Образы и символы старой веры: Памятники старообрядческой культуры из собрания Русского музея.* СПб., 2008. С. 12.
- 18 *Стародубцев О. В.* Русское церковное искусство X–XX веков. М., 2007. С. 414.
- 19 *Кондаков Н. П.* Известия Высочайше утвержденного Комитета. Вып. 1. СПб., 1902. С. 82.
- 20 *Стародубцев О. В.* Русское церковное искусство X–XX веков. С. 412.
- 21 *Сосновцева И.* Мстёра и Палех // *Образы и символы старой веры...* С. 163.
- 22 Там же. С. 388.
- 23 Там же. С. 389.
- 24 *Половинкин П. В.* Старообрядческие иконописные мастерские в Самарском крае // *Половинкин П. В., Кожевникова М. В.* Старообрядчество Самарского края. История и культура. Самара, 2007. С. 10.
- 25 *Лесков Н. С.* О художнем муже Никите и совоспитанных ему // *Новое время.* 1886. № 3889. 25 декабря. С. 1.
- 26 *Гнутова С. В., Зотова Е. Я.* Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX вв. М., 2000. С. 13.
- 27 *Петренко Т. А.* Вступительная статья // *Неповторимые краски русской эмали. Меднолитая пластика XVIII – начала XX веков из частных собраний.* СПб., 2004. С. 19.
- 28 *Русские художественные промыслы / ред. группа: М. Шинкарук, Л. Киселева, О. Блинова и др.* М., 2011. С. 37.
- 29 Там же.

- ³⁰ Русские художественные промыслы. С. 30–31.
- ³¹ Там же. С. 56.
- ³² *Салтыков А. Б.* Первый русский керамический завод. М., 1952. С. 5.
- ³³ *Смирнов И. П.* Вклад старообрядцев в развитие искусства фарфора в России // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 2002. С. 266.
- ³⁴ Там же. С. 268.
- ³⁵ *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. В двух томах. М., 2006. С. 182.
- ³⁶ *Лотман Ю. М.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: литературоведение. К 50-летию проф. Б. Ф. Егорова. Тарту, 1977. С. 16.
- ³⁷ *Хирьянова Л. В.* Духовная история и культура старообрядчества (на примере Белгородского края): Монография. М., 2013. С. 64.
- ³⁸ «Еженедельник». № 46, пятница 23 ноября 1873. С. 158.
- ³⁹ Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1499. Л. 5–6.
- ⁴⁰ Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., 1983. С. 68.
- ⁴¹ Киотом (*греч.* «ковчег», «деревянный ящик») называется резной деревянный футляр со стеклянной передней дверцей (а иногда и без нее), внутрь которого помещается икона или литое распятие. Нередко старообрядческие киоты богато украшались позолоченным деревянным обрамлением в виде виноградных гроздьев, листьев и цветов.

- 42 Домострой. Сильвестровская редакция. Томск, 2010. С. 22–24.
- 43 Символически благовест изображает евангельское учение, то есть благую весть.
- 44 *Бехчанов Ф.* Колокольный звон в Древлеправославной Поморской Церкви // Журнал «Наставник». Февраль 2010, № 3 (6). Рига, 2010. С. 35–36.
- 45 *Зыков И. И.* Духовные ответы на вопросительное письмо. М., 2005. С. 27.
- 46 *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 69.
- 47 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. М., 1861. Т. 5. Прил. С. 241.
- 48 Любопытно, что в разных регионах за староверческими наставниками закрепились еще свои, местные наименования. Так, например, в Прибалтике и на Северо-Западе России наставников в разговорной речи нередко называют «попами» и даже «батюшками». На Севере весьма распространен звательный падеж (в значении именительного) от слова «отец» — «отче».
- 49 Цит. по: *Никонов В. В.* Указ. соч. С. 59.
- 50 *Барановский В., Поташенко Г. С.* Староверие Балтии и Польши: Краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс, 2005. 258.
- 51 Труды о съезде старообрядцев всего Северо-Западного, Привислянского и Прибалтийского краев и других городов Российской империи, состоявшемся в гор. Вильне 25–27 января 1906 года. Вильна, 1906. С. 22.

- ⁵² Строгая фиксация числа таинств в истории христианской Церкви, равно как и разделение церковных священнодействий на таинства и обряды, в святоотеческих творениях не встречается. Так, например, св. Дионисий Ареопagit (I в.) среди церковных чинов не упоминает особого брачного чина, зато относит к таинствам иноческое пострижение и погребение священников и мирян. Только к началу XVII века схема «семи таинств» стала в Греческой Церкви общепринятой (у католиков эта схема окончательно была догматизирована на Тридентском соборе 1545–1563 годов).
- ⁵³ С точки зрения вечности (*лат.*)
- ⁵⁴ Кормчая (Номоканон). Отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа. Издание пятое. СПб., 2004. С. 160.
- ⁵⁵ Однако на практике такое соблюдалось и соблюдается не всегда. У разных групп староверов существовали разные традиции. Так, например, у русских староверов Латгалии и Польши предписывалось крестить ребенка только после того, как мать перестанет кормить его грудью, то есть приблизительно через 1,5–2 года. В Архангельской губернии, в Пинежском уезде, у староверов-беспоповцев в середине XIX века бытовала практика перехода в старообрядчество мужчин в преклонном возрасте, так как мужчины, связанные с отходничеством, находясь на работах, общались с «никонианами», и тем самым возникала опасность «омирщления, осквернения святого Крещения». Подобная же практика крещения в преклонном возрас-

те была распространена в странническом согласии — принявший крещение должен был порвать всякие связи с «миром антихриста» (Чувьуров А. А. Таинство крещения коми старообрядцев-беспоповцев // Старообрядчество: История, культура, современность. Выпуск 9. М., 2002. С. 30).

⁵⁶ Екимов А. И. Пусть к спасению // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2012 год. М., 2011. С. 114.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Дронова Т. И. Таинство исповеди в обрядовой практике нижнепечорских староверов // Старообрядчество: История, культура, современность. Выпуск 9. М., 2002. С. 38.

⁵⁹ Там же. С. 43.

⁶⁰ Никонов В. В. Указ. соч. С. 30.

⁶¹ Нельзя сказать точно, насколько в подобных случаях венчание в действительности имело место. Учитывая высокий уровень коррумпированности духовенства того времени и желание скрыть от вышестоящих властей реальное количество «раскольников» на их приходе, можно предположить, что иногда имело место простое записывание имен брачующихся в метрические книги за определенную мзду.

⁶² Там же. С. 30–31.

⁶³ Напомним, что в Российской империи признавался лишь церковный брак, а старообрядческие браки (в т. ч. и венчание старообрядцев-поповцев) до 1883 года официального признания не имели. Соответственно, дети, рожденные в таких браках считались незакон-

норожденными и не могли претендовать на наследство своих родителей.

⁶⁴ Никонов В. В. Указ. соч. С. 31.

⁶⁵ Там же. С. 35.

⁶⁶ Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1903. № 5. С. 164.

⁶⁷ Цит. по: Макашина Т. С. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М., 1979. С. 72–73.

⁶⁸ Шамарин В. В. О священстве и лжесвященстве. Самара, 2006. С. 20.

⁶⁹ Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник. Книга вторая. М., 2004. С. 116.

⁷⁰ Древлеправославный Катихизис. Краткое изложение основ Древлеправославной веры. Рига, 2013. С. 126–127.

⁷¹ Подручник имеет глубокое символическое значение. О символике подручника см. ниже.

⁷² В некоторых северных общинах распространен старый выговский обычай каждения «обводом», то есть не крестообразно, а кругообразно, «посолонь». При этом верующие при каждении достают свои нательные кресты. Тем самым получается, что наставник кадит не людей, а их нательные кресты. Первоначально на Выгу, видимо, имелись сомнения: дозволено ли мирянину (каковым является духовный наставник) кадить других мирян? А потому кадили именно кресты. Впоследствии такого обычая придерживались и все, кто следовал даниловской (выговской) традиции (прежде всего, староверы-филипповцы и ряд поморских общин Русского Севера и Верхокамья). Во многих же других поморских общинах пе-

реняли федосеевский обычай кадить каждого прихожанина в отдельности.

- ⁷³ Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. С. 65–66.
- ⁷⁴ Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). 2-е изд., испр. СПб., 2002. С. 84.
- ⁷⁵ Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. С. 71. Существует множество свидетельств того, что на протяжении XVIII–XX веков даже те жители Русского Севера, которые исправно посещали официальную церковь, продолжали креститься двоеперстно.
- ⁷⁶ Семипоклонный начал как средство приступить к молитве // Правда православия. 1907. № 3.
- ⁷⁷ Липинская В. А. Молельная одежда старообрядцев // Сборник материалов конференции «Липоване: история и культура русских старообрядцев». Выпуск VII. Одесса – Измаил, 2010.
- ⁷⁸ Зеленин Д. К. Черты быта Усть-ивановских староверов // Известия ОИАЭ, 1905. Т. 21. Вып. 3. Казань, 1905. С. 213. См. также упомянутую выше весьма обстоятельную статью В. А. Липинской.
- ⁷⁹ У. Г. С. О христианской одежде // Месяцослов христиан древлекафолического исповедания и благочестия старопоморского федосеевского согласия. 2007–2008. Казань, 2007. С. 137.

- ⁸⁰ *Бернштам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983. С. 48–50.
- ⁸¹ Подробнее см.: История и обычаи Ветковской Церкви // Старообрядческий церковный календарь на 1994 год. М., 1993. С. 87–89.
- ⁸² *Половинкин П. В.* Войновский монастырь // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 1998 год. М., 1997. С. 66.
- ⁸³ Там же. С. 67.
- ⁸⁴ *Екимов А. И.* Путь к спасению // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2012 год. М., 2011. С. 115.
- ⁸⁵ *Хирьянова Л. В.* Указ. соч. С. 95.
- ⁸⁶ БАН. Двинское собрание, 34. Л. 23.
- ⁸⁷ Дни празднования указаны по старому стилю.
- ⁸⁸ *Хирьянова Л. В.* Указ. соч. С. 99.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ *Распутин В. Г.* Смысл давнего прошлого // Россия: дни и времена. Иркутск, 1993. С. 172–174.
- ⁹¹ Путешествие в Московию барона Августина Майерберга в 1661 г. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1873. № 3. С. 40–41.
- ⁹² *Фишман О. М.* «Карельские ложка чашка»: чистота питания у тихвинских карел-старообрядцев // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы IX Международной научной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность». 30 сентября — 2 октября 2009 г. Великий Новгород, 2010. С. 214.
- ⁹³ Там же. С. 214–215.

- ⁹⁴ Приготовления к погребению / Под общ. ред. П. В. Половинкина. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2004. С. 4.
- ⁹⁵ *Бабикова Т. И.* Семейная обрядность русских бассейна Нижней Печоры конца XIX — первой трети XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сыктывкар, 1998. С. 16.
- ⁹⁶ Там же. С. 16–17.
- ⁹⁷ В старообрядческой традиции существует, собственно, два канона на исход души: первый — творение св. Андрея Критского, а второй — творение св. Иоанна, епископа Евхитского. Если времени на прочтение обоих канонов не остается, то читают только первый канон.
- ⁹⁸ Приготовления к погребению... С. 16.
- ⁹⁹ О погребении и поминании усопших христиан древлеправославного вероисповедания. Борисов, 2008. С. 19–20.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александр Б. (Бровкович А., Никанор).* Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Ч. I: Сочинения исторические. СПб., 1861.
- Андреев В. В.* Раскол и его значение в народной русской истории: Исторический очерк. СПб., 1870.
- Аристов Н. Я.* Раскольничьи дела XVIII столетия // Библиотека для чтения. 1862. № 4. С. 39–67.
- Барановский В., Поташенко Г.* Староверие Балтии и Польши: Краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс, 2005.
- Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
- Барсов Е. В.* Новые материалы для истории старообрядчества XVII–XVIII вв. М., 1890.
- Барсов Е. В.* Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874.
- Бахтина О. Н.* Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова. Томск, 1999.
- Безгодов А. А.* Христиане-поморцы Украины: краткий обзор и постановка вопроса // Старооб-

- рядчество Украины и России: прошлое и современность. Материалы II Всеукраинской научно-практической конференции; 1–3 октября 2004 года, г. Киев. Киев, 2004. С. 82–86.
- Безгодов А. А., Михайлов С. С.* Подмосковная «Патриаршина»: страница истории староверия в Орехово-Зуевском районе. М., 2003.
- Болонев Ф. Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М., 2004.
- Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. 2-е изд. доп. и испр. СПб., 1900.
- Боченков В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский):* Мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев, 2008.
- Бубнов Н. Ю.* Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб., 2006.
- Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995.
- Бычков В. В.* Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. М., 1992.
- Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Починская И. В.* Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918). Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996.
- Воскресенская Т. А.* Новгородские старообрядцы-беспоповцы во второй половине XIX — начале XX века: Мировоззрение. Быт. Культура. Великий Новгород, 2008.
- Вургафт С. Г., Ушаков И. А.* Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сборник научных статей и материалов. СПб., 2003.

Глинчикова С. Н. Раскол или срыв «русской Реформации»? М., 2008.

Горбацкий А. А. Старообрядчество на белорусских землях: Монография. Брест, 2004.

Гурьянова Н. С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996.

Гурьянова Н. С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.

Данилко Е. С. Старообрядчество на Южном Урале: Очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002.

Денисов С. Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князем Мышецким). М., 2003.

Денисов С. История об отцах и страдальцах соловецких. Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина. М., 2002.

Дронова Т. И. Русские староверы-беспопвцы Усть-Цильмы: Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX–XX вв.). Сыктывкар, 2002.

Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск, 2007.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999.

Дынникова И. В. Морозовский хор в контексте старообрядческой культуры начала XX века. М., 2009.

- Ершова О. П.* Старообрядчество и власть. М., 1999.
- Женщина в старообрядчестве: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители. Петрозаводск, 2006.
- Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.
- Жития протопопа Аввакума, инокa Епифания, боярыни Морозовой. Статьи, тексты, комментарии. СПб., 1993.
- Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012.
- Заволоко И. Н.* История Церкви Христовой. Рига, 1991.
- Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. В 2 т. М., 2006.
- История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. Том I: годы 1917–1970. СПб., 1997.
- Казанцева М. Г., Коняхина Е. В.* Музыкальная культура старообрядчества: Учеб. пособие. Екатеринбург, 1999.
- Каменева Е. А.* Петербургские старообрядцы в XVIII — первой половине XIX века. СПб., 2013.
- Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: Время патриарха Иосифа. М., 2003.
- Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. М., 1996.
- Карташев А. В.* Смысл старообрядчества // Сборник в честь П. Б. Струве. Прага, 1925.

- Кириллов И. А.* Правда старой веры. Барнаул, 2008.
- Кириллов И. А.* Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М., 1913.
- Ключевский В. О.* Западное влияние и церковный раскол в России XVII века // *Ключевский В. О.* Очерки и речи. Сб. 2. Пг., 1918.
- Кожурин К. Я.* Боярыня Морозова. М., 2012.
- Кожурин К. Я.* Духовные учителя сокровенной Руси. СПб., 2007.
- Кожурин К. Я.* Культура русского старообрядчества (XVII–XX вв.). Ч. I и II. СПб., 2007–2010.
- Кожурин К. Я.* Повседневная жизнь старообрядцев. 2-е издание. М., 2017.
- Кожурин К. Я.* Протопоп Аввакум: Жизнь за веру. М., 2011.
- Кожурин К. Я.* Староверие в Петербурге. СПб., 2006.
- Козлов В. Ф.* Москва старообрядческая: История. Культура. Святыни. М., 2011.
- Костров А. В.* Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX — начале XX вв. Иркутск, 2006.
- Культура староверов Выга (к 300-летию основания Выговского старообрядческого общежития): Каталог. Петрозаводск, 1994.
- Культура староверов стран Балтии и Польши: исследования и альбом. Вильнюс, 2010.
- Кутузов Б. П.* Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. М., 2003.
- Кутузов Б. П.* Знаменный распев — поющее богословие. Сборник статей. Изд. 2-е, доп. и переработ. М., 2009.

- Лизунов В. С. Старообрядческая Палестина. Орехово-Зуево, 1992.
- Любомиров П. Г. Выговское общежитие. М.; Саратов, 1924.
- Любопытный П. (Светозаров П. Л.) Исторический словарь 86 праотцев // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1863.
- Макаров В. Е. Очерк истории старообрядчества от Никона до наших дней. М., 1911.
- Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006.
- Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Н. Субботина. Т. 1–9. М., 1874–1895.
- Мельников Ф. Е. История Русской Церкви (со времен царствования Алексея Михайловича до разгрома Соловецкого монастыря). Барнаул, 2006.
- Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999.
- Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993–1994. Т. 2. Часть 1. Церковь, религия, литература. М., 1994.
- Мир старообрядчества. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований. Материалы международной научной конференции. М., 1998. Вып. 4.
- Мир старообрядчества. Личность. Книга. Традиция / Под ред. И. В. Поздеевой, Е. Б. Смилянской. М.; СПб., 1992. Вып. 1.
- Мир старообрядчества: История и современность / Отв. ред. И. В. Поздеева. М., 1999. Вып. 5.

Мировоззрение и культура севернорусского населения. М., 2006.

Морозова Н. А. Книжность староверов Эстонии. Тарту, 2009.

Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни: Каталог выставки. М., 1994.

Никонов В. В. Староверие Латгалии: Очерки по истории староверческих обществ Режицкого и Люцинского уездов (2-я половина XVII – первая половина XX вв.). Резекне, 2008.

Новгородское староверие: История, культура, традиции в прошлом и настоящем. Сборник статей. М., 2009.

Новиков А. В. Цилемский скит: исторический очерк. Архангельск, 2009.

Образы и символы старой веры / Альманах. Вып. 217. СПб., 2008.

Окладников Н. А. Поборники древнего благочестия: [исторические очерки]. Архангельск, 2012.

О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива). М., 2012.

Островский Д. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петро-заводск, 1914.

Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000.

Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говора староверов Эстонии: Книга для учащихся. Тарту, 2008.

Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

- Пивоварова Н. В.* Старообрядческая икона в историко-культурном контексте XVIII – начала XX века: Опыт систематического анализа. М., 2017.
- Писания выговцев: Сочинения поморских старообрядцев в Древлехранилище Пушкинского Дома. Каталог-инципитарий. СПб., 2004.
- Пичугин Л. Ф.* Старая вера. Апологетическое исследование. Изд. 3-е. М., 2004.
- Покровский Н. Н.* Путешествие за редкими книгами. Изд. 2-е, доп. М., 1988.
- Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.
- Половинкин П. В., Кожевникова М. В.* Старообрядчество Самарского края. История и культура. Самара, 2007.
- Полозова И. В.* Церковно-певческая культура саратовских старообрядцев: формы бытования в исторической перспективе. Исследование. Саратов, 2009.
- Поморские ответы. М., 2004.
- Пономарева Г., Шор Т.* Староверы Эстонии: Краткий исторический справочник. Тарту, 2006.
- Попов Н. И.* Сборник материалов для истории старообрядчества. М., 1866.
- Поташенко Г.* Староверие в Литве. Вильнюс, 2006.
- Прозоров И. А.* История старообрядчества. М., 2002.
- Прокуратова Е. В.* Традиционная культура старообрядчества. Учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2004.

- Пустозерская проза: Сборник. М., 1989.
- Пустозерские узники — свидетели Истины. Сборник. Ростов-на-Дону, 2009.
- Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М., 2013.
- Расков Д. Е. Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012.
- Русские старообрядцы в Польше. Сувалки, 2007.
- Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов. М., 2008.
- Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв.: монография / Авт.-сост. Р. В. Кауркин, Е. П. Титков, С. Р. Савенкова, А. В. Морохин. 2-е изд. СПб., 2012.
- Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. М.; Иерусалим, 1994.
- Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. М., 1995.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1–4. СПб., 1992–2004.
- Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
- Смирнов П. С. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1895.
- Соболева Л. С. Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности. Очерк первый. Рукописный облик устного слова. Екатеринбург, 2005.

- Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. I. М., 2004.
- Соловьев В. С. О русском народном расколе // Сочинения. Т. 1. М., 1994.
- Староверы на Северо-Востоке европейской части России: Сборник статей. Сыктывкар, 2006.
- Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994.
- Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов. М., 1999.
- Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2004.
- Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов. Вып. 4. М., 2010.
- Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов. Вып. 5. М., 2013.
- Старообрядчество в Тверском крае: Прошлое и настоящее. Материалы круглого стола, состоявшегося в Тверском государственном университете 16 февраля 2007 года. Тверь; Ржев, 2007.
- Старообрядчество в Тюменском крае в XVII – XXI вв.: Послания, документы, публикации, воспоминания, исследования современных историков. Вып. 3. Тюмень, 2009.
- Старообрядчество: история и культура: библиогр. указ.: книги и статьи на русском и иностранном языках (1900–2009). М., 2011.
- Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Старообрядчество: История, культура, современность», посвященной 100-летию издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» и 100-ле-

тию распечатания алтарей храмов Рогожского кладбища. 22–24 февраля 2005 года. М.; Боровск, 2005.

Старообрядчество Русского Севера: Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Каргополь, 1998.

Судьба старообрядчества в XX — начале XXI вв.: история и современность. Сборник научных трудов и материалов. Вып. 1–6. Киев, 2007–2013.

Таранец С. В. Старообрядчество города Киева и Киевской губернии. Киев, 2004.

Таранец С. В. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX века). Т. 1–2. Киев, 2012–2013.

Традиции духовного образования в старообрядчестве: История, современность, перспективы. Сборник материалов. Ржев, 2003.

Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1992.

Традиционная книга и культура позднего русского средневековья: Труды Всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября 2006 г.). В 2 ч. Ярославль, 2008.

Тулупов Т. С. О разделении Русской Церкви: Poleмический очерк. СПб., 2012.

Урушев Д. А. Возьми крест свой (история старообрядчества в событиях и лицах). Барнаул, 2009.

- Фишман О. М.* Жизнь по вере: Тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003.
- Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
- Хирьянова Л. В.* Духовная история и культура старообрядчества (на примере Белгородского края): Монография. М., 2013.
- Хохлова Т. А.* Старообрядчество и развитие рыночного уклада в России. М., 1997.
- Хренов Н. А., Соколов К. Б.* Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2000.
- Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции. М., 2002.
- Хронограф Литовский, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства / Подг. Н. Морозовой и Г. Поташенко. Вильнюс, 2011.
- Чернышов А. В.* Старообрядчество и старообрядцы Западной Сибири (XVII–XXI вв.): Аннотированные библиография, источниковедческий обзор, документы. Тюмень, 2006.
- Шахов М. О.* Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2002.
- Шахов М. О.* Философские аспекты староверия. М., 1998.
- Щапов А. П.* Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века: Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859.

Круг староверческой жизни: от купели до погоста

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. В 2 т. М., 2002.

Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. В 2 т. М., 2008.

Юхименко Е. М. Поморское староверие в Москве и храм в Токмаковом переулке. М., 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Старообрядческое храмостроительство	5
Глава 2. Старообрядческая иконопись ..	48
Глава 3. Меднолитая пластика	113
Глава 4. Традиционные художественные промыслы	134
Глава 5. Жизненный уклад старообрядцев	147
Моленная	151
Духовные наставники	164
Крещение	173
Исповедь	179
Брак	184
О духовном причастии	191
Молитва	193
Крестное знамение	205
Седмипоклонный начал	210
Моленная одежда	212
Иноческое облачение	222

Лестовка и подручник	225
Восьмиконечный крест.....	232
Праздники	235
Посты	259
Замирщение и бытовые запреты.....	263
Похороны и поминование умерших	271
Примечания	291
Библиография	302

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Кожурин Кирилл Яковлевич

КРУГ СТАРОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

От купели до погоста

Директор издательства В. В. Чубарь
Выпускающий редактор Л. А. Галаганова
Технический редактор О. В. Новикова
Подготовка издания В. Ю. Трофимов

Подписано к использованию 15.06.25
Формат 10,0×18,0 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Церковный раскол середины XVII века стал водоразделом русской истории. Большинство ученых, наверное, до конца еще не осознали, какая непоправимая катастрофа произошла на Руси в далеком XVII столетии, как не поняли истинных масштабов и значения русского сопротивления — движения старообрядчества.

В дальнейшем, в царствование Петра I, религиозный раскол был углублен за счет раскола культурного. Не желавшие изменять вере своих предков, сотни тысяч русских людей были названы невеждами, причислены к преступникам против церкви и государства и обречены на церковное и царское наказание.

Спасаясь от преследований, староверы устремились в непроходимые леса, на окраины государства, за его рубежи, бежали во все концы необъятной Руси. Хранители «древлего благочестия» бросали все, кроме древних икон и старопечатных книг, и на новом месте, куда их кидала судьба, бережно, по крупичам, возрождали Древнюю Русь.

О прошлом и настоящем «истинного православия», о повседневной жизни староверов XVIII–XIX веков и наступившего XXI столетия рассказывается в этой книге.